

Анна Мичи

АКАДЕМИЯ ТРЕХ СИЛ

Когда пришло письмо из академии, мы с Ласом тренировались на заднем дворе. Брат сверкал глазами и корчил рожи, а я прыгала вокруг, пытаясь его достать. Безуспешно: он-то уже на третьем курсе, а я только в этом году должна была поступать. Лас, правда, клялся, что не использует заклинаний, которых я еще не знала, но, по-моему, жульничал. Иначе я бы не проигрывала ему постоянно.

Вот и теперь...

— Ничего, — пропыхтела, когда через все магические щиты и барьеры получила тупым концом тренировочного меча в живот — конец игры. — Вот увидишь, на следующий год я тебя обставлю. У вас будет групповая практика, а у нас усиление, боевая мощь, всякие заклинания.

Брат в ответ хозяйским жестом потрепал мои волосы. Вытер пот со лба, уставился вдаль. Пшенично-золотые пряди в его влажных волосах смешивались с розовыми — благословение Аррага и отличительный знак всех настоящих Сантернов. У нас у всех были такие шевелюры, кроме матери, по крови чужачки.

— Вроде почту принесли, — Лас смотрел в сторону забора. — Вижу зеленую форму.

Я подпрыгнула, безуспешно стараясь сравняться ростом с братом. Ничего не вышло, но кусочек зеленой шляпы с огромным павлиньим пером заметить удалось. Эх, мало того что младшая, еще и самая мелкая. И единственная девчонка в семье. Постоянно приходится чувствовать себя самой слабой, самой неумелой, самой «Да ладно, Сатьяна, ты молодец, для девчонки вообще отлично».

Но ничего. В этом году я начну учиться на факультете боевой магии. Как дед, отец и братья. Научусь использовать настоящие боевые заклинания, не эти простенькие, которые знает каждый младенец, а мощные и зрелищные. С мечом я и так обращаюсь неплохо, а вот с магической стороной куда хуже. Хочется поскорее уметь выделять такие же трюки, как Лас: мгновенно подскакивать к противнику с помощью «порыва», приковывать к себе его внимание «яростным взглядом», сковывать ноги магической удавкой.

А потом — ну это уже курсу ко второму, а то и третьему — у меня появится собственная группа, как в этом году у Ласа. Своя команда, где я буду лидером.

Я зажмурилась, представляя, как мы впятером — обычная комплектация боевой связки — методично уничтожаем гигантскую тварь. Матерую, величиной с дом, роняющую ядовитые слюни. Я впереди, удерживая внимание твари, оглушаю, кромсаю, не даю ей ни минуты покоя, чтобы она не опомнилась и не обратила внимание на тыл, где находятся те, кого я защищаю.

Эх, скорее бы это время пришло!..

— Не хочешь проверить, что принесли? — брат уже развеял магический доспех и ополоснулся. — Ставлю на кон свой нож, там тебе письмо о поступлении.

Я кивнула, стащила через голову свой доспех, обычный, кожаный, тоже умылась. Радость скользнула мелкими пузырьками, пощекотала внутри.

У меня не было никаких сомнений в том, что я поступила. Я же Сантерн из клана Сантернов. У клановых преимущество, тем более что речь о факультете боевой магии, нашем профессиональном. Но все равно легкий мандраж захватил, когда ступила в прохладный холл.

Письмо из академии я увидела сразу. Оно лежало на обеденном столе с уже расколотой травянисто-зеленой печатью на конверте. Отец с матерью сидели рядышком и о чем-то беседовали. Отец чуть хмурил брови, вертя в руках сложенный в несколько раз листок, а мама что-то говорила с улыбкой на лице.

Сердце подпрыгнуло. Не иначе как мой отъезд обсуждают.

— Мам, пап, привет, — поздоровалась небрежно. — Из академии?

Лас только хмыкнул. Он видел мое притворство насквозь.

— Да. — Мама поднялась, подошла ко мне, обняла, обдавая цветочным ароматом. — Фу, опять ты вся мокрая и пропахла потом! Лас, сколько раз говорить, ищи другого противника для тренировок, зачем ты постоянно берешь Сатьяну?

— Это не Лас, я сама. — Высвободилась из объятий. — Так что там? Я поступила?

— Конечно! — Мать метнулась к столу, вырвала листок у отца и победно замахала им в воздухе. — Еще бы они тебя не взяли, ты же из рода Сантерн! — И она торжественно зачитала короткий текст: — «Сим сообщаем, что Сатьяна Сантерн успешно зачислена на первый курс Академии Трех Сил на

факультет магии стихий».

Сначала я заметила озадаченный взгляд Ласа и хмурое лицо отца. И только потом осознала, что сейчас произнесла мать.

Факультет магии стихий. Не боевой магии, а стихийной.

Мать отдала меня учиться на «рыбака».

Пол ушел из-под ног, в ушах зашумело. Одновременно в груди шевельнулась безумная надежда: не может быть, это какая-то ошибка. Но кто-то рассудительный и безжалостный твердо шепнул: никакой ошибки. Вот почему мать довольно приплясывает, она же сама «рыбачка». Вот почему у отца такое хмурое выражение, а Лас смотрит на меня едва ли не с жалостью.

— Чего стоишь, как будто недовольна? Это же академия, ты так мечтала попасть!

— На факультет боевой магии, не стихий, — еле шевельнула я губами. Горло пересохло, и слова казались тоже какими-то сухими и ломкими. — Я хочу быть боевым лидером... как отец, как братья. Как все наши...

— Не говори глупостей! — Лицо матери сразу сделалось сердитым и жестким. — Это опасно. Сражаться в первом ряду, лезть прямо в пасть тварям, командовать мужчинами — все это не для девочки.

Отец тихо поднялся и пошел к выходу. Как всегда: если что касается братьев, то последнее слово за ним, а как речь заходит обо мне — тут же уступает матери. Девочек должна обучать мать, это его девиз.

Но я не просто девочка, я из клана боевых магов!

— Бабушка — боевик, — напомнила.

Невозможно, невероятно! Я не представляла себе другой жизни кроме как в качестве боевика, лидера группы, мастера меча. Что я буду делать на факультете стихийников? Среди цветника таких же надушенных нежных ромашек, как моя мама? Среди «рыбаков», прозванных так за то, что их оружие, магические шары, во время боя висят перед ними, как круглая надутая рыба на удочке.

Это ужасно и нечестно. Да чего там, это просто невозможно вообразить!

— Когда бабушка была молодой, время было другое. Сейчас девочке из приличной семьи нет необходимости лезть на рожон, — не терпящим возражений тоном отрезала мать. — Или ты хочешь быть похожей на мужчину? В плечах поперек себя шире?

Я судорожно схватила ртом воздух, сжала кулаки. Обида обожгла грудь, горьким комом встала в горле.

От матери такого не ожидала. От посторонних, не клановых, ничего не понимающих в боевой магии — запросто, но от матери? Она больше двадцати лет замужем за отцом, является частью семьи Сантерн, постоянно видит молодых девушек-боевиков, которые ничуть не похожи на парней — и повторяет такие глупости?

Да я сама, хоть и тренировалась с детства, не сильно-то отличалась от нее фигурой, разве что была чуть ниже и крепче. Может, конечно, мать именно это и называет «быть похожей на мужчину»...

— Мам, не надо... ты не права, — вступился за меня брат.

И тут же получил по плечу свернутым в жгут полотенцем.

— Молчать! Малы еще матери возражать! Ты, — она ткнула пальцем в Ласа, — марш на улицу, помогать отцу. А ты, — уже мне, — сейчас же пойдешь со мной за покупками. Времени нет — письмо запоздало, караван отправляется завтра.

— Я не хочу... А если откажусь?

— Откажешься? — Ее глаза сверкнули угрозой. — Отлично! Тебе уже семнадцать, давно пора выдать замуж за хорошего человека. Будешь сидеть в замке и воспитывать детей, раз не хочешь учиться. Мечником на поле боя я тебя не пушу!

Я задыхнулась. Еще одна навязчивая идея матери. Я даже знала, за кого она хотела меня отдать, за длинноносого прыщавого Дейна из клана «рыбаков». Клан довольно известный, мать хотела, чтобы Аттер женился на девушке оттуда, но он взял в жены стихийницу из своей же команды. Частая история. А после того как Дейн, которому надоело, что я не отвечаю на его глупые задиранья и

масленные взгляды, заявился с отцом сватать меня, мать загорелась этой идеей. Согласилась повременить только до тех пор, пока я не закончу учебу.

Думала недолго. Об академии я мечтала, но рассчитывала, что буду учиться на боевика. Но еще меньше, чем «рыбаком», хотела бы стать женой прыщавого Дейна.

Учиться долго, четыре года. За это время много воды утечет, может, и унесет с собой ненавистный брак. И в академии мама не достанет меня со своими придирками и запретами на тренировки. И там будут Лас с Вейсом. Мы еще покажем магическим ромашкам, что такое клан Сантерн!

— Так и быть, учиться поеду, но у меня есть условие.

— Мала еще условия выставлять! — мгновенно вскинулась мать. Но потом добавила: — Ну?

— Свои вещи собираю сама.

Она некоторое время буравила меня подозрительным взглядом, потом кивнула.

— Так и быть. Но если попробуешь забыть хоть что-нибудь важное, приедешь обратно, так и знай. И отсюда уже отправишься только замуж.

Мы больше трех часов мотались по рынку, покупая форму, учебники, справочники, ингредиенты для зелий и заготовки для простейших артефактов. Заготовки, как и тренировочное магическое оружие, оставили напоследок, а когда пришла пора платить за них, вдруг обнаружилось, что у нас нет кошелька.

— Как же так, — мама в тысячный раз перебирала вещи, — ведь был же... Заплатив за походный столовый набор, я сунула его в сумку, потом еще раз проверила...

— Пойдем уже.

Отпихнув в сторону кучу, которой не суждено было стать нашей, со злорадством посмотрела на аккуратно уложенный в центре круглый магический шар на цепи. Алый, с похожей на желток сердцевинкой, которая слегка сияла, отзываясь на прикосновение. Чисто внешне он был неплох. Мама и правда выбрала лучшее в этой лавке. Лучшее из возможного.

Вот только любому, даже самому красивому и потенциально сильному магическому шару я бы предпочла простой грубо сработанный железный меч — оружие боевиков. Руки сами сжались, словно в них легла рукоять любимого Сорванца, пахнущая железом и кожей, моим собственным потом, впитавшимся за годы тренировок.

— Потом вернемся. — Дернула мать за рукав, на самом деле лелея надежду, что возвращаться не придется: вдруг родители передумают... Хотя нет, раньше небо расколется, чем они передумают.

— Потом может и не быть, — проворчал низкорослый бородатый торговец.

Мама ему плешь проела, требуя самое лучшее, но при этом недорогое, а теперь, когда выяснилось, что все его страдания напрасны, доброжелательность слезла с него, как лак со старой миски.

— Оставьте для нас, мы придем и заплатим, — распорядилась мать.

— Вот еще, оставлять! — Торговец принялся сгребать вещи куда-то под прилавок. — Нет уж, платите сейчас или уходите и не возвращайтесь! Развелось тут мошенников.

— Да как вы смеете! — Мать вспыхнула, как хорошо просушенный хворост. — Я Алтея Сантерн! За оскорбление ответите!

Началось... Мать, в венах которой как раз и не текло ни капли крови Сантернов, обожала козырять нашей фамилией тут и там. Вот и сейчас, только ей показалось, что честь клана задета, как готова сцепиться, не понимая, что этим опускается на один уровень с рыночным торговцем. Но не успела я и слова вставить, как сзади раздался приятный мужской голос.

— Сколько все это стоит? Я заплачу за прекрасных ар-теранн.

Мы с мамой обернулись одновременно.

Судя по белоснежным волосам, это был вендаец. Высокий, худой, как моя смерть, зато с яркими синими глазищами, сверкавшими из-под белых прядей. Правда, у вендайцев обычно брови и ресницы тоже белы как снег, а у этого были смоляно-черными. Непривычно. Довольно симпатичный, так что, почувствовав на себе заинтересованный взгляд, я немного смутилась.

— О, великодушный ар-теран, — мать тут же сделала стойку, — не стоит, право слово, мы сейчас

договоримся с этим добрым человеком, и все будет улажено.

Я метнула быстрый взгляд назад. Упрямое выражение на лице торговца свидетельствовало, что договариваться он не собирается. А если мы будем упорствовать, позовет охрану — заметила, как он косится на магический колокольчик рядом с его правой рукой.

— Теран, — тем временем поправил мать вендаец. — Я пока не нашел себе клан, еще учусь.

Мать бросила взгляд на меня, причем с явным намеком.

— А где, случайно не в Академии Трех Сил? Наша Сатьяна в этом году поступила на факультет магии стихий.

Твари Хагоса! «Сатьяна поступила»! Не поступила, а ее запихнули. Насильно и не спрашивая. Еще и ультиматум выдвинули: учеба или свадьба.

— О, неужели!

Парень снова посмотрел на меня. Вроде бы дружелюбно и заинтересованно, но легкий проблеск насмешки в ярко-синих глазах и какое-то превосходство, что ли, выводили из себя. Считает, наверно, что я такая же, как мама, любительница поскандалить, прикрываясь кланом.

Разозлившись, отвернулась. А вендаец, не обращая внимания на дальнейшие мамины «что вы, не стоит», споро заплатил за нас и так же быстро откланялся, хотя родительница пыталась остановить его и выяснить, куда прислать деньги.

— Нигос, Сатьяна, какой замечательный молодой человек! — Мама пялилась ему вслед, пока торговец укладывал покупки. — Жаль, не сказал, где учиться, но я уверена, ты еще встретишь его в академии. Может, он даже учится на факультете магии стихий!

— Скорее на боевом, — вставила я из врожденного упрямства.

Хотя не только — парень на вид был довольно крепким, хоть и худым. Жилистый, на руках мозоли — я заметила, когда он платил. Явно умеет обращаться с оружием, и это вовсе не магический шар.

— Уймись ты уже!

Мать направилась к выходу, получив от торговца мешок и всучив его мне. Вот когда нужно таскать за ней покупки, речь о том, что девочке не подобает носить тяжести, почему-то не шла.

Скорчив ей в спину негодующую рожу, побрела следом. И, едва выйдя из лавки, увидела на крыльце лежавший как ни в чем не бывало мамин кошелек.

— Нигос! — Она сноровисто подняла его и раскрыла. — Слава Великому, и деньги на месте! Ну вот, я же говорила, он просто вывалился!

Просто вывалился? Странно... С чего бы ему вываливаться, когда мать обычно прячет его на самое дно сумки? Да она в каждой лавке копалась, вытаскивая его! Что, сам по себе подпрыгнул, чтобы вывалиться? С другой стороны, воришка скорее бы подрезал саму сумку, а она цела. Да и деньги пропали бы.

Я подозрительно обвела взглядом окрестности, надеясь увидеть подсказку. Но место было не особо людным, сюда забредали в основном те, кто целенаправленно шел в лавку магической дребедени для студентов академии. Пусто. Узкая улочка, сваленные в беспорядке ящики, забор, крыша дома в листве. Тут что-то мелькнуло, привлекая внимание, и я уставилась на забор. Маленькое белое животное, обвив верхнюю часть опоры, вытянуло длинную шею и смотрело в нашу сторону. Черные глазки забавно поблескивали, круглые уши были прижаты к голове.

— Ой, надо же, ласка! — Мама тоже его заметила. — Или горностай? И что делает в городе? Может, сбежала?

Я неопределенно пожала плечами. Ласка, заметив наше внимание, шмыгнула вниз, пролезла под забором и смело направилась к нам.

— Она ручная? — Я присела и протянула руку. Ласка замедлила бег, но приблизилась и ткнулась острой мордочкой в ладонь. — Давай возьмем ее?

Мама открыла рот, намереваясь возразить, — знала я это выражение на ее лице, а животинка, будто поняв, тут же вывернулась из-под моей руки, белой молнией помчалась прочь и мгновенно затерялась где-то среди ящиков и бочек.

— Пойдем домой, Сатьяна, — окликнула мать, — перед отъездом еще надо успеть поклониться

Хранителю.

Странно, но ласка пошла за нами как привязанная. Пряталась от встречных, от бродячих псов, кидавшихся за ней с лаем, быстрыми прыжками пересекала открытое пространство, временами пропадала, но потом снова появлялась.

Я устала оглядываться, изумляясь ее поведению. Скорее всего, не дикая, вон как привычно чувствует себя в городе. От людей прячется, но не паникует, просто избегает встречи. Спутала нас с хозяевами? Или решила, что мы подходим на роль новых?

Я собиралась заманить ласку в дом, чтобы потом показать деду, но, когда мы подходили к воротам клановых территорий, она куда-то пропала.

— Подозрительное животное, — бросила мама. — Как будто шпионила.

— Зачем за нами шпионить, — я пожала плечами больше из желания возразить, — в этом городе каждая собака знает, что мы из клана Сантерн. Достаточно на мои волосы взглянуть.

— Мало ли зачем. — Мать начертила в воздухе знак «ирг», защита в ответ мягко засияла и пропустила нас. — Будь осторожна, Сатьяна, особенно в академии. Мы с папой слишком далеко, чтобы приглядывать за тобой.

Вот и хорошо.

Это я только подумала, вслух говорить не стала.

Дом встретил прохладной тишиной. Вслед за мамой я прошла через холл, спустилась по широкой каменной лестнице и окунулась в пахнущий смолой и пылью воздух святилища.

Хранитель находился здесь, сколько я себя помню. Даже не так: Хранитель находился здесь столько, сколько существует наш клан. Величайшая драгоценность семьи Сантерн, оберег и символ, источник магии рода.

На вид это было полускрытое в камне сияющее золотое яйцо. Говорили, в минуты опасности для рода оно горит алым, в минуты, когда случается нечто очень хорошее, — белым, но я никогда не видела, чтобы Хранитель менял цвет. Может, оно и к лучшему.

Опустившись на колени рядом с матерью, склонила голову и попросила про себя, чтобы боги и покровители были ко мне милостивы. И чтобы случилось что-нибудь и мне не пришлось бы идти обучаться на «рыбака». Пусть отец передумает. Пусть даже случится большой прорыв, потребуются все воины, даже девушки, даже младшие дочери.

Последнюю мысль тут же отогнала. Прорыва все-таки не надо. Хватало и рассказов бабушки: во время ее молодости защита города была куда слабее, а твари — сильнее и кровожаднее. Прорывы случались часто, и ни один из них не обходился без жертв. Сестра бабушки и ее жених погибли в таком, а сколько простого народа — всех не перечислишь. Так что нет. Пусть все будет хорошо.

Помолившись, я оглянулась на пороге — Хранитель по-прежнему мерцал ровным золотистым сиянием.

На следующее утро мы выехали чуть свет. Я, Лас и Вейс — первый, третий и четвертый курс академии. Ехали на телеге, нагруженной сундуками и узлами. Я незаметно поглаживала лежавший рядом большой баул: там, под ворохом одежды, покоился замотанный тряпками Сорванец. Собственно, именно поэтому я и выдвинула матери условие: если бы меня собирала она, не видать мне меча как своих ушей.

Отец верхом на лошади провожал нас до заставы. За ней начинались дикие земли, бесхозные — в принципе, люди жили и там, но, мягко говоря, несладко. И чаще всего недолго.

Причина проста — твари Хагоса. Хагос, злое начало, постоянно строящее козни людям, создал тварей нам на гибель. Но Нигос благословил людей сражаться с ними и дал нам магию: магию стихий, магию меча и магию исцеления.

В принципе, сейчас стало гораздо безопаснее, не то что раньше. К городам и большим дорогам наученные жизнью твари почти не подходят. Почти — за исключением случаев бешенства или гона.

Но простые люди без магического дара без сопровождения боевой команды на дорогу все равно стараются не соваться, вот и мы телепались до заставы, чтобы ехать с большим караваном под

охраной. Хотя мы и были учениками академии, Вейс так вообще уже на четвертом курсе, все же не могли считаться полноправными бойцами.

— Сатьяна, — окликнул отец, — не зевай, прибыли.

И впрямь, телега проехала еще немного и остановилась перед большим двухэтажным зданием заставы. Сердце ухнуло: вот оно, начало путешествия. Мы выбрались и стали таскать вещи в полутемное с улицы помещение. Лас и Вейс ушли внутрь, а отец подозвал меня, и я вытянулась перед ним и ждала, что он скажет.

— Вот ты и выросла, дочка. — На плечо легла тяжелая рука истинного боевика. Папа выглядел странно, будто пытался подавить смущение или неловкость. — Учись хорошо, старайся.

— Я бы старалась еще больше, если бы училась на боевика, — буркнула.

Он пропустил выпад мимо ушей и мягко продолжил:

— Я очень хотел дочку. Но как мы ни пытались, рождались только сыновья. И тогда я пообещал твоей матери, что если родится дочка, никогда не стану вмешиваться в то, как она ее воспитывает. И ты родилась.

Я промолчала. Только подумала про себя, что зря он пообещал. И вообще, раз так, лучше бы я родилась мальчиком.

— Знаешь, мне кажется, твоя мать права: сражаться в первых рядах — занятие для женщины неподходящее.

— Замолчи!

Хоть нас и приучили не поднимать голос на родителей, я все же не выдержала. Предатель! Хорошо же ему мать мозги промыла!

Не дожидаясь ответа, повернулась и бросилась на заставу. В глазах закипали слезы ярости. Нет, я понимала, что сейчас уже ничего не изменить, не ждала от отца, что он вдруг скажет: «Все улажено, ты будешь боевиком». Но и того, что услышу набившее оскомину «неподходящее для девушки занятие», не ожидала тоже.

И тут раздался насмешливый голос:

— Привет, «рыбачка».

Я гневно вскинула голову. Узнала его, даже не прищуриваясь в плохо освещенном помещении. Беловолосый вендаец, заплативший за нас в лавке, стоял, привалившись плечом к стене и сложив руки на груди, и сверлил меня с высоты своего роста таким же насмешливым, как голос, взглядом.

— Я мечница! — буркнула, намереваясь пройти мимо.

— Ух как страшно, — рассмеялся вендаец, а в следующий миг дорогу мне преградило чужое колено. — И где твой меч, мечница?

Сузив глаза, просверлила его испепеляющим взглядом. А ему хоть бы хны, стоит, скалит зубы.

— Я тебя и без меча на обе лопатки положу.

— Если ты будешь сверху, я и сам с удовольствием лягу.

Я не сразу поняла. А когда дошло, покраснела как помидор. В груди полыхнуло пламя, руки сами сжались в кулаки, и дальше я действовала уже на одних вбитых в тело навыках: воткнула кулак вендайцу в живот, а когда он охнул и немного согнулся, поймала за уши и двинула коленом по подбородку.

Даже мне было немного больно, а у парня, наверное, искры из глаз посыпались. Пренебрежительно фыркнув — будет знать, как связываться с девушкой из клана Сантерн, хотела было проскочить во внутренние комнаты, как вокруг талии обвилась жесткая рука.

Вендаец, который должен был, по идее, лежать на полу и поскуливать, опомнился почти мгновенно. Рывком развернул меня, припечатал к стене, перехватил руки и наклонился, заглядывая в лицо. Он тяжело дышал, в глазах пылала холодная ярость. Но куда больше, чем его ярость, меня напугала собственная реакция. Сердце замерло, потом сильно заколотилось. От чужого взгляда, от рук, сжимающих запястья, бросило в жар. Сама не поняла, что со мной. Противник подкрался так близко, я в невыгодном положении, надо ударить, использовав его слабые места, а я ничего не делала, ощущая себя удивительно незащищенной под этим злым синим взглядом.

— Сага? Ты где? — В комнату заглянул Лас. — Хм-м?!

В этом «хм-м» было много непонятого, но мне было не до того, чтобы разбирать оттенки. Пользуясь тем, что хватка беловолосого на мгновение ослабла, я вывернулась, нырнула под его руку и хмуро буркнула, проходя мимо брата:

— Чего орешь, тут я.

Лас снова хмыкнул, на этот раз весело, и пристроился рядом. Через здание заставы мы вместе прошли во внутренний двор — ждать, пока соберется караван.

— Кто это? — с любопытством спросил брат. — Знакомый?

Я только фыркнула. Избави Нигос от таких знакомых. Таких... наглых и позволяющих себе идиотские шутки. И ведь он наверняка едет в академию. Это ж еще и там с ним встречаться... Одно хорошо: он точно не стихийник, что бы мама ни говорила. Стихийники не обладают такой реакцией и непривычны к физическим нагрузкам. С другой стороны...

— Вейс, у вас на курсе вендайцев нет? — спросила, когда мы втроем присели на скамье у высокого, в два человеческих роста забора из мощных бревен. Поверху шла еще и магическая защита: снаружи расстилались дикие земли.

— Вендайцев? — Брат озадаченно нахмурил брови.

— Если конкретнее, то она имеет в виду его. — Лас усмехнулся при виде беловолосого, как раз появившегося во дворе. — О-ой! — окликнул он его. — Вендай!

Я сердито шикнула на брата, но было поздно. Парень как ни в чем не бывало направился к нам с улыбкой на губах.

— Ахой, — поздоровался на свой манер. — Звали?

— Сестра тут на тебя запала, интересуется, — ехидно сообщил Лас. Получил по уху, но не обиделся и этим самым ухом даже не повел. — В академию едешь? На какой курс перешел?

— На третьем буду. — Слава Нигосу, он не стал заострять внимание на глупой Ласовой шутке. — Я раньше в другом месте учился, так что ничего там не знаю.

— Вот как? А на каком факультете?

Я напряглась, сама не понимая почему. Кем бы он ни был, меня это не касается. Но ответить вендаец не успел.

Во двор выглянул лохматый возница.

— Караван готов! Занимайте места, дорогие пассажиры!

До Отрайских земель, где располагалась академия, было целых три дня пути, и все это время путешествующим в одном караване предстояло провести вместе. Из нашего Лорейля ехало не так много: в академию — человек десять, всех я знала, новеньким был только вендаец; в соседний город Амзас — еще десятеро, в основном купцы и зажиточные горожане, решившие, что дешевле заплатить за дорогу, чем потом покупать тот же товар с наценкой. Вместе с возницами, главой каравана и охраной набралась приличная толпа из четырех телег и двух конных.

Стоило тронуться, как я почти сразу заснула, пригревшись рядом с Ласом. Накрылась кожухом, поймав насмешливый взгляд вендайца. И что ему надо, чего смотрит?

На обед сделали привал на вытоптанном сотнями таких же караванов пятачке. В центре его было черное от золы кострище, где тут же запылало пламя, из узлов и сундуков появилось съестное, и все присели рядом с огнем, переговариваясь о том о сем.

Я посматривала на слаженные действия охранявшей нас боевой группы. В ней были одни ветераны: четверо мужчин — два мечника, два стихийника — и пожилая полная целительница. Она напомнила мне бабушку, но только изрезанным морщинами лицом — моя ба до сих пор иногда под настроение могла помахать мечами и была стройной как девочка. Когда я была маленькой, ба задавала мне трепку только так.

После обеда все разбрелись, используя недолгую передышку, чтобы размять ноги. Далеко от лагеря не отходили, все же дикие земли. Я тоже решила было сбежать до кустиков, но, услышав звон мечей, обернулась.

Думала, Лас с Вейсом устроили разминку, хотела присоединиться, но угадала наполовину: один и

правда был Вейс, а в паре с ним неожиданно оказался вендаец. Обнаженный по пояс, он прыгал, уходя от ударов, и скалил зубы.

«Боевик», — уверилась я, глядя, как ловко он парирует атаки брата. Без практики такое невозможно. И в то же время было видно, что ему приходится нелегко, Вейс теснил его, парню приходилось постоянно уворачиваться.

Впрочем, и брат выбивался из сил. Вендаец, должно быть, этого не замечал, но я, привыкшая к совместным тренировкам, видела, как от усилия при ударе надуваются щеки Вейса, а пот льется с него градом.

Вендаец выбрал интересную тактику. Он проигрывал брату в прямом натиске, и, если бы сражался в открытую, его сразу обезоружили бы. Поэтому он перемещался по кругу и подлетал, когда накапливал достаточно сил для атаки. Наносил град ударов, под которым противник терялся, и снова отходил, и мощный удар, которым Вейс вбил бы его в землю по пояс, не достигал цели. Можно сказать, нечестная тактика, но в бою таких не бывает: ты или остаешься победителем, вымотав или обезвредив соперника, или подбираешь соплю и клянешься взять реванш в следующий раз. Если этот следующий раз, конечно, будет.

В конце концов брат отбросил меч и рассмеялся. В тот же миг вендаец подскочил к нему и сделал вид, что рассек пополам, после чего тоже улыбнулся и поклонился. Вручил меч на вытянутых руках. Только тут я заметила, что меч тоже Вейсов, запасной.

Странно... боевик без меча?

Впрочем, может, поленился доставать. Или — тут у меня захватило дух — у него магический меч, и он не хочет светить его раньше времени.

Магическое оружие — это же словами не передать, как престижно. Не только ценно, еще и огромное преимущество дает и в бою, и в мирной жизни. Но достать его сложно, да и обращаться с ним может не каждый, требуются умение и силы. Зато магический меч везде с тобой, его не нужно носить на поясе, он не бряцает и не путается в ногах. Его никогда не отнимут, он никогда не сломается.

Неужели у этого беловолосого вендайца магический меч?

Я все смотрела на них, а если совсем начистоту, то немножко любовалась. Потому что хорошо сложенный высокий парень, даже если он противный зубоскал, все-таки приятен глазу. Особенно если фехтует в одних штанах, пот сверкает на солнце, переливаясь на гладких напряженных мускулах, зубы тоже сверкают... и синие глаза сверкают, глядя на меня.

Твари Хагоса! Он же пялится на меня! А я на него, как дурочка.

Тут же отвернулась и сделала вид, что смотрела куда угодно, только не на него. А потом вообще отправилась в лес, как собиралась. С делами справилась быстро, на пути в лагерь нашла заросли черники и с удовольствием собрала ягод.

А потом неподалеку увидела ласку.

Ставлю на кон что угодно, это была та самая, что мы с мамой встретили в городе. Вряд ли в этих местах можно было увидеть еще одну белую летом.

Ласка молнией промчалась по земле, по валежнику и сиганула прямо мне в руки. Легкое тельце на миг замерло, потом так же молниеносно взобралось мне на плечо, а с него на голову.

От щекотного прикосновения легких цепких лапок я засмеялась, только смех застыл на губах, когда совсем близко послышался отчетливый шум. Положила руку на рукоять Сорванца. Хорошо, что достала меч из вещей, — думала с братьями потренироваться, но, похоже, пригодится и так.

Ласка уловила опасность, но вместо того чтобы затаиться, вдруг спрыгнула с меня и помчалась, дурында, прямо к источнику шума.

— Эй! Ты куда?!

Вот ведь глупое животное! И я сама глупая, чего кричу?

Поздно. Шум на миг утих, значит, я привлекла внимание. Выпрямилась и шагнула вперед. Убегать нет смысла, может, там просто кто-то из лагеря присел в кустиках по делам. Вот будет позорище, если я сбегу от такой «опасности».

Впрочем, что-то подсказывало, что шумит не человек.

Готовая в любой момент вытащить меч, я настороженно всматривалась в кусты. Снова затрещало. Потом сильнее и еще сильнее. Кто-то явно ломился на полянку.

Миг, и из ветвей показалась остроногая, увенчанная пятачком морда... домерона.

От сердца отлегло. Эта тварь не страшная. Точнее, внешне как раз жуткая: кабан в холке по пояс человеку, красноглазый, роняющий ядовитые слюни. Но яд слабый, не больше крапивы жжется, да и сам по себе домерон на людей редко нападает, разве что защищая лежку.

Этот взвизгнул, потом издал предостерегающий вопль. Угрожает. Надо отойти, но спокойно. И тут он ринулся вперед. Я отскочила, взлетела на бревно, выругалась — оно оказалось трухлявым, и нога по щиколотку ушла в прогнившее дерево. Выхватила меч.

Домерон бросился на меня.

Я укрепилась на земле, готовая встретить его острием меча. Напорется сам, мне даже не придется ничего делать.

Но тут вдруг земля вспучилась, смутно знакомые зеленые прутья вскинулись и опутали домерона. Тот гневно завизжал, попытался обернуться.

Я подняла глаза и увидела вендаец. Безоружного. Он стоял чуть поодаль, с другой стороны полянки и смотрел на нас с удивлением. Я уставилась на него с не меньшим. Ладно внезапное появление, мы рядом с лагерем, а я орала, зовя ласку. Но какого Хагоса он приперся безоружным? Хотя ноги зверю спутал магией, разве нет? Все-таки стихийник?

— Иди в лагерь, — велел он.

Я вспыхнула. Что я, девочка, которой можно помыкать? Иди туда, иди сюда... Сказала зло:

— Это домерон, и у него лежка где-то рядом.

Выражение лица парня изменилось. К удивлению прибавилось что-то вроде уважения. Это меня вдруг так обрадовало, что я разозлилась на себя за глупую реакцию.

— Иди, я справлюсь, — повторил парень мягче.

— Сними узы, — потребовала, — я знаю, что делать.

Дуэль взглядов — моего, злого и требовательного, и его испытующего — продлилась недолго. Вендаец кивнул, и узы с тихим шелестом втянулись в землю. Почувствовав свободу, домерон ринулся вперед. Сосредоточив взгляд на нем и перехватив меч по-другому, вращала им перед собой с огромной скоростью так, что мельканье лезвия слилось в круг. Одновременно заулюлюкала насколько можно громко и сама бросилась навстречу кабану.

Надо отдать вендацу должное: если бы не он, я бы и не вспомнила об этом, убила бы зверюгу, и делу конец. Но он дал мне передышку, и меня как осенило: домероны боятся громких звуков и света, а отраженные от лезвия солнечные блики слепили тварь, крики лишь добавляли паники.

Домерон продержался недолго. Затормозил передними копытами, визгливо всхрапнул, роняя слюни, сделал крутой разворот и с той же скоростью сиганул прочь. Кусты зашумели под весом убегающей туши.

Я выпрямилась и еще некоторое время вслушивалась, дабы убедиться, что домерон не вернется. Потом убрала меч и обернулась к вендацу. Сама не знала, что ему скажу, но уж точно ничего хорошего. Но выражение его лица лишило меня желания устраивать свару. Парень смотрел так, будто был всерьез впечатлен.

Я молча прошла мимо него и направилась к лагерю. Шагала быстро, насколько возможно в лесу, но через некоторое время слышала шаги сзади, а потом и рядом. Нагнал, Хагос на его душу.

— Хей, мечница. — Метнула на него злой взгляд. — Ну прости, — повинулся вендаец, — не думал, что ты такая... боевая. Теперь вижу, был не прав. Кстати, меня зовут Хеннай, — он протянул руку, — Хен.

На рукопожатие надо ответить. Это нехитрое правило вбили в меня четверо старших братьев и их друзья-враги, с которыми я выросла. Нехотя протянула руку в ответ. Что мне понравилось — вендаец не стал снова делать скидку на то, что перед ним якобы изнеженная ар-теранна, и пожал руку крепко, как парню.

Хен.

Почему-то простое звучание его имени мне понравилось. Скользнуло по глотке, легкое, коротенькое, с шероховинкой. Ему шло.

— Сатьяна, — грубовато представилась я. А потом остановилась как вкопанная — в сознании наконец-то сошлись кусочки мозаики. — Я поняла, кто ты.

— В смысле? — Он тоже остановился, глянул настороженно.

— Ты целитель! Во-первых, ты сражался с братом как целитель, только не использовал магию исцеления, — я стала загибать пальцы, перечисляя. — Во-вторых, у тебя нет оружия, но целителю в группе оно и не нужно. В-третьих — те узы, что ты использовал. Я не сразу вспомнила, но это же целительское заклинание.

Хен помедлил, но настороженность из взгляда ушла.

— Хвалю, — наконец сказал он, — ты наблюдательная. И знаешь магию других.

— Ну не то чтобы знаю, — я слегка зарумянилась. Похвала была явно незаслуженной. — Просто это вроде наиболее часто используемое заклинание.

— Ты молодец, — повторил он и без перехода спросил: — Скажи, почему ты едешь учиться на стихийника? По тебе не видно, чтобы это было в радость.

Настроение испортилось. Я развернулась и снова пошла к лагерю. По пути буркнула:

— Думала, буду боевиком. Но родители решили по-другому.

Хен пристроился рядом.

— И что, слушаешься?

Не ответив, ускорила шаг, отрываясь от парня. Влетела в лагерь и встретила шагающего навстречу Вейса. Тот крикнул с ходу:

— Где ты пропадаешь, мелкая?! Выезжаем, марш в телегу давай.

И правда, караван уже готовился к выезду.

Я заняла место рядом с Ласом, привычно притулилась к его боку. Вендаец, будто так и надо, сел напротив и завел разговор с Вейсом. Оказывается, брат уже знал, что он целитель, и расспрашивал, как обучают в Вендае. Я слушала краем уха. В принципе, ничего неожиданного не услышала. В Вендае, как и у нас, была своя школа, но там давали знания только на первые два курса. Хен был родом из обычной семьи и прошел двухлетнее обучение, а теперь решил продолжить его в академии.

Потом они перешли на обсуждение политики, и мне стало не очень интересно. Уже почти засыпала, когда внезапная мысль заставила меня встрепенуться.

Ласка. Она ведь взялась невесть откуда, неужели пробежала за нами всю дорогу от города? Но зачем? Чтобы потом снова исчезнуть в лесу?

Кажется, мама была права, ласка и впрямь ведет себя подозрительно. Если еще раз встретится, надо будет ее поймать. Найти кого-нибудь, кто разбирается, и показать.

К вечеру мы въехали в Амзас. Сразу отсеклась треть отряда — те, кто направлялся до этого города. Остальные заночевали при заставе. Были это в основном наши, маги, охрана и возницы.

Кроме нас троих и Хена в академию ехали шестеро. Один боевик-третьекурсник, наш хороший знакомый. Он был не клановый, родился в обычной семье, но бился хорошо, и они с Ласом дружили. Помимо него еще четыре мага, двое из клана Дейна (к моему величайшему счастью, сам мой названный «жених» в академии не учился, то ли не хватало дара, то ли решили, что и домашнего обучения для него достаточно) и двое неклановых. И одна целительница с четвертого курса, высокая хмурая девица, державшаяся наособицу.

Все тесной компанией разместились в одном просторном бараке: целительница в углу, построив баррикаду из собственных вещей, потом маги, клановые и неклановые по отдельности, а у самого выхода мы вчетвером. Хен как прибился к нам в самом начале, так и держался рядом. Братьям он пришелся по душе, а сам не уставал меня поддразнивать. То твердил, что я так хорошо владею мечом, что все окрестные твари, небось, сбежали куда глаза глядят, узнав, что по дороге двигается такой воин, то насмехался, когда я рассыпала заварку, что, верно, с мечом управляюсь куда лучше, чем с чайником. То дурашливо просил проводить его в нутник, потому что боится пауков, а с таким защитником ему ничего не страшно. Что хуже всего, братья, которые обычно вставали за меня

горой, сейчас только посмеивались.

В конце концов я разозлилась, двинула Хена рукояткой меча и ушла из барака проветриться. На улице уже стемнело, дул прохладный ночной ветер, принося запахи каких-то цветов. У ворот сидел на привязи пожилой пес. Наверное, посажен был охранять, но на заставе постоянно толклось много народу, и пес давно потерял хватку. Завидев меня, он привычно постучал хвостом о землю.

Я села рядом на корточки. Потрепала старика по холке, полюбовалась на звезды. Вот и день миновал, завтра вечером прибудем в Эдес, а оттуда уже рукой подать до академии. Эх, если бы не учеба на «рыбака», с каким нетерпением я подгоняла бы время. А так...

Нигос даровал нам магию, но до того, как ее использовать, мы, люди, додумались сами. Любой одаренный магически мог выбирать, кем ему становится: мастером меча, стихийником, целителем, мастером животных, артефактором или зельеваром. Для трех последних специальностей наличие сильного дара не требовалось, для трех первых — было условием выживания. Причем не только их, но и прочих не обладающих даром простых людей.

Поэтому мама и не раздумывала долго, отдавая меня на стихийника. Конечно, я всю жизнь провела в тренировках на мечах и ни разу не касалась магического шара, хотя у мамы в ларце лежал ее личный, еще с тех времен, когда она таскалась с отцом, отбывая службу. Но это не делало меня непригодной в магии — дар оставался даром. Просто мне придется начинать с нуля в дисциплине, которая не радуется ни уму, ни сердцу, — но кому какая разница.

К слову, в Академии Трех Сил преподавали все шесть дисциплин, от магии меча до зельеварения. Первые три делились на факультеты, последние изучались курсами, и любой мог взять их дополнительно.

Интересно, можно ли брать курсы с факультета боевой магии, обучаясь на стихийника? Представив неженку-«рыбака» в длинном балахоне, пытающегося парировать магическим шаром удар меча, фыркнула. Вот и ответ.

Со стороны здания послышались шаги. Я обернулась и совсем не удивилась, увидев в тусклом свете фонаря вендайца.

— Ищешь, где облегчиться без страшных пауков?

— Почти угадала, — ответил он в тон. — Хотел нанять сопровождение до уборной. Не хочешь подзаработать?

— Откажусь.

Я мерила его взглядом. Сейчас, в полумраке, не могла различить его лица, только глаза поблескивали отраженным светом. Интересно, что ему надо? В самом деле искал меня? Может, втюрился?

Эту мысль, хмыкнув про себя, тут же отбросила. Без ложной скромности скажу, уродилась я довольно привлекательной и среди дружков братьев пользовалась популярностью. Пока особо навязчивые не получали в зубы. Но была парочка ребят, с которыми даже на свидания ходила. Правда, когда об этом узнавал Лас или Вейс, моих ухажеров ждала незавидная участь. Но, в общем, во взглядах и намеках я немного разбиралась. А вендаец насмешничал и взгляды кидал разные, но среди них не было ни одного масленого или мечтательно-глуповатого.

Так что если сейчас он и искал меня, то не для того, чтобы поухаживать. А зачем?

Хен привалился плечом к столбу неподалеку и стал меня рассматривать.

— Чего? — спросила, чувствуя неловкость.

— Да просто... Наш дневной разговор из головы не идет, — сказал он наконец. — Ты не хочешь обучаться на стихийника, но все равно послушно едешь в академию. Почему?

Любопытный какой. Впрочем, можно и ответить, это вовсе не секрет.

— Если бы не поехала, мама отдала бы меня замуж. — Я передернулась, вспомнив прыщавого Дейна.

— Это так страшно? — По тихому двору разнесся мягкий смех, приятно пощекотал где-то внутри.

Я пожала плечами. Не хотелось вдаваться в подробности.

— Смотря кто жених.

Хен кивнул, как будто понял. Без передышки спросил:

— А перейти на факультет боевиков?

— Не выйдет. Даже если получится, моим родным сразу сообщат. Они ни за что не дадут мне учиться на мастера меча.

— Хм-м, а сбежать из дома? Оставить клан?

— Пока мы не поступили на службу, закон на стороне родителей, разве ты не знаешь? Или у вас в Вендае другие правила?

— Мои родители погибли, а бабушка, хоть и твердит, что семья превыше всего, в мелочах позволяет нам действовать как заблагорассудится.

— Вам повезло. Моя мама не такая. Она с меня до замужества не слезет.

Я пригорюнилась. И правда, только выйдя замуж я окажусь вне власти родителей. Или уже после окончания академии — если найду себе полноценную боевую группу, желательно, уже действующую. Тогда да, служащие считаются самостоятельными взрослыми людьми.

— Ну так выйди замуж. Тогда сможешь перейти на магию меча, если муж не будет возражать.

Я посмотрела на него как на дурака.

— И где я возьму такого мужа? Дейн ни за что не даст учиться, да я и не выйду за него. От одной мысли выворачивает. К тому же замуж — это сразу дети, никакой академии.

— Дейн? — на лице вендайца промелькнуло непонимание, но переспрашивать он не стал. — Нет, смысл в том, чтобы выйти замуж только для вида. Формально. Договориться с кем-нибудь.

Твари Хагоса, да что несет этот беловолосый?

— Еще хуже. Кто на такое согласится? Фальшивая жена? Связать себя на четыре года?

— Я мог бы, — ответил он запросто.

Я застыла с раскрытым ртом. Потом так и спросила, как вертелось на языке:

— Ты дурак?

— Нет, серьезно.

Лихорадочно размышляя, я молча буравила его взглядом.

Хагос, это и правда выход. Приехать в академию, заявить, что хочу перевестись. Единственное, что необходимо для поступления, — дар, он у меня есть. Обучение бесплатное, за счет последующей службы. Родители не смогут ничего поделаться, если буду замужем, ведь я формально стану принадлежать семье мужа.

Семье мужа! Вот и загвоздка. Я вообще ничего не знаю о семье Хена. Я и о нем-то ничего не знаю.

— Зачем тебе это? — спросила подозрительно. — В чем твоя выгода? Нужен боевик в клан?

— У меня нет клана, — напомнил он, снова рассмеявшись. — Моя выгода... — Он то ли сделал вид, то ли в самом деле крепко задумался. — Не знаю. Мне просто все равно. Я свободен, никому ничего не обещал, еще минимум два года буду учиться в академии. Так почему бы не оказать человеку услугу, которая мне ничего не стоит?

— И ты дашь мне развод, когда я закончу учебу?

— Можем хоть договор составить, — Хен снова засмеялся, — подпишем у законника. Хотя зачем? Ты ведь и сама сможешь развестись. Достаточно согласия одного из супругов, ведь нам нечего будет делить.

Я задумалась. В чем же подвох?

Думала и не находила. Даже если Хен меня обманывает и на самом деле принадлежит к клану, он не сможет увезти меня насильно. Я и впрямь тогда отправлюсь в первый попавшийся храм и потребую развода. Правда, в таком случае снова попаду под власть родителей, но это уже второстепенно.

И это будет исключительно формальный брак. Никаких детей, никаких отношений помимо

дружеских. Зато я получу статус замужней женщины. Буду сама себе хозяйка.

— Не нужно решать прямо сейчас, — мягко заговорил вендаец. — Подумай хорошенько. У тебя есть еще сутки. Когда приедем в Эдес, тебе лучше уже определиться к тому времени.

Не дожидаясь моего ответа, он повернулся и исчез во мраке.

Два-три года назад я уже бывала в Эдесе, мы ездили в академию, когда Мане, мой второй брат, дошел со своей группой до межакадемических соревнований. Жаль, призового места им не досталось, но событие было грандиозное и запомнилось надолго. А вот Эдес — совсем нет. Обычный городишко, каких много, ничем не лучше нашего Лорейля. Разве что находился южнее, и когда у нас уже начинали желтеть листья на деревьях, здесь еще царила жара.

Мы с Хеном шли бок о бок по пустынным белым улочкам. В Эдес мы прибыли где-то к трем часам пополудни, и местные жители в большинстве своем сидели дома, прячась от палящего солнца. Одни мы топали в храм, и шаги гулко разносились между белеными стенами.

Иногда поглядывая на Хена, поражалась про себя: мы вот-вот станем супругами, а он идет себе как ни в чем не бывало, рожа невозмутимая, улыбается слегка. А я до сих пор не была уверена, что поступаю правильно.

Думала всю ночь и еще полдня, что мы провели в дороге. Ужасалась, представляя реакцию братьев, а потом родителей. Это же какой поднимется переполох! И ведь достанется не только мне, Хену тоже просто так с рук не сойдет. Мне бы на его месте было страшно за собственную жизнь. В такие минуты начинало казаться, что зря мы это затеяли, я — дура, а Хен — самоубийца.

Зато потом я вспоминала, что смогу учиться на боевика. Избавлюсь от ненавистного шара, выброшу к Хагосу учебники по теории магии стихий и стану учить то, о чем мечтала всю жизнь. Буду чувствовать себя на своем месте. А родители просто обязаны будут смириться, да и по закону они не смогут ничего сделать, разве что устроить нам проблемы в Лорейле. Но кому нужен дряхлый Лорейль, если после академии нам откроется весь мир?!

К обеду размышлять я устала, а время утекало сквозь пальцы. И, едва мы прибыли в Эдес, я отозвала Хена в сторонку и сказала, что согласна.

Он принял это с тем же спокойствием, как и всегда. Договорились, что он уйдет первым, а я потом, когда получится сбежать незаметно от братьев. Назначили встречу у ворот рынка неподалеку.

Пока выжидала, чтобы братья вдоволь намахались мечами и завалились подремать, времени прошло прилично, но Хен терпеливо ждал на оговоренном месте. И уже успел выспросить, где находится ближайший храм.

Это было невысокое здание с типичной для храма крышей — с загнутыми рожками, чтобы все хорошее, что дарует нам Нигос, уходило к людям. Постучав в высокую резную створку, мы зашли.

Внутри оказалось неожиданно прохладно и темно, только у изображений богов горели огоньки многочисленных свечей. Нас встретил пожилой жрец, вежливо спросил, зачем пожаловали, и, получив ответ, без удивления кивнул. Выяснилось, что нужно заплатить небольшую пошлину. Я ойкнула, потому что о деньгах совершенно не думала, но Хен отодвинул меня в сторону и сыпал монетки в предназначенную для этого плошку.

— Спасибо, — шепнула ему так, чтобы жрец не слышал. — Потом отдам.

Он смешливо поморщился.

— Уймись.

Я не настаивала, но про себя решила, что отдам обязательно. Он уже второй раз тратит на меня деньги, а ведь одет небогато.

Жрец спросил наши имена и записал в огромную книгу. Только в храме я впервые услышала полное имя Хена — Хеннай Тайсен. Примерила его на себя. Сатьяна Тайсен. Странно, непривычно, но, пожалуй, не так плохо. При мысли, что вот-вот расстанусь с кланом, с родовым именем, с этим щитом, который был со мной с рождения, меня охватила дрожь. Сжала руки, чтобы скрыть ее, и устала в пространство.

Все нормально, это не навсегда. Это вообще только для проформы. Это не по-настоящему. И самый лучший выход, столь нужная мне свобода. А клан Сантерн известен только в Отрейле, уже здесь о нас никто не слышал, так что не особо много я и теряю-то.

Поверх крепко сжатых ладоней легла рука. Твердая, широкая, с выступающими костяшками.

Теплая.

— Волнуешься? — Хен нагнулся к самому уху, и его дыхание пощекотало мне висок. — Еще не поздно отказаться.

Насмешка в его голосе меня отрезвила. Ну конечно, сначала согласиться, заставить его заплатить, а потом идти на попятную? Он плохо знает Сатьяну Сантерн. Пока еще Сантерн.

Я помотала головой.

Хен еще немного смотрел на меня, потом убрал руку и выпрямился. От исчезновения тепла его ладони мне снова стало не по себе.

Жрец откашлялся и встал перед нами. Он уже накинул на плечи вышитую золотом парадную мантию. Забубнил привычную скороговорку: о любви, взаимном уважении, о детях, которым мы дадим жизнь.

Хен снова взял меня за руку, как будто опасался, что я дам деру. Я не сопротивлялась. Так было спокойнее. Он же как будто совсем не волновался, разве что выглядел не в пример серьезнее, чем обычно. Смотрел прямо перед собой на горящее алым на груди жреца Око Нигоса. Ладонь была теплая и какая-то... уверенная, что ли.

Жрец спросил Хена, готов ли он взять в жены Сатьяну Сантерн, и я услышала громкое «да». Невольно облизала губы, когда жрец обратился ко мне. От волнения мое «да» прозвучало на весь храм. Я смутилась, опустила глаза, но жрец ничего не сказал, будто так и надо. Ну да, точно. Не первая и не последняя невеста, разволновавшаяся перед алтарем. Правда, жрец не подозревает, чем мы отличаемся от сотен других пар.

— Ваши серьги, — наконец потребовал служитель Нигоса.

И тут я вконец запаниковала. Серьги, ну конечно! Какая свадьба без свадебных сережек? Все решилось так быстро, но должна же была вспомнить, подумать...

Может, я и правда попыталась бы сбежать из храма, но Хен перехватил меня за плечи, свободной рукой протягивая жрецу небольшую коробочку. Метнула на него ошарашенный взгляд. Он и об этом позаботился!

В ответ Хен только приложил палец к губам и подмигнул мне.

Служитель шагнул ближе, доставая из футляра длинную золотую иглу.

— Сначала ты, сын мой, — сказал Хену.

Тот послушно повернулся. Я во все глаза смотрела, как жрец шепнул заклинание, и металлический кончик заалел. Жрец поднес руку к уху Хена, игла противно заскрипела, проталкиваясь сквозь плоть, но парень и бровью не повел. Следом настал черед свадебной сережки — слава Нигосу, она была простенькой, всего лишь серебряный шарик. Мой долг перед Хеном увеличился не сильно.

— Теперь ты, дочь моя.

Теперь я подставила жрецу правое ухо. Почувствовала укол, но боль почти сразу ушла. Потом вернулась, когда жрец довольно неуклюже вставил в прокол сережку.

Ничего, перетерплю. Только я это подумала, как Хен коснулся болезненного места, и неприятные ощущения исчезли. Ну да, он же целитель.

Жрец вернулся на свое место. Забормотал торжественную молитву, испрашивая у богов разрешения для меня перейти в другой род.

Метка клана проявилась, засияла и начала меняться. Ну вот и все, я больше не Сантерн. Меня накрыло ощущение пустоты и немного — страха: я же ничего не знаю о роде Тайсен, частью которого сейчас стала.

Служитель Нигоса, благочестиво сложив руки, поднял глаза и произнес:

— Обменяйтесь поцелуем клятвы, дети мои.

Ох. Об этом я тоже не думала. Почему-то решила, что раз наша свадьба будет формальной, ничего подобного не потребует. Но жрец-то об этом не знает. Это же... мне придется сейчас Хена поцеловать?!

Почему-то нахлынуло смущение, я усталилась себе под ноги и, чувствуя себя деревянной,

повернулась к парню. Он такой длинный, как я достану? Но доставать не пришлось. Хен наклонился сам и поцеловал меня в губы.

Это был короткий невинный поцелуй, всего лишь прикосновение, но меня словно окунули в обжигающую лаву, по телу промчалась крупная дрожь. Хен сразу выпрямился, но ощущение чужих губ, мягких и горячих, не исчезало. Напротив, словно усиливалось, словно это был не поцелуй, а некая печать, заклеившая меня чьей-то собственностью.

Я как-то ухитрилась дорасти до семнадцати лет, ни с кем ни разу не поцеловавшись. Были драки и игры, совместные ночевки (вместе с братьями) в полях, были даже свидания, но ни на одном деле не доходило до поцелуев. Поцелуй Хена стал моим первым.

Как мы выходили наружу, как шли назад, запомнила плохо. Хеннай, непривычно серьезный, тоже молчал, только на подходе к заставе сказал, чтобы я возвращалась первой.

Я заставила себя поднять на него взгляд, чтобы не выглядеть совсем уж невежливой, но от этого смутилась еще сильнее. Что-то словно изменилось между нами. И неотрывный взгляд Хена тоже пугал и смущал.

— Спасибо, — пробормотала, отчаянно надеясь, что голос не выдаст волнения. — До завтра.

— До завтра.

Юркнула в дом. Слава Нигосу, братья хоть и заметили мое отсутствие, но удовлетворились придуманным объяснением, мол, ходила гулять по окрестностям. Сережку я сняла и запрятала поглубже, к самым ценным вещам. Благодаря целительским способностям Хена ранка сразу заросла, как будто ухо мне продырявили месяца три назад, не позже. При необходимости могу достать серьгу и носить, словно так и было.

Хен в тот день вернулся поздно. Мы все уже легли, в бараке погасили свет, и я притворилась, что сплю. В груди разбуженной змеей ворочался клубок неясного неудовольствия: чем он там занимался? Может, ходил в какие-нибудь злачные места... И тут же рассердилась на себя за глупые мысли. У нас простой договор, какое мне дело, даже если так? Пусть ходит куда хочет, пусть хоть всех девок из веселого квартала перещупает.

Но когда Хен пробирался мимо и свет уличного фонаря блеснул звездочкой на сережке в его ухе, я разом успокоилась. Словно накрыло мягким пуховым одеялом, стало тепло, а недавняя вспышка ревности показалась нелепой.

Не то чтобы это что-то значило, но почему-то меня обрадовало, что он не смущается и явно не собирается скрывать свой изменившийся статус.

На подъезде к академии меня охватило волнение. Хоть уже и бывала в ней, теперь все по-другому — я буду там учиться.

Академия была городом в городе. Несмотря на то что находилась на Отрайских землях, она имела статус независимости, и всех преступников, пойманных на ее территории, карали по законам академии. Впрочем, обычные преступники к магам старались не соваться.

Маги за пределы учебного заведения выходили нечасто — не было надобности. Все необходимое можно было купить или сделать, обменять, взять займы и на своей территории.

В центре академии располагался огромный стадион. Там проходили уличные фестивали, торговали купцы из города в открытые дни и, что самое главное, там устраивали межакадемические бои. Помимо главного стадиона у каждого факультета и курса (зелья, артефакторика, животноводство) были и свои отдельные тренировочные площадки или полигоны.

На территории академии находились общежития для учеников и преподавателей, три столовые — одна огромная в главном корпусе и по одной в общежитиях, а также, конечно, учебные здания, библиотека, целительский центр, торговая улица, где продавалось все — от необходимых в учебе предметов до нарядов на зимний бал.

Я не могла сдерживать улыбки, когда мы въехали внутрь. Суровые взгляды каменных великанов — охранителей ворот не оказали на меня ровно никакого воздействия, напротив, кивнула им, как старым знакомым. В груди пели птицы.

Мечта сбывалась. Я буду здесь учиться! И буду учиться на мастера меча! И обязательно постараюсь стать лучшей на курсе, ведь я же Сантерн! По крови — все равно Сантерн!

Телега остановилась на центральной площади. Пока затянутые в зеленую форму молчаливые слуги разбирали наш багаж, старшекурсники мигом разбежались. Хен исчез куда-то еще раньше. Лас

напоследок щелкнул меня по носу и велел не унывать.

Я кивнула, хотя унывать и не собиралась. Вот они удивятся, когда узнают, что я учусь вовсе не на стихийника. Что будет потом, думать пока побаивалась. Ничего, справлюсь.

Не прошло и пяти минут, как на площади остались одни растерянные первокурсники. Тогда навстречу вышел одетый в зеленое мужчина.

— Добро пожаловать в Академию Трех Сил! — громко объявил он. — Меня зовут Тейд Нарвин, и я представляю администрацию академии.

Я сжала в кулаке заблаговременно вытащенную из вещей сережку. Пора. Отвернулась и, пока встречающий выстраивал нас в цепочку, быстро вдела в ухо. Прикрыла волосами, чтобы не заметили раньше времени.

После того как мы построились, дело пошло быстро. Первый в цепочке подходил к столу, за которым сидел господин Нарвин, и называл свое имя. Тот делал отметку в бумагах и показывал, куда идти: в сторонке на равном расстоянии друг от друга стояли кураторы первого курса каждого факультета. Две женщины и мужчина: стихийница, целительница и боевик.

Я с интересом уставилась на них. «Рыбачка» оказалась высокой, стройной, одетой в белоснежный мундир с золотыми лацканами. Ее талию обхватывала широкая алая лента, концы которой спускались аж до колен. Целительница, полноватая женщина средних лет с прической по моде тридцатилетней давности, нарядилась в пышное платье с глубоким вырезом, в котором покоилась обширная грудь. Боевик, мужчина лет сорока, был в полотняном тренировочном костюме: серой безрукавке и коротких штанах.

Мы быстро продвигались вперед. Наконец настала моя очередь. Сердце вдруг застучало сильнее, словно лишь сейчас поняло, что обратной дороги нет. Я глубоко вздохнула для смелости и сделала шаг вперед.

— Сатьяна Тайсен, — сказала твердо, но тихо: не хотела, чтобы услышали другие первокурсники.

Секрет мой, конечно, рано или поздно все равно выйдет наружу, но гораздо спокойнее, если это будет происходить постепенно, а не разом перед всей академией. Хену я тоже шепнула, чтобы по возможности не распространялся.

— Сатьяна Тайсен... Сатьяна Тайсен... — Господин Нарвин водил пальцем по строчкам.

Я знала, что он ничего не найдет, но как зачарованная некоторое время следила за этим движением. Потом увидела свое родное имя. И закорючку «стих» напротив. Магия стихий.

— Вот, — ткнула пальцем, — но тут какая-то ошибка. Я больше не Сантерн. Я вышла замуж, моя фамилия Тайсен. И... я хотела бы просить о переводе на факультет магии меча.

Вот и все. Я это сказала. Обратного пути нет. Словно в бездонную пропасть бросилась, и теперь нет другого выхода, кроме как расправить крылья и лететь.

Господин Нарвин озадаченно вскинул брови. Посмотрел в бумаги, потом на меня. Оглянулся на стихийницу, сделал движение рукой, подзывая. Та поспешила к нам. Господин Нарвин вкратце пояснил ситуацию.

— Как же так, — она тоже заглянула в бумаги, — прошение пришло от клана Сантерн. Ошибки быть не может.

Я пожала плечами.

— Видимо, письмо с известиями запоздало. Мы поженились совсем недавно.

Стихийница внимательно посмотрела на меня, на сережку в ухе — волосы я убрала. Нахмурилась. Сказала красивым, хорошо поставленным голосом:

— То есть на факультет магии стихий ты идти отказываешься?

Я чуть виновато кивнула. Было неудобно, но я слишком долго мечтала об учебе на боевом, чтобы теперь идти на попятную из-за неудобства.

— Ну что ж, нет так нет. Потом не просись, если передумаешь. — Стихийница пожала плечами и отошла.

— Так... — господин Нарвин снова посмотрел в бумаги, потом на меня. — Отойди в сторонку. Сначала разберемся с остальными.

Я послушно встала в стороне. На меня смотрели не только учителя, но и ученики. Любопытные взгляды скользили по коже. Все недоумевали, наверное, что я натворила. Ухо снова прикрыла волосами, чтобы серьга не бросалась в глаза, и стала терпеливо ждать.

Была еще одна причина не раскрываться сразу. В академию принимали всех, был бы магический дар, но замужних или женатых учеников почти не было. Негласно считалось, что ты или заводишь семью и занимаешься уже тогда только семьей, или все силы тратишь на учебу. Мой случай, наверное, вообще неслыханный: выскочить замуж и тут же приехать учиться, вместо того чтобы обихаживать супруга и рожать детей. А если прибавить еще и то, что Хен тоже здешний ученик...

Раньше времени становиться мишенью для пересудов мне не хотелось.

Наконец первокурсники, разделившись на факультеты, ушли вслед за своими кураторами, а господин Нарвин поманил меня.

— Пойдем к ректору. — И, не дожидаясь ответа, быстро зашагал к административному корпусу.

Припустила следом, невольно робея. Что если сейчас скажут, что я должна отправляться домой? Или что у меня недостаточный дар? Или еще что-нибудь непредвиденное, которое все разрушит.

На подходе к кабинету ректора я накрутила себя так сильно, что порог переступала подкашивающимися ногами. И обалдела, увидев внутри Хейа. Как быстро его нашли! А ведь я не сказала ни его имени, ни того, что мой муж тоже учится здесь. Или он сам пришел, предвидя, что меня станут допрашивать?

Хен уже переоделся в здешнюю форму целителей, и она ему очень шла: узкие коричневые штаны, бежевая рубашка, светло-коричневый жилет, подчеркивавший выправку и широкие плечи. На шее висел медальон целителей: рука в незамкнутом круге.

На звук открывшейся двери Хен обернулся. Кивнул, увидев меня, подошел и по-свойски приобнял за плечи. Спросил:

— Все в порядке?

Его внезапная близость и поведение меня смутили. Потом сообразила: он играет на публику, изображает влюбленного молодожена, все верно. Прижавшись к боку «мужа», заставила себя расслабиться. От Хена довольно приятно пахло чем-то травянистым и успокаивающим.

«Валерьянкой, наверное, — фыркнул внутренний демоненок, — он же целитель».

Ректора звали Шель Магрус, и был он довольно пожилым. Мне приходилось видеть его и раньше, на межакадемических соревнованиях, но издали, так что я даже не узнала бы его, встретить на улице.

Одет он был почти так же, как Хен и большинство мужчин в академии, но немного богаче: жилет из темно-синего бархата украшала серебряная вышивка, штаны тоже, кажется, были бархатными, на шее повязан шелковый платок. Но лицо не легкомысленного щеголя — умное лицо привыкшего к ответственности взрослого человека. С определением его специализации я затруднилась. Он мог быть и боевиком, и стихийником. И даже целителем.

Господин Нарвин вполголоса объяснил ректору ситуацию. Тот выслушал, покивал. Посмотрел на нас, но вопрос задал не мне, а Хену:

— Тайсен? Из Вендая? Не родня Тину Тайсену?

— Не совсем, мы из другой ветви, — без запинки ответил Хен.

— Ясно. Кто глава рода?

— Я. Мои родители уже умерли, братьев и сестер нет.

А как же бабушка? По рассказам Хена у меня создалось впечатление, что глава рода именно она. И что у Хена обязательно должны быть еще родственники.

Наверное, я уставилась на него с изумлением. Он поймал взгляд и чуть повел подбородком, мол, все потом. Ладно. Не буду мешать. Потом так потом.

— Знак главы?

Хен отстранился и вытянул правую руку перед собой. На тыльной стороне ладони, как проступающие от тепла чернила, медленно появился незнакомый символ. Я наблюдала за этим с удивлением, которое старалась не показывать.

И правда глава. У моего отца тоже знак на руке, солнце с шипами, знак Сантернов. У Хена был совсем другой, куда более замысловатый, что-то вроде изогнувшегося змея или ящерицы.

Метнула быстрый взгляд на его невозмутимый профиль. Синие глаза смотрели спокойно и ясно. А мою душу тяжелым камнем придавили сомнения. Или нет, не сомнения, а скорее осознание, как мало я все-таки знаю о человеке, который стал моим мужем.

— Спасибо, теран Тайсен, — кивнул ректор, — подтверждение достаточное. Итак, вы не возражаете против намерения вашей жены учиться на факультете магии меча?

— Не возражаю.

Глава академии снова удовлетворенно покивал и начертил в воздухе замысловатый знак. Едва он закончил, линии загорелись зеленым, а ректор громко и четко произнес:

— Верт, зайди ко мне. Как можно быстрее.

Ух! Сердце быстрее погнало кровь по жилам. Верт Дайрен, бессменный декан боевиков! Я столько слышала о нем от старших братьев, а теперь наконец увижу! И не только увижу, и буду у него учиться!

Ждать пришлось недолго. Снаружи послышались тяжелые шаги, и дверь без стука отворилась. На пороге стоял, все всякий сомнений, он, ар-теран Верт Дайрен. Грузный, широкий, с бычьим взглядом из-под нахмуренных бровей.

— Вот. Тут на твой факультет хотят, — просто пояснил ректор.

Верт Дайрен обернулся к нам, скользнул взглядом по мне, как не заметил, и уставился на Хена. Поморщился:

— На какой курс? Опыт обучения?

Хен помотал головой, стукнул пальцами по медальону, мол, целитель. Взгляд боевика опустился на меня:

— Девка?! Даром не возьму!

Мои восторги и блаженство как ветром сдуло. Я уставилась на Дайрена, не веря своим ушам.

А тот буркнул — не мне, скорее в пространство:

— Что толку брать девок, если они потом ноют и просят, чтобы их перевели к «рыбакам» или целителям? Только время зря тратить! Не возьму!

— Я Сантерн!

Опомнилась я, уже выскочив в центр кабинета, и застыла перед боевиком, сжимая кулаки. Со стороны мы смотрелись, наверное, как гора и мышь, но я была полна намерения доказать декану, на что способна. В конце концов, как это так — не взять меня на факультет моей мечты?!

Верт Дайрен остановил взгляд на моих волосах. Выражение его лица оставалось по-прежнему хмурым, но я видела, что мой отчаянный вопль подействовал. Замерла, мысленно обещая Нигосу, что буду очень-очень хорошей, лишь бы...

— Ладно, — наконец пророкотал декан, — дам тебе один шанс. За мной.

Я чуть не завизжала от восторга. Есть! Не знаю, что он потребует, но я обязательно справлюсь. Метнула радостный взгляд на Хена. Тот показал сжатый кулак, мол, молодец, действуй. Поймал за локоть, когда я проходила мимо, и шепнул на ухо:

— Найду тебя вечером.

Зачем? Хотя ладно, пусть находит, сейчас не до этого. Верт Дайрен удалялся, не собираясь ждать меня, и я рысью помчалась за ним следом.

Шли мы довольно долго, декан топал впереди, я бежала за ним, едва успевая на ходу любоваться академией. А любоваться было чем: она располагалась на вершине горы, и здания шли уступами, одно за другим, напоминая вздыбленный хребет дракона. Сладко пахло капласским жасмином — кустарниками, покрытыми мелкими желтыми душистыми цветочками, был усажен весь склон, по которому мы шли.

Народу в академии хватало, навстречу то и дело спускались парни и девушки, некоторые здоровались с деканом, и тогда я с любопытством пялилась на них, потому что это скорее всего были боевики.

Наконец мы добрались до тренировочной площадки нужного факультета. Я почему-то думала, она будет пустовать, но пара десятков человек бегали по кругу в качестве разминки. Братьев среди них я не увидела и мелочно обрадовалась: чем позднее они обо всем узнают, тем лучше.

Рядом с площадкой стояло невысокое одноэтажное здание, в которое и завернул декан. Я поспешно сняла обувь: отполированный пол ясно говорил о том, что грязь здесь недолюбивают. А широкоплечий парень, корпевший со шваброй на другом конце помещения, еще и о том, что если кому-нибудь вздумается наплевать на принятые правила, то этот кто-то мигом получит черенком швабры по хребту.

— Ферн, — окликнул парня декан, тоже сбросивший сандалии и сейчас стоявший, крепко упираясь пальцами босых ног в пол.

Парень обернулся.

— Мастер Верт, — отвесил он быстрый поклон, а потом с любопытством уставился на меня. — Ух ты, это мне замена? Здорово!

— Рано радуешься. Но если ты обезоружишь ее за три минуты, я избавлю тебя от отработки.

Вот оно что. Вздумал проверить меня? Или, скорее, наоборот — хочет, чтобы я сразу поняла, что мне здесь не место. Не тут-то было, декан явно незнаком с девушками из рода Сантерн.

Я окинула парня уже другим взглядом, оценила рост и вес — не слишком высокий, но довольно жилистый, опасное сочетание. Скорее всего, он на втором или третьем курсе: для первокурсника слишком взрослый, а на последний не тянет, да и вряд ли мастер Верт поставил бы против меня четверокурсника, все-таки это нечестно.

— Ее? — Ферн тоже ответил мне любопытным взглядом, а потом повернулся к декану. — А она что натворила? Ты вообще кто? — обратился он ко мне. — Первокурсница?

— Все разговоры потом, — скомандовал Дайрен, подхватил со стойки два тренировочных деревянных меча и кинул один мне, другой парню.

Я свой поймала сразу, а Ферн отпустил швабру, вытянул руки, спохватился, что швабра падает, попытался словить одновременно меч и швабру и упустил обоих. Я спрятала усмешку. Кажется, мое испытание будет не таким уж и сложным.

— Горе неуклюжее, — поморщился декан и пошел к выходу. — Оба за мной.

Для поединка выбрали задний двор. Мы с Ферном застыли в разных концах, и Дайрен резко махнул рукой:

— Начинайте!

Одновременно с командой перевернул большие песочные часы, стоявшие на столике. Три минуты пошли.

— А, постойте!

Вместо того чтобы направить все внимание на противника, Ферн вдруг повернулся к декану. Тот устало вздохнул и снова перевернул часы, едва высыпающийся песок начал утекать в заполненную часть.

— Я хотел спросить, а магию использовать можно? Или только на мечах? Ну, раз девчонка...

Мастер Верт окинул меня пристальным взглядом, открыл было рот, но я ответила раньше:

— Можно.

Теперь на меня уставились оба.

— Я тебя и с магией сделаю. — Улыбнулась Ферну и поманила его к себе.

Это была в какой-то мере бравада, но кровь Сантерн кипела во мне, побуждая делать глупости. Разрешить противнику использовать магию сыграло бы мне на руку, умей я сама использовать ее как следует. А так — только дала ему козырь, вооружила против себя. Но, судя по всему, этот Ферн не клановый, маг, но не боевик. Вернее, еще не настоящий боевик. Не впитал этот дух с детства, не

знает, каково это — бросаться на противника, когда уже нет сил держать меч, держаться на одном лишь упрямстве, вызывать на бой тех, кто заведомо сильнее и опытнее, и учиться на своих же поражениях. И в этом боевом духе он мне уже проигрывает. Как и в опыте. Поэтому пусть себе использует любые заклинания — это будет по крайней мере честно.

Лица декана я не видела, а Ферн озадаченно хмыкнул. Пожал плечами, принял стойку и полоснул мечом по воздуху. Польшнуло синее зарево, и я узнала — Лас показывал — заклинание магического усиления мускульной силы, выносливости и реакции. Усиление небольшое, но для меня неприятное. Надо действовать с учетом этого.

— Начали!

Поначалу мы оба двигались по кругу, пытаюсь оценить противника. Потом Ферн сделал резкий выпад, я легко ушла, предугадав намерение по положению ног, но сама атаковать не стала, призвала знак «атем», помогающий двигаться быстрее.

Еще один выпад, еще одно уклонение, и я поняла, что делать. Ферн слишком сильно раскрывался при нападении. Незащищенный бок прямо вопил: «Ударь меня». И когда парень налетел на меня в очередной раз, я нырнула под его руку и коснулась деревянной планкой меча как раз под ребрами.

Ферн изумленно вскрикнул, подался назад, а я, пользуясь его замешательством, ударила в обратном направлении по руке, выбивая меч. Сосредоточила энергию в нужной точке, как учил Лас, — удар чистой магической силой. Пальцы Ферна разжались, и меч полетел на землю.

— Конец! — возвестил декан. — Эх ты!

— Как? Что ты сделала? Покажи! — Парень завертел головой и с изумлением стал рассматривать свою руку.

А я вдруг заметила непрошеного зрителя. На заборе, ограждающем внутренний двор, вытягивала шею белая ласка. Черные глазки блестели любопытством.

Я бросилась за ней. В голове билась одна мысль: «Не уйдешь!», да куда там. Ласка изогнулась, словно издеваясь, пробежала по верхней перекладине пролета в непосредственной близости от моих рук и юркнула вниз с другой стороны.

— Стой! — отчаянно вскрикнула я.

Тщетно, ее уже и след простыл. Но что за настырная наглая тварь! Преследуя меня, добралась аж до академии, прошла сквозь магическую защиту? Ну все, в следующий раз обязательно ее поймаю, или я не я!

— Эй! Девушка Сантерн, — позвал меня декан.

Обернулась.

Дайрен вразвалку подошел ко мне и протянул руку. Я послушно вложила в нее меч. Мастер принял его, сунул под мышку и некоторое время стоял, покачиваясь на пятках и меряя меня тяжелым взглядом.

— Значит, так, — произнес наконец, — говорю только один раз. Думаю, ты уже поняла: я не делаю различия между девушками и парнями. Если ты учишься у меня — ты боец. Разницу между полами с успехом возмещают магические практики. Так что предупреждаю: будешь учиться у меня — привилегированного положения не жди. Тренировки со всеми наравне.

— Да! Конечно!

Я вытянулась во весь свой небольшой рост. Внутри все пело и плясало. Он берет меня! Я буду учиться! А равное отношение — это же именно то, что нужно, о чем я всегда мечтала.

— Завтра в семь утра тренировка. Опоздаешь — пеняй на себя.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошел в здание. Декана нагнал Ферн и стал что-то эмоционально говорить. Они быстро исчезли внутри.

Проводила их взглядом, еще раз оглянулась на забор, но ласки там не было. Нет так нет. Пойду в административное здание, нужно узнать, куда меня поселили.

И тут я заметила на земле забытый меч Ферна. Подняла, повертела в руках, сделала пару взмахов и выпадов. Надо вернуть.

Когда заглянула в помещение, куда ушли декан со студентом, услышала голоса. Сперва Ферна,

жалобный:

— Нехорошо вы со мной поступили, мастер Верт! Привели какую-то львицу, а я уж поверил, что избавить от отработки решили.

И потом голос декана, неожиданно добродушный:

— Да я не ожидал даже, что она станет сражаться, не то что сможет тебя обезоружить. Думал, сбежит, поджав хвост. Но нет, девка знает, чего хочет. Сразу видно кровь Сантерн.

— Она Сантерн? — Парень негодуяюще застонал. — Ну вот, а я-то думаю!

Ох! Надо сказать декану, чтобы не распространялся о моем происхождении. Но вламываться посреди их разговора обо мне было неудобно, как и продолжать подслушивать. Я осторожно прислонила меч к стене и выскочила на улицу. Ничего, подожду где-нибудь здесь. Поищу, куда могла подеваться ласка.

Но едва я шагнула в сторону забора, как на крыльцо вышел декан. Кивнул мне уже без того пренебрежительного выражения на лице и стремительно зашагал прочь. Я побежала за ним.

— Ты хочешь скрыть? — удивился он, выслушав мою просьбу. — С твоей шевелюрой это вряд ли удастся.

— Ну... мало ли. Разве что те, кто знает Ласа или Вейса, поймут. Вряд ли мы еще где-нибудь известны, кроме Отрейля.

— Как знаешь, — пожал он плечами, — будь по-твоему.

Отлично. Теперь Ферн.

Поклонившись декану, помчалась обратно в здание. Постучала по косяку, чтобы не напугать, и заглянула. Парень уныло возил шваброй по и без того чистому полу. Увидев меня, встрепенулся.

— Привет, — неловко начала я. — У меня одна просьба, немного странная. Не говори, пожалуйста, никому, что я Сантерн. Я тут под другим именем, есть причины.

Он помедлил, потом расплылся в улыбке.

— Конечно. Но взамен с тебя одна услуга.

— Какая? — Невольно напряглась — и чего же ему надо?

Может, хочет, чтобы научила приему, который использовала против него? В принципе, дело нетрудное, могу и научить.

Но Ферн сказал нечто совсем неожиданное:

— Ты сходишь со мной на свидание. — И глаза его хитро заблестели.

Я чуть не поперхнулась. Свидание?! Вот так вдруг?

Невольно посмотрела на него уже не как на потенциального противника или старшекурсника, которого надо уважать, а как на парня, которому я, кажется, понравилась. А он мне?

Ну, вообще говоря, он был... обычный. Не слишком высокий, но крепко сбитый, широкоплечий, с открытой улыбкой на веснушчатом лице. Нос длинноват, но ему даже идет. С другой стороны, и мой Хен вполне себе обычный.

Мой Хен? Мой?! Это с каких пор я думаю о нем как о своем? У нас вообще-то договорный брак, никто никому ничего не обещал, Хен прочего помог мне, мы с ним не встречаемся.

Почему-то эти мысли рассердили меня, и я брякнула:

— По рукам.

— Правда? Здорово! А когда? Давай в следующий день солнца?

До дня солнца было еще четверо суток, так что я с легким сердцем согласилась. И поспешно сбежала, потому что Ферн явно вознамерился продолжить так удачно начавшееся знакомство, а мне еще нужно выяснить, где я буду жить, и отделаться от всех остальных формальностей.

Но мысли нет-нет да и возвращались к Ферну и его неожиданному приглашению. Свидание!.. Хорошо начинается учеба.

Интересно, что сказал бы Хен, если бы узнал?

Впрочем, он не узнает. А если и узнает, ему все равно.

Первый день в академии пронесся быстро, как дуновение ветра. Отметившись в деканате и получив расписание и список необходимых вещей, я ужаснулась тому, что у меня нет и половины, ведь мама рассчитывала на учебу на факультете «рыбаков». Бегая по лавкам, выяснила, что денег у меня хватит только мелочи вроде наколенников и налокотников.

Уже было отчаялась, но тут мне улыбнулась фортуна: удалось продать магический шар и еще несколько ненужных теперь вещей одной растерянной стихийнице с первого курса. Вырученных денег кое-как хватило на самое необходимое. Правда, я опять осталась без гроша.

Зато выяснила наконец, где буду жить. Мне отвели комнатку под самой крышей, на пятом этаже женского общежития — первокурсников традиционно селили на самом верху. Маленькую, с довольно бедной обстановкой, но я осталась довольна. Физических нагрузок я не боялась, а вид с пятого этажа открывался чудесный. Поужинав на скорую руку — хорошо, кормили бесплатно, иначе пришлось бы голодать, — заныкала пару пирожков с мясом и помчалась обратно к себе, любоватья, как солнце уходит за гору и на округу медленно опускается фиолетово-синяя ночь, а территории академии далеко внизу словно покрываются огненными прожилками уличного освещения.

И тут в дверь постучали.

Я вскочила с подоконника. Почему-то испугалась, что это братья, хотя Лас уже забегал пару часов назад узнать, как я устроилась. Но вдруг до них уже дошли слухи?

Однако когда я нерешительно выглянула за дверь, за порогом обнаружила Хена. Он с улыбкой протянул корзинку с крышкой.

— Привет. Можно к тебе?

— Заходи. — Посторонилась, вдруг растерявшись: совершенно забыла, что он обещал вечером найти меня. Надо же, и правда нашел. И пустили же в женское общежитие!

Хотя... он ведь теперь мой муж.

Представила, как он просит разрешения у коменданта общежития, объясняет, что хочет увидеться с женой, и почувствовала, как кровь прилила к лицу. Потом вспомнила растерянную женщину в административном блоке, извинявшуюся, что в академии не предусмотрено совместное жилье для семейных пар. У нас брак был фиктивный, так что я даже обрадовалась. А вот о том, что Хен, как мой супруг, все равно будет вправе зайти ко мне в любое время дня, не подумала.

— Смотрю, ты всю обустройстваешься, — раздался голос с нотками явной насмешки, и я отмерла.

Кинула взгляд на комнату и увидела ее так, словно вошла впервые: в узенькую клетушку едва вмещались кровать, шкаф, письменный стол и стул, причем последние были завалены ворохом вещей. Я как раз пыталась навести порядок, выпотрошив все из сундука и баулов, чтобы понять, что, куда и каким образом закинуть. И теперь весь мой скарб громоздился огромными неряшливыми кипами. Хену и сесте было некуда.

— Ох, я сейчас!

Кинулась освобождать стол, поставила мешавшую корзинку на кровать, хотела было сгрести тряпье в охапку и закинуть в шкаф, но меня остановили.

— Не суетись, устроюсь на полу.

Едва успев договорить, гость сел, ухитрившись уместить свои длинные ноги в узком проеме между кроватью и шкафом. Потянулся к корзинке, открыл крышку и достал пузатую бутылку, а потом завернутые в бумагу... бутерброды? Они источали умопомрачительный запах свежей выпечки, маринованных огурчиков, помидоров и засунутых между двух половин булочек котлет.

Позабыв, что недавно поужинала, я протянула руки навстречу свертку.

— Где ты это достал?!

В столовой такое точно не подавали.

Хен только ухмыльнулся — уже с набитым ртом. Он ел быстро, откусывая огромные куски, но при этом очень аккуратно, подбирая губами вытекающий мясной сок. А я умудрилась сразу заляпаться томатом, зашипела, негодуя на собственную неуклюжесть, а потом плюнула на все: оттираю! — и

дальше ела спокойно.

Было так вкусно, чуть язык не проглотила. И явно приготовлено только что. Может, Хен ограбил преподавательскую столовую? При взгляде на его хитрую физиономию в это легко было поверить, но мне почему-то казалось, если спрошу, он будет отпираться до последнего.

В бутылки оказался виноградный сок. Правда, тут возникла небольшая накладка: у меня была только одна кружка.

— Можно налить в тарелку, — предложила растерянно.

— И хлебать по-собачьи, — подхватил Хен. — Отличный вариант, мне нравится. Давай сюда, раз я все равно на полу. Можем сделать вид, что я твой Цепной пес. — Он улыбнулся, а у меня вдруг захватило дух от его синих глазниц под белой челкой, от этого взгляда снизу вверх, от брошенного невзначай «я твой цепной пес».

Может, только поэтому брякнула ни с того ни с сего:

— Я о тебе ничего не знаю.

Хен и бровью не повел, только снова растянул губы в улыбке.

— Узнай.

И опять от какого-то странного смущения перехватило дыхание, бросило в жар. Голова шла кругом. То ли оттого, что мы с Хеном наедине, так близко, вокруг тишина, лишь чуть слышно стрекочут какие-то насекомые за окном да теплый ветер шевелит занавески. То ли просто от осознания, что в моей маленькой комнатухе сидит на полу высокий симпатичный парень, опираясь одной рукой о кровать, смотрит чуть насмешливо, а в ухе его поблескивает сережка. И не обычная, а пара моей, то есть и гость — не просто парень, а вообще-то мой муж. И вроде как имеет право тут находиться.

Смущение стало непереносимым, у меня запылали, наверное, даже уши. Я встала и отошла к окну, притворяясь, что хочу закрыть его. Ветер немного охладил разгоряченную кожу.

Слава Нигосу, Хен, кажется, ничего не заметил, потому что не отпустил никакой сомнительной шуточки. А я, полюбовавшись ночным пейзажем, наконец успокоилась и вернулась на кровать. Забралась на нее с ногами — мама, ругавшая меня и объяснявшая, что воспитанные ар-теранны так не делают, теперь, благодарение небесам, далеко.

Хен все это время задумчиво попивал сок из тарелки, держа ее элегантно и как-то не по-нашему, не как обычно — поставил на три пальца и подносил к губам. Я ненадолго зависла, наблюдая за ним, а потом вспомнила и вернулась к допросу.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать, — ответил Хен невозмутимо, словно в разговоре и не было никакой паузы.

— Ты правда из Вендая?

— Почему ты это спрашиваешь? — По лицу его прошла тень, будто ему стало неприятно.

— Просто. — Пожала плечами. — Никогда не была там. Говорят, все вендайцы держатся наособицу, у них свои обычаи.

— Преувеличивают. Вендайцев полно во всех землях Морвенны. Уверен, у ваших, у боевиков, тоже человек пять-шесть найдется.

Я кивнула. Было сложно сосредоточиться, взгляд плавал, цеплялся за всякие мелочи. За широкое запястье с низкими оберегов, расслабленно лежащее на покрывале, совсем близко. За согнутую в локте другую руку, упирающуюся в колено. Скользил по крепкой шее в приоткрытом вороте, испуганно касался линии ключиц и снова улетал. Зачем все же Хен предложил мне пожениться? Что за цель он преследует?

— Ты и правда глава рода?

Вопрос вырвался сам собой, но стоило ему прозвучать, как я напряглась, словно боялась услышать в ответ ложь. Запуталась в своих ощущениях. Мне хотелось ему верить.

— Да. Формально, — Хен тихо усмехнулся, — на самом деле всем заправляет бабушка.

Формально глава. Формально, как наш брак. Кажется, Хену не в новинку такие вещи.

— А как же другие родственники? Или у тебя никого нет?

Сама не знала, почему расспрашиваю. Как будто экзаменую его. Какая мне разница? Но почему-то вопросы так и прыгали на язык.

А Хен отвечал, будто так и надо. Доброжелательно и спокойно смотрел на меня загадочным синим взглядом и рассказывал:

— Родственников полно. Но мой отец был старшим сыном бабушки, поэтому я и стал главой официально. На самом деле у меня есть и двое дядек, и тетя. И это только кровники, не считая их жен и мужей. Ну и мелкоты полно, конечно. Но если бы я все это стал рассказывать ректору, последовали бы новые вопросы, он стал бы сомневаться, как ты. А так он пошлет официальный запрос в Вендай, выяснит, что я сказал правду, и успокоится.

— Я не сомневаюсь, — пробурчала, хотя что было толку отрицать, раз уж Хен все равно заметил.

— Как первый день на любимом факультете? — вдруг спросил он, словно устал говорить о себе. — Было что-нибудь интересное?

— Да нет... — невольно отвела глаза, потому что его взгляд стал вдруг очень пристальным и острым, — ничего такого.

— Ясно. — Хен улыбнулся — вроде бы как всегда, но мне стало неловко, что приходится ему врать. — Кстати, не хочешь выбраться в город в день солнца? Посмотреть, погулять.

Ох! В какой-то долгий миг я пыталась совместить в сознании свидание с Ферном и вылазку с Хеном — и все в один день. Зачем я вообще согласилась на это дурацкое свидание? Только от неожиданности. Но теперь из-за этого придется отказать Хену, не называя причины. Не то чтобы я боялась, что он будет против, просто вообще не хотелось, чтобы он знал. Хотя свидание с Ферном не вызывало у меня никакого волнения или радостного предвкушения.

— Я не могу. — Смотреть в глаза и лгать я не осмелилась, отвернулась и забормотала, желая провалиться сквозь землю. — Тренировки... надо войти в форму... хочу еще над учебниками посидеть. И денег нет на развлечения...

Взгляд Хена чувствовала кожей, но упрашивать меня он не стал. Зато и о другом не заговорил. Легкость куда-то ушла, мне сделалось не по себе, молчание угнетало.

Хен, похоже, тоже это почувствовал.

— Ладно, пойду. — Он поднялся и, не дожидаясь ответа, направился к двери.

— Ой, постой! — Вспомнила, когда он уже положил ладонь на дверную ручку. — Хотела попросить...

Хен обернулся.

— Сними, пожалуйста, сережку, — выпалила, пока смелость меня не покинула. — Ну... я бы не хотела, чтобы все знали.

Моя логика была очень простой. Хена непременно увидят в моей компании. Будет выглядеть очень странно, если я стану постоянно общаться с женатым парнем. А серьга все-таки привлекает внимание. Очень быстро разнесутся слухи, а я не чувствовала в себе достаточно моральных сил, чтобы оказаться мишенью пересудов всей академии.

Воспользоваться фиктивным замужеством, чтобы попасть на факультет магии меча — на это смелости у меня хватило. А постоянно играть роль замужней — об этом я не думала и оказалась не готова. Хотелось чего-то вроде отсрочки. Да и для Хена так безопаснее, будет меньше ненужных вопросов.

Хен как всегда остался невозмутимым.

— Да, конечно.

Потянулся к уху, снял серьгу и небрежно сунул в карман. Так, словно это ничего для него не значило. Я упрекнула себя: сама же попросила, так чего расстраиваться?

Из чувства смутной вины вышла из комнаты вслед за ним. Думала проводить до лестницы или даже до выхода из общежития. Но Хен вдруг обернулся, хитро блеснул глазами и привлек меня к себе, так что я полной грудью вдохнула аромат его тела, а щеки коснулось пахнущее сладковатым виноградным соком дыхание. Я застыла, сердце подпрыгнуло к горлу, не хватало воздуха. В голове испуганно заметались мысли: что он делает? Зачем? Я что-то не так поняла?

В следующий миг Хен поцеловал меня — в щеку, но прижав так тесно, что со стороны наверняка казалось, будто это страстный поцелуй. Прикосновение мягких губ обожгло, как клеймо, незаметная на взгляд щетина царапнула кожу. Хен почти сразу отпустил меня, но я, ничего не соображая, так и застыла на месте, уставившись на него широко раскрытыми глазами.

— Увидимся, — улыбнулся он и сбежал по лестнице вниз.

Я осталась одна в коридоре на глазах десятков свидетелей, вернее свидетельниц, — близился час сна, и народу в коридоре было полно. Девчонки сновали туда-сюда по коридору с тазами, полными умывальных принадлежностей, с полотенцами на головах, кто-то громогласно жаловался, что ничего не знает, не умеет и вообще хочет домой. И теперь вся эта толпа замерла — мало того что на этаже откуда ни возьмись оказался парень, так еще и представление устроил с поцелуями у всех на глазах.

Вот и очутилась я под перекрестьем девичьих взглядов. Кто-то присвистнул, кто-то испустил продолжительное «О-о-о», кто-то пренебрежительно фыркнул. Одна из соседок, самая смелая, тут же атаковала меня расспросами:

— Это кто? Твой парень? Заходил в гости?

— Что-то вроде, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как смущение сменяется чем-то похожим на злость. По большей части на Хена — он ведь специально это сделал! Но в какой-то мере и на себя саму: обалдела, как деревенская простушка, впервые попавшая на ярмарку. Чуть рот не раскрыла от удивления. Вот он ржет, наверное, вспоминая мое лицо!

Зачем он вообще это сделал? Тем более после того, как я попросила его снять сережку. Как будто решил по-другому показать, что мы вместе. Но мы же не вместе!

— Обалдеть, дурищ развелось, едва из люльки выползли, сразу в койку прыгают. Прямо здесь, в общежитии. Постыдилась бы!

Резкий злой голос еще раньше, чем полные яда слова, заставил меня вскинуть голову. Взгляд сразу нашел говорящую, маленькую длинноволосую блондинку с медальоном целителей на груди. Она смотрела на меня с презрением, губы кривились.

Я ничего не ответила, хотя внутри полыхнул гнев. Не пришло в голову, как можно осадить. Парня бы вызвала на дуэль или просто ударила, а с девчонками... я вообще не привыкла иметь с ними дело — не бить же ее?

Целительница язвительно улыбнулась, видя, что я молчу. Развернулась, взмахнув тяжелой толстой косой. И я не выдержала, ринулась вперед, перехватила ее за эту тугую косу, сильно дернула. Вокруг заохали.

— Что ты делаешь?! — завизжала девчонка.

— Еще раз выкнешь что-нибудь про меня в таком духе — пеняй на себя, — прошипела в искаженное страхом и злостью личико. Оттолкнула от себя, подождала немного, но она не проявила желания напасть. Наоборот, съежилась, только глаза блестели ненавистью. Зато язычок прикусила.

Так и не дождавшись реакции, я пожала плечами и пошла прочь. Не к себе, а в умывальные, хотелось ополоснуть лицо холодной водой. Внутри все кипело. Эх, сейчас бы меч — и попрыгать вокруг пугала, как дома.

— Бешеная! — дождавшись, когда я окажусь в другом конце коридора, крикнула мне вслед целительница. — Пожалуйся на тебя хранителю, вылетишь отсюда в два счета!

— Держи карман шире, — проворчала себе под нос.

Зря я так, конечно. Надо было поступить, как мама, — облить презрением, вскинуть нос, хорошо поставленным голосом сказать завуалированную гадость. Но я выросла с братьями и привыкла сначала действовать кулаками, а уж потом соображать, как это выглядит со стороны.

Ладно, пусть ее. Может, я и обзавелась врагиней, но с такой, как она, я бы и так не смогла подружиться.

В умывальне слышался шум воды — кто-то принимал душ. Зеркала чуть запотели, провела рукавом, стирая конденсат. Открылось мое лицо — отстраненное и спокойное, хотя на душе было Далеко от покоя. Только виновата во всем была не глупая целительница, а Хен. Когда он ко мне потянулся, у меня аж кровь в жилах застыла. Не от ужаса, от волнения. Я действительно подумала, что сейчас он меня поцелует. А он... он только издевался.

Входная дверь неожиданно открылась, и я напряглась: сейчас как ворвется целительница, как вцепится мне в волосы. Но зашла незнакомая высокая девица с короткой стрижкой. Шевелюра у нее была белая как снег, и у меня екнуло сердце: показалось, что вернулся Хен. Девушка пристроилась рядом, открыла кран и начала мыть руки. Я отвернулась, и тут она сказала:

— А ты молодец. Не ожидала, что ты ее так осадить. Ты с какого факультета? «Рыбачка»?

— Меч, — ответила коротко.

Странно. Сама я не чувствовала ни гордости, ни удовлетворения, но сейчас, когда незнакомка одобрила мои действия, на душе все равно полегчало.

— Да ну? Серьезно?! — Девушка выпрямилась, смерила меня удивленным взглядом. У нее были изумительно красивые глаза необычного бирюзового оттенка. — Тогда приятно познакомиться. Лидайя Венелан, — протянула руку. — С этого года первокурсница магии меча.

— Да ну... — настал мой черед удивляться — она выглядела минимум как третьекурсница, а оказывается, моя одногруппница.

Мы разговорились. Выяснилось, что она приехала три дня назад и тоже успела сцепиться с задевшей меня целительницей.

— Характер дрянь, — коротко охарактеризовала ее Лидайя. — Она, кажется, клановая, привыкла, что вокруг нее все ходят на цыпочках. Уже нашла себе пару подпевал здесь.

Вот оно что. Я кивнула, но задумываться о целительнице не стала, вместо этого поинтересовалась:

— А ты не из Вендая?

— Да, — ответила она обрадованно. — Как ты угадала? Хотя... — Она со смехом взлохматила волосы. — А твой? Не оттуда? — Я подтвердила, и она весело добавила: — Я так и подумала! Земляка везде узнаешь. А ты быстрая! Только приехала, а уже парнем обзавелась.

— Мы раньше познакомились, до академии, — отрицательно помотала я головой.

— А-а, — понимающе протянула девушка, — тогда другое дело.

Слово за слово, мы разболтались, и я рассказала ей, что смогла, не вдаваясь в подробности. И что сама я из Отрейля, и что познакомились мы в нашем городе, и что Хен учится на целителя на третьем курсе. В ответ узнала, что Лидайя старшая в семье, у нее есть младший брат, который тоже спит и видит, чтобы стать боевиком. И что боевиком был и их отец, но погиб на службе, когда Лидайя с братом были совсем маленькими. Что парня у нее нет, но она надеется встретить кого-нибудь в академии, а потом, если повезет, ездить с ним одной группой, уничтожая тварей.

Спать я ложилась довольная — обзавелась не только врагом, но и подругой. Кажется, жизнь в академии обещает быть насыщенной. И только две мысли омрачали радость: что я слишком завралась и что Хен мог на что-то обидеться.

Впрочем, уже на следующий день я обо всем забыла — учеба захватила полностью. Вставала я в семь утра, умывалась, завтракала припасенным с вечера и бежала тренироваться. Поутру и зал, и площадка обычно пустовали, и никто не мешал мне выплясывать до седьмого пота. К девяти неслась в общежитие, на скорую руку принимала душ, завтракала второй раз и мчалась уже на лекции — они проходили в главном корпусе.

Лекций хватало: от сугубо наших, специализированных — об организме человека и оружии, о тактике, стратегии и необходимых для боевика заклинаниях, — до общих, которые слушал весь поток: история мира и Морвенны, противодействие тварям, изучение их слабых мест, защитные, вспомогательные и усилительные схемы и так далее.

Время после обеда было отведено тренировкам, и мне очень повезло, что площадки были для каждого курса отдельные, иначе и Лас, и Вейс непременно обнаружили бы среди первокурсников знакомого макушку.

К слову о первокурсниках — в первый же день, когда нас собрали вместе, я поняла, что на курсе всего четыре девушки, причем все они, кроме меня, были как на подбор: высокие, сильные, подтянутые, как Лидайя. Я, конечно, тоже на конституцию не жаловалась, но по росту оказалась самой маленькой, даже тренировочный меч — Сорванца приносить запретили — мне подобрали с трудом.

Декан, как и обещал, не давал нам спуска. Вернее, другие преподаватели, потому что Дайрен пока не вел у нас ни лекций, ни практических занятий. Впрочем, благодаря тренировкам с детства

практика давалась мне без усилий, а с лекциями помогала Лида. Я.

Кстати, от свидания с Ферном я отказалась — на следующий же день, когда он снова уныло возил шваброй по полу в зале, отрабатывая свое наказание. Сообщила, что не могу пойти, так как у меня есть определенные обязательства, и извинилась, что не сказала сразу. Он воспринял совершенно спокойно, не стал шантажировать, что раскроет мой секрет, ответил только:

— Да? Жаль... Ну ладно, не беда. Спасибо, что предупредила, а не просто не пришла.

Улыбка делала его простецкое лицо очень милым, и я даже немного пожалела, что он не вызывает во мне совершенно никакого интереса.

Зато с сердца свалился большой и тяжелый камень, все же чувствовала смутную вину перед Хеном, хоть нас и не связывало ничего, кроме договора. Теперь при встрече я бы с удовольствием сообщила, что на день солнца у меня планов нет, только с тех пор, как он ушел, поставив наш этаж на уши, ни разу его не видела. Однажды даже в мужское общежитие заглянула, но Хена там не застала.

Зато загадочную белую ласку встречала постоянно. И каждый раз она сбегала от меня, издевательски помахивая белым хвостом. Могла остановиться на полпути, подпустить поближе, чтобы потом рвануть с места, или отпрыгнуть совершенно неожиданно в сторону, или нырнуть в узкую щель и пропасть с концами.

Я пробовала приманить ее, носила с собой завернутую в несколько слоев бумаги куриную ножку, но ласка только приседала на задние лапки и, вытянув шею, наблюдала за мной с явным ехидством на узкой мордочке. Не подходила ни на шаг, и даже когда я плюнула на попытки поймать ее и просто оставила на бумаге развернутую куриную ножку и отошла подальше, упрямая животинка все равно есть не стала. Вместо этого, негодяйка такая, пустилась за мной вприпрыжку, промчалась мимо белой молнией и шмыгнула в щель в заборе. И я бы не удивилась, если бы при этом послышался тихий язвительный смех.

Заподозрив, что это какая-то тварь, я измочалила до дыр справочник в библиотеке, но ничего похожего там не нашла. Если ласка и была тварью, то совершенно не известной науке.

В общем, все шло своим чередом, пока я не подслушала разговор наших парней в раздевалке.

Обычно я принимала душ и переодевалась у себя в общежитии. Хоть при спортивных площадках и залах и были свои душевые, после тренировок они были набиты битком, так что я предпочитала пробежать пол-академии, зато помыться спокойно и с комфортом. Ну и еще одна причина была в том, что душевые были общими, то есть не делились по признаку пола.

Я и в этот раз собиралась поступить так же, но, проходя мимо полураскрытой двери, услышала свою фамилию. Свою новую фамилию, Тайсен.

— ...лезет повсюду, — следом донесся обрывок фразы.

— Проучить бы ее, — протянул кто-то мечтательно, и слова потонули в гоготе нескольких глоток.

Я резко развернулась. Это что еще за собрание кумушек у колодца?

Ну да, за пару недель я ухитрилась войти в число первых на курсе. По физподготовке входила в первую пятерку, полосу препятствий тоже часто одолевала первой. Но нос не задирала... по крайней мере, не замечала за собой подобного.

Похоже, парням просто не понравилось, что они проигрывают девчонке.

— Говорят, она клановая? — спросил кто-то еще.

— Вроде нет, не слышал о таком клане боевиков.

— Тогда, наверное, незаконнорожденная. Какой-нибудь клановый заделал дочурку на стороне.

Посыпались согласные возгласы: «О! Точно! Запросто!»

— Наверняка так и есть, — попытожил кто-то. — Уж слишком выделяется. Среди неклановых разве только Карин ее сделает.

Карин... Перед внутренним взором встало лицо черноволосого зеленоглазого парня. И правда, он тоже с завидным постоянством занимал места в первой пятерке. Что особенно меня раздражало — Карин и на мечях дрался отлично, и из лука стрелял как прирожденный лучник. Пожалуй, я превосходила его только в знании разных заклинаний и умении их вовремя использовать.

— Не-е, она точно заслуживает урока. Гонору слишком много. Может, подловим ее после уроков? Припугнем...

Эта идея поддержки не встретила, и слава Нигосу. Похоже, умение соображать — а может, хоть какое-то понятие о чести — моих сокурсников еще не до конца оставило.

Тем не менее я не собиралась спускать им это с рук, делать вид, что ничего не слышала, и впредь вести себя тише воды и ниже травы. Глубоко вздохнула, выдохнула — и решительно зашла внутрь.

Человек семь. Кажется, все середнячки. Увидев меня, замолчали. Некоторым стало не по себе, отводили взгляд, встречая мой, упорный и недобрый. Остальные нагло пялились, выжидая, как я поступлю.

— Кто тут хотел меня припугнуть? Есть смельчаки? — громко поинтересовалась. — С любым выйду на дуэль на настоящем оружии. До первой крови. Магия по желанию.

Этого они не ожидали. Смутились, кое-кто даже испугался, похоже. Еще бы: тут многие настоящее оружие вообще в руках не держали. Все тренировки на деревянных мечах, вся надежда на магию. Чтобы сражаться на железе, да еще до первой крови, надо не бояться, что твоя кровь прольется.

Теперь, встречая мой взгляд, глаза опускали почти все. Понимали, что не справятся со мной, а позориться неохота. Я уже уверилась в своей моральной победе — как просто! — когда одного из стоявших передо мной толкнули в плечо, тот посторонился, и вперед вышел парень. Карин, чтобы его Хагос взял.

Он, оказывается, тоже здесь был. Сидел тихонечко в углу. Или не тихонечко? Я еще не выучила голоса всех своих одноклассников, может, и он участвовал в обсуждении.

А вот это уже нехорошо. Карин серьезный противник.

Невольно подобралась, следя за его движениями. Но Карин просто встал передо мной, уцепившись большими пальцами за пояс, обманчиво спокойный и равнодушный.

— А давай! — сказал с явными нотками превосходства. — Кто проиграет, выполняет желание победителя. По рукам?

И протянул ладонь, сволоочь такая.

Я сузила глаза. Вот мы и выяснили, кто самый явный претендент на роль лидера у нас в группе. Карин, первый среди неклановых и, значит, достоин вести за собой всех остальных.

Это мы еще посмотрим, кто тут первый.

Цепочка мыслей пролетела в мгновение ока. Я решительно пожала протянутую руку.

— Отлично. Давай сейчас и разберемся.

Дуэль на желание меня вполне устроит, я даже знаю, что загадать. Осталось только победить.

Всей небольшой толпой мы вышли наружу. Сражаться решили на тренировочной площадке — если хагосовы твари принесут нехоти какого-нибудь учителя, сделаем вид, что отрабатываем движения.

Карин свысока бросил, что против использования магии не возражает. Если честно, я обрадовалась. Карин не неуклюжий Ферн, тут магия станет форой мне. Сейчас уже знала, что Ферн всего лишь второкурсник и один из самых отстающих. Неудивительно, что я легко его победила. С Кариним так не получится.

Правда, возникла небольшая загвоздка с оружием. В подсобке для первого курса хранилось только деревянное, им кровь пролить можно, разве что расколов и воткнув в противника щепку. Но кто-то вызвался сбегать к старшим и одолжить у них — и минут через десять вернулся с одинаковыми тренировочными мечами с острой режущей кромкой.

Взвесив свой в руке, поморщилась — слишком длинный и тяжелый для меня. Придется больше энергии вложить в силу и выносливость, жертвуя быстротой и мощностью атаки.

Мы разошлись. Атмосфера незаметно переменялась. Если раньше я была одна против толпы, то ли изгой, то ли жертва, то сейчас стала ее частью. Конечно, симпатии большинства все равно были на стороне Карина, но половина зрителей примерно с тем же интересом и удовольствием посмотрит, и как я его гоняю. А кто-то, может, втайне будет болеть именно за меня.

В принципе, даже если проиграю, все равно завою уважение. Девчонка, а не побоялась кинуть

вызов, сразиться на мужском поле. На самом деле я на этом поле с детства сражаюсь, и мне оно куда роднее, чем ядовитый рассадник змей в юбках, но мои однокурсники об этом не знают.

Но проигрыш будет означать, что Карин обойдет меня на пути к лидерству в группе. Это не устраивало — не то чтобы я всерьез претендовала на это место, но что-то внутри в голос кричало, что надо прочить зазнайку.

— Начали! — крикнул кто-то, и мы одновременно пришли в движение.

Шагнули по кругу, обнажив мечи. Каждый сверлил другого глазами, пытаюсь предугадать действия. Но это только начало — вот сейчас Карин сделает что-нибудь, чтобы вывести меня из себя.

Только подумала об этом, как он ухмыльнулся и поманил меня левой рукой.

— Давай, детка.

Хоть и была готова, внутри все равно вспыхнула ярость. Захотелось загнать эти слова ему назад в глотку, но постаралась себя не выдать, только зеркально усмехнулась в ответ:

— Спокойно, малыш.

Ага, теперь в зеленых глазах полыхнула молния. Карин заткнулся и собрался.

А в следующий момент исчез.

Сориентировалась я буквально за миг до того, как он вновь появился — позади меня, и успела поставить барьер. Меч со звоном ударился о преграду, высек искры. По телу прошел легкий холодок: Карин бил всерьез. Конечно, даже если бы я не успела вызвать барьер; меня бы защитили магические доспехи, но поранить меня он мог.

Что ж, раз так, и я не буду рассусоливать.

Вложившись в усиление, оттолкнула парня. Он умело превратил инерцию толчка в прыжок, отскочил, снова пошел по кругу. Я следила, ожидая новой атаки. Сама атаковать не собиралась: он куда быстрее и легче сейчас, запросто уйдет из-под удара, зато я неприятно раскроюсь.

Карин снова исчез, но теперь застать меня врасплох у него не вышло. Я подловила момент, когда он возник, призвала в левую руку воздушный щит и его краем ударила противника в лицо. Он ушел, как я и рассчитывала, только там, куда парень отклонился, его встретил мой меч.

Защита вспоролась с легким шорохом. Карин выругался, отпрыгнул — не тут-то было. Магической удавкой я опутала ему ноги, притянула к себе, еще раз ударила щитом по лицу, уничтожая остатки его защиты. Думала оглушить, но он успел первым, использовав какой-то незнакомый прием. В глазах потемнело, я оступилась — на краткий миг, но ему хватило, чтобы ускользнуть от очередного удара и финтом оказаться у меня за спиной.

Градом посыпались быстрые короткие удары. Я стиснула зубы. Из последних сил поставив второй барьер, на пределе возможностей заставила себя развернуться. Удар, щит, еще один. Разворот, наступить, поймать удавкой, не позволить сбежать. Усилить защиту, иначе он достанет меня. Давай, Сатьяна, ты победишь!

— Кровь!

В запале боя не сразу сообразила, что это кричат нам. Как, уже?! Чья? Неужели он меня ранил? Потом увидела алый порез на руке соперника и тонкие ручейки крови, пятнающие кожу. Видимо, когда мой меч распорол его защиту, задел самым кончиком и предплечье.

Парень тоже остановился, ругаясь сквозь зубы. Он тяжело дышал — откат от использования магии усиления.

— Сбегаю за целителем! — вызвался кто-то.

— Не надо! — зло бросил Карин. — Царапина. — И с ненавистью посмотрел на меня.

Я выпрямилась, убрала меч в ножны. Грудь ходила ходуном, сердце чуть не выпрыгивало, стуча на пределе. В победу еще не верилось. Повезло? Нет, дело не в этом. Победила я по праву, Карин недооценил меня, понадеялся на внезапность и скорость реакции. Я же сделала ставку на противоположное — и выиграла.

Кто-то притащил из подсобки бинты, руку Карина, невзирая на его ругань и сопротивление, сноровисто замотали.

Меня хлопали по плечу, хвалили. Восхищались, просили научить «так же». В одно мгновение я взлетела на вершину популярности. Потом, когда тревога за Карина улеглась, кто-то с любопытством спросил:

— А желание? Что ты ему загадаешь?

Я поймала взгляд парня. Недобрый и обещающий мне много бед, если загадаю что-то из ряда вон выходящее.

На его беду, именно так я и собиралась сделать.

— Задание простое, — объявила, дождавшись, когда разговоры немного утихнут. Взгляды однокурсников тут же обратились ко мне. — Берем в подсобке рупор, идем на площадку перед главным корпусом и... подбадриваем Карина, который три раза кричит через рупор «ку-ка-ре-ку». Несложно, правда?

Парень сверкнул глазами, стиснул челюсти — аж желваки перекатились. Я ждала возмущений, но их не последовало. Зато раздался первый робкий смешок со стороны. Чей-то свист. А потом хохот и улюлюканье.

Я специально выбрала задание с легким привкусом унижения. Если хочешь понизить чей-нибудь авторитет, нет способа лучше, чем выставить этого человека на смех. Только что был претендентом на место лидера, а благодаря проигрышу мигом упал чуть ли не до уровня шута.

Но держался он хорошо. Усмехнулся криво, бросил:

— Да раз плюнуть. — Принял рупор из рук успешного сбегать за ним сокурсника и первым зашагал к назначенному месту.

Площадка между учебными корпусами и столовой, та самая, где в первый раз нас рассортировывали по факультетам, никогда не пустовала. Во время перемен там царило столпотворение: ученики и преподаватели торопились с одной лекции на другую, во время обеденного перерыва — и того лучше: многие брали еду из столовой и поглощали ее под теплым солнышком, сидя на скамейках и бордюрах. Сейчас, правда, когда теоретические лекции у первых-вторых курсов уже закончились, а до ужина было еще далеко, народа там оказалось немного, но громкий залиvistый вопль «Ку-ка-ре-ку!» все равно обратил на себя внимание. Тем более что я настояла, чтобы Карин вышел в самый центр площади.

Наши смеялись, и я вместе с ними, даже Карин расхохотался, увидев, как реагируют непосвященные — кто вздрогнул, кто втянул голову в плечи, а кто грозил кулаком. Потом к нам с руганью побежал какой-то служащий в зеленой форме административных работников, и мы бросились врассыпную.

Я взбежала по склону горы, задыхаясь от смеха, вспоминая, как Карин набирал воздуха в грудь, как надувал щеки, прежде чем испустить на удивление визгливый вопль. Парочку я заметила, когда поворачивала на аллею, ведущую к общежитиям. Парочка и парочка, подумаешь, в академии их полно. Но еще раньше, чем узнала их, болезненно дернулось сердце, а смех застыл на губах.

Только после этого я признала белые волосы Хена, а потом узнала и девицу, опирающуюся на его локоть и кокетливо заглядывающую в лицо. Розовый ротик приоткрывался, обнажая мелкие белые зубки, глаза сияли. Та самая стерва-целительница, придравшаяся к тому, что Хен заходил ко мне. Что она теперь делает вместе с ним?

Мне было больно наблюдать за этими двумя, но почему-то взгляд оторвать не могла.

Они неторопливо шли по дороге, спускаясь к учебным корпусам. Целительница что-то оживленно рассказывала, Хен усмехался. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, шагнула назад, под тень кленов и пышных кустов.

Они выглядели... выглядели как влюбленные на свидании.

И никуда Хен не пропал. Жив-здоров, гуляет тут со всякими... Мне он о себе знать не дает, а с ней встречается, смотри-ка, даже ходит под ручку.

Радость от того, что я обратила в свою пользу происшествие с однокурсниками и, ловко победив Карина, потеснила его с вершины, канула, как булыжник в воду. Обида, злость, непонимание сплелись в клубок и встали в горле, мешая дышать. Обида была сильнее всего — иррациональная, неясная, причины которой оставались непонятны мне самой.

А ведь я его искала, даже к хранителю обращалась. Может, Хен специально попросил говорить, что его нет? А на самом деле был в комнате? А может, он обрадовался, что я попросила его снять

сережку? Избавился от обузы фиктивного брака со мной? Теперь никто не знает, что он женат. Можно встречаться с кем угодно.

На миг меня подстегнул порыв вывернуть им навстречу, поздороваться с невозмутимым лицом, сказать какую-нибудь гадость. Но я тут же передумала. Прав ревновать у меня нет, а эта дрянь-целительница только порадует: они вдвоем, я одна. И раз она уже так по-свойски держит его под ручку, явно у них далеко зашло.

И я повернулась и, не оборачиваясь, пошла в общежитие.

Поднялась к себе, приняла душ, сделала задания на завтра. Ужин пропустила, аппетита не было. Пока занималась делами, все было терпимо, но когда погасила свет и легла, в голову сразу полезли глупые мысли. Перед внутренним взором встал Хен, его лицо вполоборота, улыбка... И коровий взгляд дуры-целительницы.

Они встречаются?

Конечно встречаются, на зеркале не гадай.

Или, по крайней мере, девица очень старается, чтобы оно было так.

Может, он ей сразу понравился? Или не понравилась я — да настолько, что она решила увести у меня парня? Вот она, наверное, удивилась, когда для этого не потребовалось много усилий.

Я вертелась в кровати хлеще ужа на горячей сковороде, не в состоянии уснуть. Детали вспоминались одна за другой: и как лежала ладошка целительницы на руке Хена, и как эта выдра заглядывала ему в лицо, а он — тоже хорош! — только и знал, что улыбаться в ответ. А ведь раньше улыбался мне и поддразнивал тоже меня.

Только сегодня, увидев его, я поняла, как сильно соскучилась. И мне вдруг так захотелось услышать его голос, увидеть лицо, что слезы сами полились из глаз. От невольного страха, который я все же почувствовала сегодня во время разборок, и только запретила себе думать, что можно испугаться. От обиды, от идиотского бессилия. На поле боя я, может, и хват, а в таких деликатных вещах, как людские отношения, — хуже полена.

Как назло, вспоминалось только плохое, и я самозабвенно рыдала, обнимала подушку, потом молотила по ней кулаками и снова рыдала.

И вдруг в паузах между всхлипываниями услышала странный стук. Слишком легкий, словно стучали одними лишь кончиками ногтей. И не со стороны двери, а с улицы.

Я села и опухшими от слез глазами уставилась на окно, не веря тому, что увидела.

За ним бегала, помахивая коротеньким хвостиком, белая ласка. Привставала на задние лапки, передними, постукивая когтями, опиралась на стекло и с тревогой заглядывала внутрь.

Слезы высохли как по волшебству. Подскочила с кровати, даже не подумав, что резкие движения могут зверька спугнуть. Подошла к окну, замерла, ожидая, что она в любой момент как всегда сбежит. Но ласка все бегала снаружи по узкой полоске отлива.

Хагос, что вообще она делает на пятом этаже? Как забралась? И откуда знает, что я живу именно здесь? Или это простая случайность?

Я открыла окно, и ласка, вместо того чтобы сигануть куда-нибудь с глаз долой, просунула в щель узкую мордочку, а потом просочилась всем телом. Посмотрела на меня, смешно вскинув голову набок.

Я шмыгнула носом и невольно усмехнулась. Протянула ей руку.

— Ты пришла меня утешить? Столько бегала, а теперь сама сунулась в логово врага?

Ласка ткнулась холодным носом в ладонь. Забавная. Смотри-ка, и в самом деле будто утешает.

— Ой, может, ты голодная? — Я спохватилась, что и сама не ела, желудок мгновенно отозвался голодными спазмами.

Осторожно, чтобы не спугнуть внезапную гостью, потянулась к сумке — кажется, где-то лежали припасенные с утра пирожки с мясом, мои любимые. Они слегка помялись, но выглядели и пахли вполне съедобно. Я разломилась один, предложила ласке, но та не проявила интереса. Пошевелила носом, прыгнула на кровать, свернулась клубочком на одеяле. Черные глазки смотрели на меня с хитрецей, словно звали скорее последовать ее примеру. Я усмехнулась, мигом проглотила оба пирожка и упала на кровать рядом с лаской. Та подскочила, подождала, когда я улягусь, и

привалилась под бок — совершенно по-кошачьи.

— Что ж ты за загадочное существо? — спросила я вслух. Было забавно говорить со зверьком, словно мне могли ответить. — Как здорово, что ты пришла... а то я ужасно разозлилась из-за Хена.

Ласка встрепенулась и уставилась на меня, будто спрашивая, в чем дело.

Я осторожно погладила ее по маленькой головке. Шерстка оказалась неожиданно жесткой.

— Не знаешь, кто такой Хен? Это...

Я задумалась.

И правда, кто Хен для меня? Какой эпитет больше всего ему подойдет? Муж? Нет. Я не ощущаю его своим мужем, мы ведь даже не встречались. Парень? По тем же причинам — нет. Просто... просто знакомый, который мне нравится. Чисто по-дружески. Только потому, что он веселый, забавный и согласился мне помочь. И вообще я ему как будто бы тоже нравилась... чисто по-дружески.

Но гулять он предпочитает с целительницей.

Вырвался вздох. На душе опять стало грустно. Ласка, словно заметив это, толкнула меня головой.

— Хен — это просто Хен, — заключила я. — Если подумать, он мне ничего и не обещал, так что пусть себе гуляет с кем угодно.

Ласка повернула голову набок, будто задавала вопрос. Почесав зверька за круглыми ушками, я сказала — скорее самой себе, чем ей:

— И ладно бы была любая другая девчонка. Но эта противная идиотка! Не удивлюсь, если она специально к нему подлезла.

Глазки-бусинки, не отрываясь, смотрели на меня, и я продолжала, словно наконец появился столь необходимый слушатель, выкладывала все, что меня беспокоило: свои мысли о Хене, о том, что боюсь, что он не захочет теперь со мной видеться. И о том, что я сама виновата, и что вовсе не поэтому просила его снять сережку, и что ужасно соскучилась... Рассказывала о том, как неловко врать братьям, которые до сих пор не узнали, что я учусь не на стихийника, хотя раза два в неделю находили время забежать и поинтересоваться моими делами. И о том, что было сегодня после тренировки, как я ухитрилась обыграть Карина и выставить его на посмешище. И снова о Хене — о том, что не понимаю его, что он, может быть, прячется от меня, и я не знаю теперь, как наладить с ним отношения...

Ласка слушала внимательно — или мне так казалось? — потому что стоило замолчать, как она вскидывала на меня блестящие черные глазки и мягко трогала лапкой, словно просила продолжить.

В конце концов я выговорила полностью — и на душе стремительно полегчало, потянуло ко сну. Хотела еще что-то добавить, погладить животинку, попеняв ей на то, что так долго бегала от меня, но не успела, уплывая в теплую глубину.

Когда на следующее утро я проснулась, ласки уже и след простыл, и только приоткрытое окно и крошки на столе свидетельствовали, что это мне не приснилось. Пожав плечами, закрыла створку, собралась и полетела на тренировку.

Стоило только выйти из нашей аллеи на дорогу, ведущую к тренировочным площадкам, как я увидела Хена. Он выходил из дверей мужского общежития и, по закону подлости, разумеется, заметил меня.

— Сатьяна! — крикнул, подняв руку.

Сердце болезненно дрогнуло. Я еще не чувствовала себя готовой встречаться с Хеном и болтать как ни в чем не бывало. Вчерашняя обида засела слишком глубоко. Притворившись, что тороплюсь, помахала рукой и сбежала. Долго-долго прыгала одна в пустом зале, отрабатывая магические трюки. А когда закончила и остановилась, переводя дыхание и стирая пот со лба, услышала хрипловатый мужской голос:

— Правда, значит, говорят, что ты здесь по утрам тренируешься.

От внезапности я вздрогнула и резко обернулась. На какой-то краткий миг мне показалось, что это Хен проследил за мной, пришел и теперь хочет поговорить.

Но это оказался Карин.

Он стоял, привалившись плечом к косяку, — высокий, обманчиво расслабленный — и смотрел на

меня как-то снисходительно. Будто и не он вовсе проиграл мне вчера и кукарекал как оглашенный на всю площадь.

От этого взгляда меня взяла злость, и я ничего не ответила. Встряхнула волосами, взяла со стола полотенце, промокнула влажное лицо.

Но Карину явно хотелось поговорить.

— Как насчет небольшого реванша? Сегодня, после тренировки.

Ты смотри, какой шустрый.

— Не боишься, что снова проиграешь? — усмехнулась, поворачиваясь к нему, и с удовольствием отметила, как недобро сощурились зеленые глаза.

Карин не ответил, и я, решив, что беседа закончена, хотела пройти мимо. Нужно было торопиться в общежитие, чтобы успеть принять душ, позавтракать и бежать на лекции. Но парень вдруг двинулся навстречу и толкнул меня в плечо.

От неожиданности я покачнулась, отступила на шаг. Тут же подобралась, напряженно следя за его движениями. Решил не дожидаться и устроить второй тур дуэли прямо здесь?

Но Карин, глядя на меня в упор, только сказал:

— Ты ведь клановая.

Это было так неожиданно, что я растерялась. И растерянность сыграла против меня. Надо было вскинуть брови, спросить, с чего он взял, а я промолчала — и он уверился в своей правоте.

— Я даже догадываюсь, из какого клана, — продолжил он, — Сантерн?

Смотри-ка, какой умный паршивец. Сощурилась и с ухмылкой спросила:

— А может, незаконнорожденная?

Кажется, вчера в раздевалке они предполагали именно это.

Но парень и бровью не повел. Предложил, дернув плечом:

— А выяснить очень просто, на третьем или на четвертом как раз учится один Сантерн. Можно подойти и спросить.

— Не смей!

Если этот паршивец пойдет к Ласу или Вейсу и поинтересуется, не знают ли они, что за девчонка с характерной семейной чертой клана Сантерн учится на первом курсе боевиков под фамилией Тайсен, братьям будет достаточно сложить два и два. И ладно, что мне достанется. Куда больше я боялась за Хена.

Карин растянул губы в довольной ухмылке.

— Ага, — сказал многозначительно. — То есть что-то тут кроется? Очень интересно...

— Не твое дело, — буркнула я.

Прошла мимо, ожидая, что он опять меня остановит или толкнет, и уже готовясь отпрыгнуть в сторону и атаковать. Но Карин ничего не сделал и даже не сказал.

И я остановилась на пороге. Обернулась. Он молча смотрел на меня, зеленые глаза в сумраке неосвященного зала по-кошачьи мерцали.

— Да, я Сантерн по крови, если тебя это интересует. И что? Что это меняет?

Выражение его лица не изменилось. Посмотрел, потом снова дернул плечом. Сказал без намека на ухмылку:

— Да ничего. Можешь не смотреть с угрозой, мне твои секреты даром не нужны. Я даже не буду спрашивать, почему ты в академии под другой фамилией.

Последнее чуть не заставило меня ухмыльнуться. Секреты ему мои не нужны, но почему я учусь как Тайсен, все же интересно. Ответила без прежнего напряжения:

— Ну и хорошо, потому что никакой такой глубокой тайны тут нет. — И не удержалась, чтобы не

поддразнить его напоследок: — Но тебе я ее все равно не раскрою.

Карин чуть слышно фыркнул, глаза сузились и блеснули, выдавая любопытство. Я закрыла дверь снаружи, оставив его в одиночестве, и побежала к общежитию. На бегу улыбалась. А этот парень, кажется, ничего.

Если, конечно, сдержит слово и действительно никому не станет рассказывать.

Хена в тот день я видела еще несколько раз. Словно мир решил наверстать те две недели, которые я не могла его найти, и подсовывал на каждом шагу: в столовой, между лекциями, мельком в коридоре. При этом мы ни разу не перекинулись и словом: то не было времени — я спешила на лекцию, то он был в компании одноклассников, то меня поймал Вейс и расспрашивал, как идет учеба на факультете магии стихий. Прятаться от братьев становилось все сложнее, я даже старалась по возможности не общаться с сокурсниками, кроме Лидайи. Хорошо, что и Лас, и Вейс были загружены по горлышко и время на меня находили нечасто.

Дома тоже пока ничего не знали. Я написала матери коротенькое письмо, что все хорошо, что добралась нормально, что старательно учусь и в академии мне нравится, — и через недельку пришел ответ, пропитанный горделивым «я же говорила». Прочитав его, только усмехнулась, так это все было похоже на мать: упорно настаивать на чем-либо, не слушая возражений, а потом даже не интересоваться, как будто ей был важен сам факт, что ее послушались. Так всю жизнь обстояло дело с моим обучением хорошим манерам и всему, что подобает знать девице из приличной семьи: я сбегала с уроков, пряталась от наставниц, и постепенно все сошло на нет. Только мать оставалась в уверенности, что делает все правильно. Может, и с академией так выйдет, и она не прознает до самого выпуска. Это было бы здорово.

После обеда я помчалась на тренировку. Сегодня по расписанию шел урок обращения с двойным оружием, что я не очень любила, предпочитала сражаться с одним мечом, призывая во вторую руку магический щит при необходимости. Да и вообще, разве кинжал — оружие против твари? Одно дело, если он магический, который можно призвать как щит и убрать, когда не нужен, но тренировок с таким оружием у нас пока не было.

Но моего мнения, ясно дело, никто не спрашивал. Мастер Унден, наш куратор, поставил меня в пару с парнем из середнячков и велел отрабатывать попеременно нападение и защиту. Я старалась, но то и дело отвлекалась, чувствуя на себе взгляд Карина. Немного странный, но не такой, как утром. Утром он смотрел настороженно и с вызовом, а сейчас с неким внезапным интересом — так, будто раньше не обращал внимания, а теперь что-то переменялось.

Странно, на лекциях я ничего такого не заметила, он, кажется, как обычно, спал где-то на задних партах. Что случилось за несколько часов?

Впрочем, лучше бы он за собой следил, потому что сегодня, видимо, был один из тех дней, когда у него ничего не ладилось. Может, конечно, «не ладилось» слишком громко сказано, но я и раньше замечала, что иногда с мечом дружба у него не складывалась, и тогда он не то что в пятерку лучших не входил, а еле-еле плелся где-нибудь в конце второго десятка. Правда, обычно в такие дни он непревзойденно стрелял из лука, мог посадить стрелы по ободку маленького черного кружка в центре мишени. Но сегодня тренировки с луками нет, а он все равно не может сосредоточиться.

В общем, его взгляды достали меня настолько, что я специально встала к нему спиной и тогда уже не дала противнику спуска. Загоняла, как смогла.

А когда урок закончился, Карин вдруг вырос за спиной.

— Ну что, как насчет небольшой дуэльки?

Повернулась к нему, стирая пот со лба. Перевела дыхание, убрала учебные деревяшки в так называемые ножны (всего лишь веревочная перевязь).

— Уверен?

Усмехнулась. Хотела еще поддеть его, что он сейчас явно не в форме, но Карин успел раньше:

— На мечех-то ты хороша. А как насчет лука?

Я невольно закусила губу. Подловил, паршивец.

На луках я была, скажем откровенно, не очень. Но и не принять вызов тоже нельзя. Точнее, можно, но я сама себя уважать перестану. Что уж говорить о Карине и других парнях, которые с явным интересом прислушивались к нашему разговору.

И я улыбнулась.

— Да пожалуйста.

На этот раз условились без магии. Подозреваю, этим Карин давал мне фору, потому что заклинания, которые относились к стрельбе из лука, я вообще не учила. Считала, что в жизни не пригодятся, — я же буду сражаться впереди, а луком пользоваться разве что для того, чтобы привлечь внимание какой-нибудь твари.

В жизни, может, и негодились бы, а вот сегодня очень даже. Потому что Карину я позорно проиграла. Нет, я, конечно, пыталась и несколько раз попала почти в яблочко, но по сравнению с Карином это было примерно, как шавке выйти против дракона. Он сегодня блистал. Уложил пять стрел ровнехонько в центр, пятую надменным жестом попросил не убирать из мишени и шестую воткнул ей в хвост, позер такой. Даже свое имущество не пожалел, стрелы-то у нас у каждого были собственные, на заказ.

А я две свои вообще упустила мимо мишени, и у меня горели уши. Зато парни обрадовались. Подходили ко мне, хлопали по плечу, мол, не переживай, но переглядывались и довольно блестяли глазами, словно Карин постоял за их честь. Паршивцы. Ничего, я им еще покажу.

Складывала стрелы в колчан, когда полный великодушного высокомерия Карин остановился рядом. Сложил руки на груди тем же жестом, что утром.

— Одобрю смелость, — заявил, — но проигрыш есть проигрыш, теперь желание за мной. Я правильно понимаю?

Выпрямившись, сдула прядь со лба и попробовала выкрутиться:

— Мы вроде не договаривались.

— Он вчера кукарекал, так что все честно, — подал голос кто-то из слушателей. — Теперь его очередь.

Негодники. Еле удержалась, чтобы не прибить говорившего. Взглядом. Вместо этого уставилась на Карина.

— Слушаю.

А он, гад такой, глядя на меня, специально затягивал паузу. Улыбка на губах все ширилась, и наконец Карин объявил на все поле:

— А я, пожалуй, приберегу желание.

Вокруг разочарованно загудели, а я молча буравила парня глазами. Что он задумал? Это не к добру, лучше бы загадал что-нибудь глупое, как я вчера. Пять минут унижения — и свободна. А так один Хагос знает, где и когда мне вылезет это проигранное желание.

Но возразить не успела, потому что за спиной послышался голос, от которого я окаменела.

— Сатьяна? Ты и правда учишься на факультете боевиков?

Это был полный изумления и даже, пожалуй, праведного гнева голос Ласа. А следом раздалось и Вейсово:

— А ну-ка иди сюда, хагосова дочь! — И меня схватили за плечо и стремительно поволокли к площадкам старшекурсников.

Ташил меня Вейс, Лас просто шел рядом, но его лицо внушало тревогу. Он выглядел сбитым с толку и не на шутку злым и смотрел на меня так, словно я сотворила нечто ужасное, и он никак не мог в это поверить.

Меня доволокли до тренировочного зала старших. Их урок давно закончился, полутемное помещение пустовало. Вейс толкнул меня внутрь, шагнул следом и грозно навис надо мной, буравя взглядом. Поймал за плечо, притянул к себе, бесцеремонно завел назад волосы, обнажая ухо. Я знала, что он хочет — вернее, не хочет — там увидеть: дырочку от сережки.

— Проклятые твари! — Ага, обнаружил.

— Отпусти! — Я вывернулась из его хватки.

Лас тоже зашел в зал и аккуратно прикрыл за собой дверь. Стало темно. И только я этому обрадовалась, потому что так предстоящие разборки казались менее страшными, как Лас зажег свет, и гнев, написанный на лице Вейса, стал снова заметнее некуда. Я невольно втянула голову в плечи.

— Ты вообще понимаешь, что натворила, хагосова дочь?! Ты, идиотка такая, и впрямь выскочила замуж за одна тьма знает кого? У тебя в голове хоть что-нибудь есть?

Ой. Ой-ой-ой. Вот почему они злы, как осиный рой. Не только выяснили, что я учусь у боевиков, они знают, что я замужем за Хеном!

— Откуда вы узнали? — промямлила вместо того, чтобы оправдываться. Да и как можно оправдаться?

— Нашлись доброжелатели, — прошипел от Двери Лас. — Эх, Сатьяна... не думал, что ты действительно можешь так сглупить.

Я обернулась к нему. Захлестнули обида и злость.

— Легко говорить! Это не тебя мать послала к «рыбакам»! Я бы посмотрела, что бы ты делал, если...

— Хватит, — оборвал меня Вейс. — Ну-ка, поясни подробнее: ты действительно выскочила замуж за того вендайца? У тебя в голове мозги или труха? Как ты вообще посмела учудить такое, не сказав ни родителям, ни хотя бы нам?

— Сукин сын, — Лас сказал как плюнул. — Знал бы, сразу б морду ему набил. Он ей голову запудрил, ясное дело.

— Хен мне помог! — Я сжала кулаки. — Помог, когда вы оба вообще ничего не предприняли! Только и могли, что руками разводить: ой, ну раз мама так говорит... А Хен предложил выход! Иначе мне так и пришлось бы идти к «рыбакам»!

— Ну мы же не могли на тебе жениться, — возразил Лас. — Погоди, ты хочешь сказать, что ты вышла за него для того, чтобы перейти на факультет боевиков?

Теперь он смотрел на меня как-то по-другому. Словно я не просто сглупила, а сделала такую глупость, которая по глупости превосходит все возможные глупости мира. Словом, почти с благоговейным ужасом.

Я пожала плечами. Пробурчала:

— А что мне еще оставалось делать? Только перейдя в другой клан, я могла сама решать, где мне учиться.

— И ты не влюбилась в него внезапно, при первом же взгляде? — подозрительно спросил Лас.

— Ты что, не из-за любви за него выскочила? — эхом повторил Вейс.

Я снова пожала плечами. Может, еще не поздно солгать? Может, надо изобразить красивую историю любви? Хен падает к моим ногам, клянется, что не может жить без меня, а я, тронутая искренним чувством, принимаю его предложение, и мы, взявшись за ручки, бежим в храм...

Потом посмотрела на братьев. Нет, они слишком хорошо меня знают, чтобы проглотить сказочку. В то, что я сделала это ради того, чтобы перейти к боевикам, они поверили сразу.

Братья переглянулись.

— Это все не просто так, — сказал наконец Лас.

— Ему от нее что-то нужно, — кивнул Вейс. — Надо их развести. И поскорее, пока дома не узнали.

— Нет! — крикнула. — И не мечтайте!

Ни за что! Если мы разведемся, я снова вернусь под власть клана. А значит, придется переводиться к стихийникам. Никогда!

— Что Хену от меня нужно, выясню сама. Оставьте его в покое. Оставьте нас в покое!

— Молчала бы уже. Теперь тебя даже замуж не выдать, порченная, — бросил Вейс.

Эта реплика хлестнула меня, словно плетью. Я застыла, глядя на брата. Даже Лас укоризненно покачал головой.

Порченная. Он думает, что мы с Хеном... да даже если мы и правда стали бы супругами на самом деле... разве это означает, что теперь... Как будто вся моя ценность исключительно в том, что у меня между ног! И это говорит родной брат! От потрясения я только открывала и закрывала рот, не находя что сказать.

Даже когда Вейс вышел, а Лас, бросив на меня взгляд, заторопился следом, опомнилась не сразу. Бросилась за ними — и ударилась о дверь, закрывшуюся перед носом. А потом услышала, как снаружи закрывают засов.

— Что вы делаете?! — Толкнулась плечом — только ушиблась.

— Посидишь там, подумаешь о своем поведении, — раздался голос Вейса. — А мы пока найдем этого хмыря. Потолкуем.

— Не смейте! Не трогайте Хена! Он вообще ни при чем!

Ответом стал шорох удаляющихся шагов. Я снова ударила в дверь, сначала кулаками, потом ногами, пока подошвы и колени не заболели. Створка не шелохнулась.

Тогда я отошла и схватилась за голову. Думай, Сатъяна, думай. Надо скорее выбираться отсюда и бежать предупредить Хена. Если братья его найдут, то сейчас, когда они оба вне себя от злости, ему точно не поздоровится. Изобьют его до полусмерти. Нужно сказать, чтобы спрятался, переждал, пока первый гнев пройдет. Потом придем оба с повинной. Вейс мгновенно вспыхивает, но и остывает быстро, а Лас всегда был на моей стороне, он должен понять.

Если дверь заперта, может, вылезти через окно? Но в зале были только маленькие фрамуги под самым потолком. Я передвинула стол к стене, на него водрузила стул, залезла и изо всех сил вытянулась.

Хагос, почему у меня такой маленький рост? Руки едва доставали до нижней кромки рамы. Не за что уцепиться, не то что повернуть ручку и открыть. Хотя можно разбить стекло... но потом все равно придется каким-то образом добраться до отверстия.

Некоторое время я провела в поисках предметов, которые можно взгромоздить на стол или на стул, чтобы достать до окна и вылезти. Зря старалась: одни мечи, деревянные и железные, стойка для копий... Влезть по ней, как по канату? Не выдержит моего веса, упадет. Я обшарила весь зал и наконец была вынуждена опустить руки. Через окно, видимо, не выбраться.

Сидеть здесь, пока братья не выместят гнев на Хене, не успокоятся и не вернутся выпустить меня? Ну уж нет, или я не урожденная Сантерн!

С другой стороны, запертую на засов дверь я не вынесу... Или вынесу?

Я остановилась перед ней, пару раз сжала и разжала кулаки. От моего собственного веса засов и не шелохнется, так что надежда только на магию. Например, усиленный щит — всего на полминуты, в оригинале предназначенный для того, чтобы сдерживать первый, самый мощный натиск твари, — он вполне сгодится и для того, чтобы выбить дверь. Добавить воздушный удар, увеличить физические силы... слегка разбежаться, больше для того, чтобы настроиться на нужный рывок.

Я выдохнула, почувствовала, как тело наполняет магия... Давай!

От оглушительного удара, казалось, пошатнулось все здание. Засов затрепал, блеснули щели между косяком и створкой, наполняя сердце радостью. Но дверь тут же встала на место, одного удара не хватило. Ничего, теперь я знаю, что делать.

Второй удар дался легче и вышел даже сильнее первого. Засов жалобно затрепал и, судя по звуку, с одной стороны или оторвался полностью, или отошел. Третий удар — и деревянное полотно, сорвавшись с петель, вылетело наружу.

Не успев отдышаться, отгоняя мысль, что сделает декан Дайрен с первокурсницей, попортившей казенное имущество, я сломя голову пролетела через пол-академии.

Сперва к мужскому общежитию, потом, когда выяснилось, что Хен в комнату не возвращался, к тренировочному комплексу целителей. Угадала — они были там.

Братья загнали Хенна в угол между задней стеной здания и забором, то есть как загнали — обступили с двух сторон и засветили несколько раз по ребрам и лицу.

Тот даже не сопротивлялся, стоял, опустив руки, только смотрел исподлобья, не опуская взгляда. Вейса это, кажется, взбесило еще сильнее, он снова замахнулся — и тут на площадку влетела я.

— Не смейте его бить!

Набросилась на Вейса, с ходу дала ему в ухо, потом удачно врезала локтем оказавшемуся рядом Ласу. Братья не попытались ни уйти от атаки, ни ударить в ответ — оба, кажется, слегка обалдели от внезапности.

Я встала между ними и Хеном, закрывая его собой.

— Уйди, — тут же потребовал избиваемый. Попытался отодвинуть, но я воспользовалась магией и встала как скала. Еще и щит навесила во всю ширь, чтобы заодно показать братьям, что я серьезно настроена.

— Сатьяна, — первым отреагировал Лас. — Зачем ты пришла?

Ничего не ответив, продолжала буравить братьев взглядом, попеременно то одного, то другого. Вейс сжимал кулаки, хмурил брови, грудь ходила ходуном. Лас тоже был весь взъерошенный и явно злой.

Но я тоже была зла. И как! Лицо Хена отпечаталось в памяти — с рассеченной губой, ссадиной на скуле и начавшим наливаться кровоподтеком под глазом. Какие же сволочи, вдвоем на одного! И так боевик против целителя — нечестно, а Хен еще и не сопротивлялся, встал готовенький, нате, бейте.

— Вдвоем на одного! — повторила вслух звенящим от обиды голосом. — И это клан Сантерн?! Мне стыдно, что я из одного с вами рода!

Вейс посмурнел лицом, Лас тоже недовольно нахмурился.

— Сатьяна, — начал было он, но Вейс не дал ему договорить.

— Не глупи, — сказал он, подступая ближе. — Если бы ты не выскочила за него замуж, ничего бы не было. Это ты его подставила. А больше всего — вообще весь клан. Это твоя вина, Сатьяна.

— Я от нее и не отказываюсь. Отказываюсь — от вас. Не появляйтесь перед нами больше. Видеть вас не хочу!

— Сатьяна! — взревел Вейс. Окутался серебристым сиянием, глаза запылали алым пламенем — безошибочный признак боевого заклинания ярости.

Я с замиранием сердца поняла: собирается прорвать мой щит, схватить меня и — не знаю, что еще сделать — отлупить, отшлепать, отвести за ворота и кинуть в первую попавшуюся повозку, едущую в Отрейль, — явно что-то, что мне не понравится. И я ничего не смогу поделать, мне не остановить брата-четверокурсника, уже почти готового бойца.

Хен оттолкнул меня назад, вставая первым. Зло зыркнул через плечо, мол, не мешай. Я вцепилась в него, хотела закричать, но тут перед нами кинулся Лас. Обхватил Вейса, зашептал ему на ухо что-то успокаивающее.

— Идем, идем... хватит... потом...

Вейс мотнул головой, снова заревел:

— Отпусти! Сейчас я ей задам!

— Только попробуй! — закричала в ответ, пытаюсь выскочить вперед. Хен поймал меня, прижал к забору. Тогда я крикнула из-за его плеча: — Я вообще не Сантерн больше! Только попробуй мне или Хену что-нибудь сделать, и вылетишь отсюда в два счета! Я сама пойду в деканат!

— Ты... ты... что?

Вейса мои слова как оглушили. Он, похоже, только сейчас понял, что я и впрямь уже не являюсь частью клана, что он действительно не имеет права карать меня или миловать.

— Уведи его, — посоветовал Хен Ласу.

Вейс, хоть и дышал как разъяренный бык, от растерянности позволил себя увести. Только бросил мне напоследок:

— Он использует тебя, дура!

Когда братья исчезли за углом, я съехала по забору на землю. Щит растворился, и вместе с ним будто растворились все мои силы. Перестаралась. Сначала ломала дверь, сейчас еще этот щит...

Хен присел передо мной на корточки. Я с усталым изумлением заметила, что кровоподтек на его лице стремительно растворяется, будто утекает под кожу. Не отдавая себе отчета, протянула руку, провела по его губе, стирая начавшую подсыхать кровь. Ранки уже не было — чистая здоровая кожа. Губы у Хена мягкие... и красивые, изогнутые, неосознанно привлекающие.

Хен перехватил мое запястье, заставил опустить. Поймав взгляд его синих глаз — пристальный, темный и чужой, я немного смутилась.

— Почему ты не вылечил себя сразу? — спросила, отгоняя смущение.

Хен неопределенно дернул плечом. Осторожно прикоснулся к моим вискам, и я сразу почувствовала, как через его ладони в меня вливается что-то похожее на живительную свежесть.

— Я не могу вернуть тебе магическую силу, — сказал он. — Только подбодрить ненадолго. Тебе надо отдохнуть.

— Восстановлюсь, не обращай внимания. Так почему ты не лечил себя? Стоял как соломенный тюк. Задал бы им трепку! Испугался, что их двое?

Я намеренно выбирала слова поглубже, но Хен не разозлился. Спокойно покачал головой.

— Не испугался. Я хотел, чтобы им стало легче. Они тревожатся за тебя. Естественные братские чувства. Я поступил неправильно.

— Это они поступили неправильно! — вспыхнула я. — Ты не делал ничего плохого! Это вообще мое решение и моя ответственность.

Хен ничего не ответил.

Меня пугало, что я никак не могла прочесть его чувства. Он словно закрылся от меня, отгородился какой-то стеной. Глаза непроницаемы, лицо совершенно спокойное — я бы на его месте топала ногами и орала, что всех тут положу. А ему будто все равно.

Зол из-за братьев? Запросто. Может, ему вообще все это неприятно? Жалеет, что связался со мной?

Ну конечно. Поэтому и отстранился так. Из-за меня его избили, он, наверное, вообще никого из нас видеть не хочет...

— Хен, — я схватила его за руку, — Хен...

Слова не подбирались. Что если он теперь возненавидит меня? Нахлынуло отчаяние, и на глазах набухли непрошенные слезы.

Во взгляде парня мелькнуло замешательство. Он осторожно погладил меня по голове. Зря, потому что это словно открыло какой-то водопад внутри.

— Хе-ен... — заревела я, вытирая слезы.

Хагос, как стыдно. Ну вот, разнюнилась у него на глазах. Теперь он точно убедится, что зря связался со мной. Целительница, небось, не плачет по пустякам. И из-за нее его не бьют.

— Сатьяна... пожалуйста, не плачь. — Хен поймал мое лицо ладонями, приподнял, не давая отвести взгляд.

Спокойствие стянули с него, как простыню с веревки, и меня это почему-то обрадовало. И то, что он беспокоится, и что утешает, и что синие глаза под белой челкой теперь не чужие и отстраненные, а взволнованные и растерянные.

— Ну ты чего? Все же хорошо. Переволновалась? Не плачь, умоляю. Что мне сделать, чтобы ты перестала плакать?

— Расстаться с целительницей, — брякнула.

Стало неловко смотреть Хену в лицо, и я уставилась вниз и в сторону.

— Да ни с кем я не встречаюсь, — ответил он, не отпуская меня. — Ты все себе придумала. Она просто спрашивала разное по учебе. Просила помочь с заклинаниями.

— Она держала тебя под руку.

— Пожаловалась, что устала, попросила проводить до общежития.

— Она же целительница! И ты тоже!

— Да, но мы вымотались оба на тренировке.

Я засопела, не находя аргументов. Неужели и правда не встречаются? Вскинула затравленный взгляд.

Хен смотрел на меня с легкой насмешкой. Увидев, что я пришла в себя, легонько щелкнул пальцем по носу.

— Тогда... — я снова отвела взгляд, потому что глядеть ему в лицо и просить об этом было выше моих сил, — надень снова сережку...

Он помолчал, потом спросил с насмешливыми нотками в голосе:

— Уверена? Снова снять не попросишь?

Я замотала головой, не поднимая глаз.

— А сама?

Ох. Румянец пополз вверх по шее. Вот почему Хен мастер задавать всякие неудобные вопросы?

— Я тоже... — ответила, чувствуя, как горят щеки.

Он рассмеялся:

— Делай как хочешь. Если тебе комфортнее ходить без нее...

Я снова замотала головой, так сильно, что от усердия волосы хлестнули по ушам.

— Все равно братья уже знают. Можно не таиться.

Хен усмехнулся. Встал, подал мне руку.

— Пойдем-ка по домам.

Я выпрямилась, ощущая себя маленькой рядом с ним. Стало одиноко: только что сидели в обнимку, фактически нос к носу, а теперь опять приходится задирать голову, чтобы посмотреть Хену в лицо. Но его рука, крепко сжимающая мою, немного компенсировала потерю. Тепло его ладони смущало, будоражило и одновременно давало странное ощущение защищенности.

Мы так и дошли до общежитий — рука об руку. По пути болтали о всяких пустяках: о лекциях, тренировках, о том, чем целительские отличаются от наших, боевых.

Хен довел меня до дверей нашего общежития и нагнулся обнять на прощание. Лицо его снова оказалось совсем близко, расфокусированный синий взгляд мазнул по губам, и мне стало душно и жарко, а сердце заколотилось быстро-быстро. Но Хен только поцеловал меня в щеку и сразу ушел.

Некоторое время я стояла внизу, в темноте, сразу за входной дверью, и трогала горящие щеки. Хагос, что-то я слишком бурно реагирую на него. Вот если бы Карин вздумал меня поцеловать, пусть даже в щеку, я бы засандалила ему прямо в пяточок. А когда это делает Хен — совершенно невинно, по-братски, — у меня замирает сердце, внутри словно расцветает пламенный цветок, кидает то в жар, то в холод.

Хен сказал, что ни с кем не встречается... и снова будет носить свадебную сережку. Теперь любая сразу увидит, что нет смысла подступаться к нему, — он уже занят. Ну и пусть только формально, об этом никто не знает.

Пытаясь сдержать глупую улыбку, помчалась наверх. Было еще рано, но меня ужасно тянуло в сон. Быстро перекусив, помылась и рухнула на кровать.

И тут раздалось легкое постукивание по стеклу.

Приподняв затуманенную голову, я обнаружила снаружи белую ласку. Заставила себя подняться, открыть окно, снова упала на постель — и моментально заснула, едва успев почувствовать, как ласка устраивается под боком.

Проснувшись, зверька я не обнаружила, чему не удивилась. Потянулось привычное утро, разве что погода оказалась не совсем обычной: холодный туман так и норовил превратиться в дождь. В Академию Трех Сил пришла осень.

В зале тоже царил холодрыга. Как обычно по утрам, он был пуст и не освещен, но после пробежки под легкой моросью показался даже уютным. По-собачьи передернувшись от холода, я несколько раз провела ладонями по рукам, успокаивая высыпавшие мурашки. Привычно вытащила свой резиновый коврик, села и начала разминаться.

И тут от дверей послышалось:

— Привет.

Подняв голову, без особого удивления обнаружила у входа Карина. Он стряхнул капли с зонта, пристроил его в углу и, аккуратно сняв обувь, прошел внутрь.

— Не возражаешь, если я тоже позанимаюсь?

Ответ, по всей видимости, предполагался положительный, но я промолчала. Отведя взгляд, стала заниматься дальше, словно и не прерывалась.

Карин достал второй коврик, бросил рядом с моим. Но вместо того чтобы приступить к разминке, помолчал немного, наблюдая за мной, а потом сказал:

— Это не я. Не я рассказал твоим про тебя.

Та-ак. Постаралась не выдать своих чувств. Потянулась, доставая руками носочки, некоторое время молчала. Наконец поинтересовалась:

— А кто?

— Не знаю. — Он сел на пол, тоже стал разминаться. Потом остановился и посмотрел на меня с вызовом: — Какая мне выгода?

Я пожала плечами. Тут он был прав, выгоды я не видела. Разве что поржать, глядя, как братья меня уволакивают.

— Может, думал, они заставят меня уйти с факультета? — буркнула чисто из чувства противоречия.

— Почему они должны были? Ты что, против их желания сюда пошла? Они не знали, что ты здесь учишься? — Карин нахмурил черные брови.

Отвечать на все эти вопросы не хотелось, и я вернулась к упражнениям. Карин не настаивал, и некоторое время мы занимались молча. Потом, когда я, закончив с растяжкой, встала и убрала коврик на место, он сел и отрывисто спросил, глядя на меня снизу:

— Ты здесь под прикрытием? У тебя какое-то задание?

От такого вопроса я обалдела. Какое еще задание? И что за «прикрытие» он имеет в виду в данном случае?

— Что? — переспросила, глупо уставившись на Карина. — Нет. Я просто... Мама отдала меня учиться на стихийника... — Вздохнула, увидев непонимание на его лице.

Похоже, придется рассказывать с самого начала.

Повествование заняло не так много времени. Наверное, потому, что я сокращала его как могла. Упомянула материнский ультиматум, сказала, что с самого детства видела себя только боевиком и закончила расплывчатым:

— Вот я и перешла в другой род, чтобы располагать собой. Поэтому и учусь как Тайсен. Потому что я и есть теперь Тайсен.

Карин, кажется, и думать забыл о тренировке. Притих на полу, только зеленые глаза поблескивали, выдавая любопытство. Но тут среагировал:

— Постой... Перешла в другой род? Это как? Разве можно просто так взять и перейти?

— Можно, конечно, — пожала я плечами.

Карин смотрел на меня с непониманием, и тогда я подошла ближе и опустилась на колени. Карин немного отстранился, словно ожидал, что сейчас двину ему в челюсть. Но я только отвела волосы, приоткрывая ухо. Сережку вернула на место утром, так что она красовалась на мочке маленьким серебряным шариком.

— Обалдеть... — наконец отозвался Карин после долгого молчания. — Ты замужем?

Я кивнула. Потом добавила, вспомнив о вчерашней ссоре с братьями и о том, как Вейс назвал меня порченой:

— Но у нас чисто формальный брак. Мы даже живем в разных общежитиях.

Почему-то мысль, что теперь и сокурсники станут считать, что мы с Хеном спим вместе, вгоняла меня в мучительное неудобство. Наверное, если бы мы были мужем и женой на самом деле, не

только на словах, я бы ничего не подумала: что может быть естественнее, если по-настоящему любишь человека, если называешь его своим супругом? Но так как между нами близости не было, Даже думать об этом казалось неловко.

Но Карин уцепился совсем за другое.

— В общежитиях?! — повторил он потрясенно. — Твой муж что, тоже здесь учится?!

Ох. Я замялась, отводя взгляд. Для меня эта мысль была уже привычной, а для Карина, по всей видимости, оказалась шокирующей. Он не ожидал, что мой абстрактный муж вполне себе существует — и, главное, существует настолько близко.

— Кто это? Я его знаю? Тайсен... — Взгляд парня плавал в пространстве, он явно пытался вспомнить.

— Думаю, что нет, — пресекла я это. — Только не...

— Не говорить никому, да-да, — закончил он за меня.

Потом вскочил и, крадучись, бесшумным пружинистым шагом направился к двери. Остановился и раскрыл быстрым мощным толчком.

В зал хлынул уличный холод, послышался шум дождя. Карин выглянул, посмотрел по сторонам, пожал плечами и вернулся.

— Ты чего?

— Да так... кто-то ведь подслушал нас с тобой вчера. Я просто подумал, что, если это повторится, ты точно перестанешь мне верить.

Он кривовато усмехнулся, а я наклонила голову к плечу, всматриваясь в парня так, словно впервые его видела.

— Чего? — нахмурился он.

— Так, ничего. Давай заниматься дальше, скоро лекции начнутся.

Больше мы особо ни о чем не разговаривали. Зато я очень много думала, и в том числе о Карине тоже. Забавно, за несколько дней мы с ним так сблизились, как не вышло за две недели с начала обучения. И почему-то радовала мысль, что он решил оправдаться. Я ведь ни словом его не упрекнула — но он сам пришел сегодня пораньше, зная, что застанет меня, сам завел разговор, сам обеспокоился тем, чтобы нас опять не подслушали.

И вообще мне хотелось ему верить. Вот только если Карин не лжет, это значит, что среди сокурсников у меня есть по крайней мере еще один недоброжелатель. Жаль, что Лас сам не знал, кто именно сообщил им, сказал, что Вейсу подбросили записку.

Выбитая дверь аукнулась мне уже на следующий день. Понятия не имею, каким образом декан узнал, что сделала это именно я, но он пришел прямо на лекцию об основах жизнедеятельности тварей, минут за десять до конца, и пять минут подпирал спиной стену, не сводя с меня тяжелого взгляда. Пять, а не все десять только потому, что преподавательница не выдержала этого первой и отпустила нас всех пораньше.

Ни расспрашивать, ни читать нотации Верт Дайрен не стал, просто притащил к тренировочным комплексам и объявил, что в течение ближайшей недели я каждый день буду чистить площадки, и если он где-нибудь найдет хоть листик, наказание продлится еще неделю. Я вспомнила Ферна и смиренно приняла метлу и грабли.

В принципе, наказание оказалось приемлемым. Не сложным, но нудным и немного унижительным — каждый день, когда все разбежались после тренировок, мне приходилось сначала идти в общежитие, чтобы помыться и перекусить, а потом снова топтать на площадку и до ночи шоркать метлой, поминая про себя Хагоса. Ладно хоть за дверь не заставили платить, денег не было. Совсем.

Сегодня, благодарение Нигосу, наступил последний день отработки, и я сгребала с песка опавшие осенние листья, напевая себе под нос. А потом, подняв голову, увидела Хена. Он шел сюда, поймал мой взгляд и махнул рукой.

На сердце невольно потеплело от вида его белоснежных волос, хитрых синих глаз и многозначительной физиономии. Соскучилась — опять несколько дней его не видела. И ласка не прибегала, хотя я уже привыкла, что она появляется в те дни, когда не встречаю Хена. Может, Хен тоже скучал, вот и пришел?

— Хой, — бросил он, перемахивая через забор с помощью воздушного вихря, позер несчастный! — Все отработываешь?

Выпрямился рядом, попытался погладить по голове. Вывернулась: не любила, когда он так делает, я тогда сама себе напоминала какую-то маленькую девочку.

— Последний день.

Хен знал о наказании, но я не стала вдаваться в подробности, за что. Он тоже проявил деликатность и не расспрашивал.

— Отлично! — просиял Хен, подхватил меня под руку и склонился к самому уху: — У меня есть предложение, от которого невозможно отказаться.

— Что еще за предложение?

Попыталась отстраниться, потому что от его запаха внутри сладко замерло, а глупое сердце тут же забилося быстрее. Поставила грабли между нами наподобие преграды.

— Скажу потом. — Хен улыбнулся одними уголками губ, глаза его шкодно блестели. — Пока иди собери вещи. — И он вынул из моих рук грабли и начал сгребать листья в кучу.

— Вещи?

— Ага. Вылазка на пару дней. Не волнуйся, к дню воды вернемся. Но возьми что-то теплое, может быть, придется ночевать на улице.

На улице?! Вылазка? Ничего не понимала, но звучало и впрямь заманчиво. Как самое настоящее приключение.

— Два дня выходных на этой неделе, нельзя не воспользоваться, — сказал Хен так, будто это все объясняло.

На день огня и правда выпал праздник Любования луной, в честь чего всю академию освободили от уроков. Собирались жечь костры, на стадионе рядами выстроились торговые лавки, парни предвкушали возможность выпить и подурачиться, девчонки — покрасоваться в новых платьях. Я тоже ждала праздника и намеревалась идти с Лидаией, но по сравнению с загадочным приглашением Хена все это меркло.

— А кто идет?

— Ты и я.

— А куда?

— Позже узнаешь. — Он снова улыбнулся. Хмыкнув, посмотрел на грабли. — Слушай, что-то долго получается. Может, магией?

— Не-е-ет!

Вопль пропал втуне — мощный порыв ветра смел с песка все листья и закружил их в воздухе, заодно разворошив уже сложенные у забора в кучи, которые нужно было только запихнуть в мусорный мешок и вынести. Не говоря уже растущих вдоль забора деревьях, которые с готовностью зашевелили ветками, внося свою долю в бедлам.

Хен ржал, держась за грабли.

— Балбес! Отдай! — Двинула его в твердый от смеха живот. — Иди отсюда, помощничек!

Вместо того чтобы послушаться, Хен схватил меня в охапку и закружил. Я завопила, попыталась высвободиться, но он держал крепко. Потом отпустил, не переставая смеяться.

— Как они!.. Прямо разметало! Ты когда-нибудь видела столько листьев? Умора! Не зря неделю учил это заклинание!

Переждав легкое головокружение, я прицельно стукнула его черенком грабель по лбу.

Очень удобно оказалось, самой дотянуться было бы труднее. Хен не обиделся, только почесал лоб и отобрал у меня орудие.

— Ладно, давай помогу. Одна ты теперь до полуночи провозишься.

— Погоди тогда, — проворчала, — принесу вторые грабли. И запомни, никакой магии!

— Ладно-ладно.

Его физиономия, в любой момент готовая расплыться в улыбке, внушала сомнения, но я решила поверить. Оставив Хена на площадке, пошла в подсобку и наткнулась у зала на Карина. Он сделал странное движение, будто хотел удрать от меня, но, встретив мой взгляд, передумал.

— Что ты здесь делаешь?

Карин неловко пожал плечами.

— Так, забыл кое-что.

Я оглядела его фигуру. Что бы он тут ни забыл, оно либо было очень маленьким, либо Карин еще не успел это взять, потому что руки его пустовали. Впрочем, не мое дело. Кивнув в знак того, что поняла, нырнула в дверь подсобки. И услышала:

— Это твой муж?

Почему-то я залилась горячим румянцем. Хорошо, что Карин не видел. Притворилась, что ищу инвентарь, хотя грабли стояли у самого входа. Наконец схватила подходящие и ответила вопросом на вопрос:

— Почему ты спрашиваешь?

Карин дернул плечом. Посмотрел на меня исподлобья, быстро отвел взгляд. Подождала, но он молчал, и я, чуть виновато улыбнувшись — мол, прости, спешу, — захлопнула дверь и пошла прочь.

— Ты вроде говорила, у вас договор? — вопрос настиг меня на полпути к площадке.

Обернулась. Карин, нахохлившись и сунув руки в карманы, опирался о стену. Я не могла понять, чего он от меня хочет и откуда такой внезапный интерес к Хену. И взгляд парня, пристальный и напряженный, тоже сбивал с толку.

— Ну да, а что?

— Так, ничего. — Он пожал плечами и насупился еще сильнее. Зыркнул куда-то вбок. — Со стороны кажется, у вас прямо совет да любовь. — Не успела я отреагировать, как он снова спросил: — Вы куда-то собрались?

— Ты слышал наш разговор?

— Немного.

Помедлила, потом пожала плечами.

— Я и сама не знаю, Хен не говорит.

Карин кивнул. Потом нехотя сказал, словно сомневался, стоит ли:

— Я тебя на Любование позвать хотел.

О... Я замешкалась, не зная, что ответить. Развела руками. Если бы не Хен, конечно, не отказалась бы, пошли бы все втроем: я, Лидайка и Карин. Но увы.

Парень быстро пробормотал:

— Ладно, я пошел.

— Давай, — отозвалась растерянно.

— Кто это? — раздался над ухом любопытный голос.

Хен встал рядом, оперся руками о верхушку грабель, поверх уместил подбородок и смотрел вслед Карину, который — вот ведь тоже позер! — прыжком взлетел на забор, вместо того чтобы нормально выйти через калитку.

— Однокурсник.

— Чего хотел?

— На Любование звал...

— Вот как? — Хен бросил на меня загадочный взгляд. — И что, пойдешь?

Я посмотрела на него как на болвана. Напомнила:

— А как же вылазка?

— Вылазка непременно состоится. — Хен заулыбался, поняв однозначно. Обвил рукой мои плечи и мягко подтолкнул к усыпанной листьями площадке. — Давай за дело, хочу выйти сегодня пораньше.

Мы успели даже поужинать перед тем, как собраться. Хен поднялся ко мне в комнату и лично проследил за сборами. Его удалось выставить из комнаты, только когда я начала упаковывать белье. Куда мы отправляемся, Хен так и не говорил, но одежду велел взять на три дня и две ночи. Получился довольно внушительный баул. Его сразу отобрали, хотя я настаивала, что не ромашка и понесу свои вещи сама. К слову, его-то собственный узелок был сравнительно мал — или так просто казалось по сравнению с моим.

У ворот академии великаны-охранители повернули к нам огромные каменные головы, и Хен показал разрешение на выход. Оказывается, и на мое имя успел взять в деканате.

— Так был уверен, что пойду? — поддела его.

Хен только улыбнулся.

— Не пошла бы — выбросил, и все дела.

Логично.

Мы пошли вниз по склону, и я с любопытством вертела головой, рассматривая окрестности. Хотя прошел почти месяц, как приехала в академию, в город выбралась впервые. Правда, пока что не было видно ничего особенного, кроме высоченной каменной стены по правую руку, огораживающей академию, с другой стороны уступами, волнами вниз с горы тянулись многочисленные приземистые домишки.

Ограда академии была примечательной. Говорили, что камни, из которых она сложена, при необходимости обращались охранителями, такими же, как каменные великаны на воротах, и хватали нарушителей, сдавливали в смертоносных объятиях или просто держали до прихода стражи. Но слухи о смелых воришках, которые преодолевали стену и ловушки, чтобы проникнуть в святая святых и вынести какие-то невероятно ценные магические секреты, ходили.

Выбравшись на оживленные улицы, мы кликнули извозчика и доехали аж до городских ворот. Вот тут я изумилась и забеспокоилась — ладно выйти на прогулку в город, но за его пределы? А как же твари?

— Хен... — С тревогой схватила его за руку.

А он прыснул, глядя на мое лицо:

— Спокойно, все будет хорошо. Я с тобой.

С сомнением на него посмотрела, и Хен тут же исправился:

— Точнее, ты со мной. Самая сильная, смелая, прекрасная воительница Академии Трех Сил! Теперь мне ничего не страшно. Какое счастье, что ты согласилась пойти!

Пришлось ткнуть его в бок кулаком, чтобы унялся. Помогло, но ограниченно: он все равно кидал на меня преувеличенно восторженные взгляды.

Стражники на воротах удивились, когда поняли, что мы только вдвоем, но Хен уверил, что мы недалеко, в Тиссон, и нас, посоветовав быть поосторожнее, выпустили через калитку для гонцов.

Мы оказались на диких землях.

Мне сразу стало не по себе. Пришлось сказать, что рядом с городом все равно никакая тварь не поселится, а потом напомнить, что я учусь сражаться против них, и наступит время, когда мне придется возглавить истребляющую тварей группу. Не к лицу будущему лидеру дрожать как заячий хвост.

Эта мысль, а также осознание того, что Сорванец при мне, вернули уверенность. Понимала теперь, почему Хен настаивал, чтобы я взяла оружие. Но интересно, зачем нам в Тиссон? Помнится, это какое-то мелкое поселение рядом с Отраем — единственное, что я о нем слышала.

Когда стены города едва виднелись на горизонте, Хен свернул на луг и поманил меня за собой.

Странный путь в Тиссон. Думала, мы будем идти по дороге как белые люди. Может, так короче?

Почему-то то и дело одолевало неуютное ощущение, будто кто-то смотрит мне в спину. Но сколько бы я ни оглядывалась, никого не видела. Наконец не выдержала, окликнула идущего впереди Хена:

— А почему мы пешком идем, да по буеракам? И зачем нам Тиссон?

— Мы вовсе не в Тиссон, — обернулся Хен, — страже так сказал, чтобы не задавали вопросов.

Я чуть не остановилась от изумления.

— А куда?!

Вопрос Хен проигнорировал, точно его и не было.

Мы шли до позднего вечера, пока не стало слишком темно, чтобы разглядеть дорогу. Хен достал заряженный магией огня факел и сказал, что пора устраиваться на ночевку. Мы выбрали сухое местечко на лугу рядом с небольшой речушкой, развели костер, набрали воду в магические фляги. Хен хорошо подготовился: палатка, защитный контур, да те же фляги, очищающие воду и уменьшающие вес и объем настолько, что в одну вмещалось целое ведро. Я ахала от восхищения, разбирая это богатство.

Пожинали мы захваченными из столовой пирожками, ветчиной и помидорами. Это, правда, был уже второй за сегодня ужин, но он пришелся весьма кстати, за пару часов ходьбы я изрядно проголодалась.

Когда пришла пора ложиться, Хен предложил:

— Ты спи, я покараулю. Контур контуром, но мало ли что.

— Я тоже буду караулить, — заявила, безудержно зевая.

Он посмотрел на меня, словно оценивал упрямство, потом кивнул.

— Хорошо, я тебя разбужу.

Не разбудит ведь, паршивец! По его хитрой роже видно.

— Я передумала! Буду караулить первой.

Хен заюлил:

— Сатъян, да ничего не случится, ложись. Ну что ты как маленькая.

Не слушая возражений, я загнала его в палатку, сама подсела к еле тлевшему костру. Взглянула на небо.

Накануне Любования луна была удивительной. Уже почти идеально круглая, она висела над лесом, едва касаясь его боком: огромная, желто-бежевая, как леденцы, которые бабушка делала из сахара и лимонной цедры.

Вспомнив о бабушке, я слегка загрустила. Захотелось услышать ее голос, уткнуться в живот, обнять как в детстве.

Интересно, братья уже сообщили домой? Я опасалась реакции родителей, а о том, что как воспримут все бабушка с дедом, до сих пор и не думала. А ведь я, может, и не вернусь в Отрейль. Больше никогда не ступлю на порог нашего дома, не поклонюсь Хранителю.

При этой мысли в груди заныло. До смерти захотелось вдохнуть уютный домашний запах, послушать, как скрипят балки, как шуршат жучки в старых бревнах. Снова попрыгать с мечом на заднем дворе, измыываясь над соломенным тюком, выполнявшим роль противника, когда никого из братьев не было под рукой.

Потом мысль как-то естественно перепрыгнула на Хена. Родителей у него нет, но родственников вроде хватает. Интересно, они примут меня? Подумала и испугалась, снова тоненько заныло где-то внутри. Ведь я не часть рода Хена по-настоящему — вообще сейчас ничья, не принадлежу ни к какому роду, перекасти-поле, босяк без опоры и защиты. Уже не ар-теранна из приличной семьи.

Ничего... окончу академию, разведусь, тогда и вернуться можно будет. Почему-то была уверена, что мать с отцом все равно меня примут. На самом деле они хотели как лучше, просто плохо знали родную дочь. Пройдет время... а может, и Хена примут? Ну... когда-нибудь.

Хагос бы взял этого Хена...

Я подошла к палатке, присела, прислушалась. Оттуда доносилось тихое мерное дыхание. Невольно расплылась в улыбке: спит как сурок. Отодвинув полог, заглянула внутрь. Луна услужливо осветила белую копну волос, сомкнутые ресницы, расслабленное выражение лица. На сердце потеплело — Хен выглядел таким милым.

Осторожно забралась в палатку и легла с ним рядом на бок, подперев рукой голову. Подумаешь, я ж не сплю, караулю. Можно немного и на Хена попялиться.

Не знаю, почему он, в принципе не красавчик с картинки — худой, нос длинный, подбородок широкий — с первого взгляда показался мне симпатичным. Взгляд? Синие яркие глаза — да. Но и сейчас, когда он спал, сердце все равно замирало. Я чувствовала пронзительную нежность, притяжение, еще что-то непонятное, рвущее душу в клочья.

А ведь он мне нравится... Нравится мягкий изгиб губ, и едва заметная ямочка на подбородке, и густые, может быть, даже чуть слишком густые брови, и небольшая горбинка на переносице. Нравится, как челка падает на лоб.

Привстала на локте и потянулась к нему. Сама не знала, что собираюсь делать. Хотелось прикоснуться, то ли убрать волосы со лба, то ли провести пальцем по носу... по губам. Протянула руку — и тут Хен открыл глаза.

Я замерла. Сердце заколотилось, как у воришки, пойманного с поличным. Хен, не удивляясь, окинул меня сонным взглядом. Хотела было отодвинуться, шепнуть, чтобы спал, еще не настала его очередь караулить, но он вдруг, не меня выражения лица, высвободил руку из хватки одеяла и горячей шершавой ладонью коснулся моего затылка. По спине хлынула волна мурашек.

— Наянэ... — пробормотал.

Наянэ? Это еще кто...

Спросить не успела, да и не факт, что он ответил бы. В следующий миг Хен притянул меня к себе, его затуманенные синие глаза блеснули в лунном свете, губы вдруг оказались совсем близко... В голове моей воцарился полный кавардак, и от страха и неясного волнения я крепко зажмурилась. Не знаю, на что надеялась, но Хен всего лишь прижал мою голову к груди и, шумно вздохнув, уперся твердым подбородком в макушку.

Я замерла, уткнувшись в него носом. Сердце стучало где-то в ушах, запах парня, травянисто-горький, приятный, смущал и будоражил. Щекой я ощущала биение его сердца, размеренное и спокойное. Похоже, Хен снова заснул. Я осторожно выпуталась из его длинных расслабленных рук. Подождала, прислушиваясь к ровному дыханию, но он не пошевелился.

Я выползла из палатки. Снаружи было свежо и тихо, только чуть слышно потрескивали угли в костре. Присела рядом, поворошила их, пуская искры.

Как он сказал? Наянэ... Почему-то засадило на душе. Похоже на женское имя. У него кто-то есть там, в Вендае?..

Представила себе высокую стройную девушку, беловолосую, как все вендайцы. Уж она небось не рвалась вопреки желанию родителей на факультет боевиков. Нет, она как нормальная девушка поступила на магию стихий... Или нет, она вообще не поехала в академию, осталась в Вендае. Может, у нее дар не очень большой, а то и вовсе нет. Хен не похож на человека, который придает значение наличию дара или его размеру. Бедная... она его, наверное, ждет, а он уехал, да так надолго.

Хотя нет. Вспомнила, как Хен говорил, когда предложил мне формальный брак, что он никому не давал обещания. Значит, просто одностороннее чувство с его стороны? Настолько сильное, что она ему снится.

Я бы еще долго с упоением терзалась, если бы вдруг не послышался шорох в траве. Напряглась, завертела головой по сторонам, но ничего не увидела. Обошла вокруг палатки на границе защитного контура, положив руку на рукоять меча. Нет, ничего... Ничего кроме странного ощущения чужого взгляда, как несколько часов назад. Сводит лопатки аж до зуда. Но как я ни вглядывалась и ни прислушивалась, никого не обнаружила. Только луг, заросший травой, насколько хватает глаз, и тихо журчащая речушка, в которой изредка плещет рыба.

Наверное, показалось. Или какой-нибудь мелкий зверек приходил на водопой и, услышав меня, удрал со всех ног.

Я вернулась к костру и неожиданно для себя широко и сладко зевнула. Вдруг навалилась усталость,

потянуло в сон. Неудивительно: после целого дня физических нагрузок, трехчасового похода по буеракам, двойного ужина... хорошо еще, что до сих пор не заснула.

И тут, словно отвечая на мои невысказанные надежды, в палатке зашевелились. Вылез сонный Хен, пригладил ладонью волосы, мучительно зевнул. Я невольно засмеялась, хотя недавнее огорчение тяжелым илом осело на душе.

— Все в порядке?

— В порядке.

Уже хотела было залезть в теплое нутро палатки, как что-то словно клюнуло меня изнутри. Обернулась. Хен стоял рядом и, задрвав голову, смотрел на луну. Вопрос сам сорвался с губ:

— Хен, а кто такая Наянэ?

— Наянэ?.. — Даже несмотря на темноту было заметно, что он смутился. — Я что, разговаривал во сне?

Кивнула. Смотри-ка, сразу понял, где я это услышала.

— Так, не обращай внимания.

Он на миг отвел глаза, смущенно заулыбался. Впервые видела, как Хен смущается, и это было до крайности мило. Но неутоленное любопытство и какой-то подспудный неясный страх не давали покоя.

— Это имя?

Не отвечая, Хен потрепал меня по голове и улыбнулся.

— Иди спать.

Я еще некоторое время буравила его взглядом, но по ставшему безмятежным лицу было ясно: не скажет. Спросила бы прямо, не его ли она девушка, но не хотелось выдавать свой интерес. Еще решит, что влюбилась и пытаюсь заявить на него права. И не говоря больше ни слова, я нырнула в палатку. Укутываясь в еще хранящее запах Хена одеяло, вздохнула. Уж себе-то не ври, Сатьяна. И правда ведь влюбилась. Может, еще не сильно... но уже настолько, что крутит и выворачивает душу при мысли, что у него может быть другая.

Утром тронулись в путь, едва рассвело. Луг покрылся выпавшей росой, и я почти сразу промочила ноги. Сапожки, мягкие и удобные, были слишком старыми, заношенными до дыр. Мама давно купила мне новые, но, не слушая моих просьб, выбрала девчачьи, на каблуке — сражаться в них было невозможно, так что я даже не взяла их с собой в академию.

Под взошедшим солнцем роса через пару часов испарилась, а почва превратилась в твердую, каменистую, поросшую сухой желтой травой. Идти стало куда удобнее, только приходилось смотреть под ноги, чтобы не спотыкаться о камни.

Стараясь не вздыхать вслух, смотрела на горы, тянущиеся по левую руку, терпеливо шла вслед за Хеном и молча терзалась желанием встать как вкопанная и заявить, что больше никуда не пойду. Что Хен должен немедленно рассказать мне, куда мы направляемся и сколько еще до этого места. И кто такая эта хагосова Наянэ.

И он вдруг остановился и посмотрел в мою сторону. Я тоже затормозила, невольно подтянувшись. А Хен показал в сторону, в заросли сухих рыжих кустов.

— Кажется, нам туда.

Кажется?! Хлопала глазами, чувствуя себя дурочкой, а Хен, не дожидаясь реакции, пошел к кустам... и стал стремительно уменьшаться. Потребовалась пара секунд, чтобы понять, что не происходит ничего сверхъестественного, — просто в земле расщелина, ведущая вниз, и он потихоньку по ней спускается. Поправила сумку и нерешительно пошла за ним следом.

Поначалу, пока над головой виднелась узкая полоска голубого неба, я чувствовала себя нормально, но, когда мы зашли поглубже, поверху потянулась пахнущая перегноем черная земля, и торчащие корни стали цепляться за волосы, мне стало не по себе.

А тут еще шедший впереди согнувшись в три погибели Хен наколдовал большой щит на нас обоих и отрывисто бросил:

— Будь осторожнее, держи оружие наготове.

Похолодевшими пальцами вцепилась в рукоять меча, приготовившись в любой момент применить заклинание, ускоряющее реакцию. И чуть было не кинула его, когда Хен внезапно остановился и погасил огненный светлячок.

— Т-с-с, — шепнул он.

Я проморгалась в наступившей темноте и заметила, что впереди откуда-то снизу льется тусклый голубоватый свет. Хен поманил меня, жестом велел положить сумку. Подойдя, обнаружила, что проход резко расширяется и обрывается, превращаясь в небольшую пещеру. Голубоватый свет исходил от ее стен, внизу он становился сильнее, потолок же скрывался в темноте. А на полу пещеры мирно спала огромная сороконожка. В холке она была размером с лошадь, только жирная, как туго набитый бурдюк.

Сразу поняла, что это тварь, но мне не известно, какая именно: на лекциях мы таких пока не проходили, и по справочнику я ее не помнила. Невольно встала поближе к Хену и шепнула:

— Зачем мы сюда пришли?

— Не хочешь попробовать свои силы? — Хен смотрел вниз.

Опешив, уставилась на него в непонимании. Такого не ожидала — хотя я вообще не знала, чего ожидать от этого похода и от самого Хена. И, чего скрывать, по коже прошел озноб. Это не домерон, который боится шума и света. Это здоровенная отъевшаяся гадина, может, на ее счету даже человеческие жизни.

— Ты серьезно?

Хен бросил на меня удивленный взгляд.

— Конечно, — ответил с уверенностью, которую я не разделяла. — Я не дам ей до тебя дотронуться. Твое дело только злить ее, чтобы она не обращала внимание на меня, а я буду атаковать и держать защиту. И один бы справился, но времени займет больше. И подумал, что ты не отказалась бы от такого приключения.

Ладонь на рукоятке меча слегка вспотела. Я молчала. Сомневалась. Хен переоценил меня — я же только на первом курсе, месяца не прошло. Все, чему я научилась, это пара-тройка полезных трюков. И вообще... ничего не понимала. Как Хен узнал об этой твари? Почему позвал именно меня, первокурсницу, пусть даже одну из лучших в группе, но все равно — почти без опыта сражений с тварями? Разве буду ему полезной?

Хотя он сказал, что мог бы справиться один. Должно быть, ему и правда показалось, что это будет забавное развлечение для меня. И я не могла бы твердо сказать, что он не прав.

— Или ты против? Хочешь, подожди меня наверху.

Уйти в безопасное место, оставив Хена один на один с тварью? Вот еще! Плохо он меня знает.

— Зачем она тебе?

Посмотрела ему в глаза — Хен взгляда не отвел, но выражение лица стало шкодливо-виноватым.

— Эта стервь отъевшаяся, — повторил он мою мысль, оборачиваясь к сороконожке, — у таких наверняка есть клад. Слышала ведь, что твари испускают мощную магическую ауру? За годы она трансформирует свое окружение, рядом с ней можно найти много интересного. Ей ведь лет десять, не меньше.

О да, слышала. Даже самые обычные камни и палки накапливают магическую силу и преобразуются, долго пролежав рядом с такой тварью, а ведь многие еще и стаскивают в гнездо все, что найдут.

Вспомнить хотя бы легендарный магический шар из человеческого черепа и посох из берцовой кости. Или двуручный магический меч по прозвищу Кровавый Клык — он тоже был найден в логове твари. Настоящий магический меч — мощный двуручник или красивый изящный одноручник, который можно использовать в паре со щитом, призывать при необходимости, который не нужно чистить и чинить, и он никогда не потеряет остроты, усилит действие заклинаний... ох.

Правда, мысль о том, что под тварью мы можем обнаружить россыпь человеческих останков, заставила меня передернуться. Надеюсь, она еще не успела никого сожрать.

Благодаря словам Хена я взглянула на это по-другому. И впрямь захотелось и силы свои

попробовать, и попытать удачу: а вдруг и в самом деле обнаружится невероятная находка? И даже если нет, если мы просто уьем тварь, — наверняка ее останки можно будет хорошо продать.

Если честно, мысль о деньгах сама по себе была невероятно соблазнительной: мать обещала, что будет высылать небольшое подспорье через Вейса, но теперь я не считала себя вправе этим воспользоваться, даже если брат смилостивится и передаст. Так что нужно было как можно скорее начать самой себя обеспечивать — и вот шанс подзаработать лежал там, внизу, в лучах голубоватого света.

Остался один вопрос, ответ на который — хотелось услышать во что бы то ни стало.

— Откуда ты узнал, что она здесь?

Хен отшутился:

— Сорока на хвосте принесла.

— Не скажешь?

Он попытался взъерошить мне волосы, но я увернулась и повторила:

— Не скажешь?

Вздыхнул, пожал плечами.

— Когда был в городе, случайно услышал разговор, мол, в пещерах неподалеку от поселений видели многолетнюю тварь. Я разузнал, о каких пещерах речь, сходил на разведку, посмотрел. И вот...

— А почему сразу не сказал, в чем дело?

— В академии слишком много чужих ушей, — поморщился Хен. — И мне показалось, что так было бы интересней. Или я не прав? Подождешь наверху?

Вместо ответа поудобнее перехватила рукоять меча.

Доверяю я Хену или нет?

Доверяю.

Может, и не следовало бы, я так мало о нем знаю, но мне хочется ему верить. Хочется думать, что он и впрямь не задумывает что-то такое, что могло бы мне повредить, что в самом деле просчитывает ходы наперед, что заботится обо мне. И привел меня сюда только потому, что посчитал: мне это понравится.

Я уже приготовилась прыгнуть вниз, как Хен положил руку мне на плечо. Повернул лицом к себе. Сказал серьезно:

— Подожди. Я абсолютно уверен, что все будет в порядке. Но если вдруг что-то пойдет не по плану — убегай. Поняла?

— Разве такое говорят человеку перед боем? — Криво усмехнулась. — Тем более перед его первым боем?

И Хен повторил мою усмешку:

— Все будет хорошо.

Я соскочила на пол пещеры и издала пронзительный вопль — дикий, оглушающий, с использованием магии, повышающей агрессию. Выхватила меч и послала колючий грозовой заряд — ущерба от него никакого, зато неприятно. К тому времени, как в бой вступит Хен, мне нужно раздражить тварь настолько, чтобы она на него и не взглянула.

Сороконожка недовольно вскинулась и захрапела на манер разгоряченного коня. А мне на плечи легла тяжелая «накидка» — магия Хена. Чуть не улыбнулась: внутри потеплело от осознания, что он и правда защищает меня, что сейчас стоит позади и внимательно следит за каждым движением «бурдюка» с ногами.

Сороконожка приподняла верхнюю часть тела. Морды у нее не было, но спереди торчали жвала, а под ними разевалось нечто, похожее на оснащенную острыми зубами круглую пасть. Контуры тела мерцали и переливались голубым светом — то ли отраженным от стен пещеры, то ли собственным.

Не знаю, были ли у нее глаза, но круглая голова со жвалами шустро повернулась в мою сторону. И только я хотела снова взмахнуть мечом, посылая второй заряд, но сороконожка сделала стремительный рывок, мгновенно оказываясь рядом. Пронзительно заскрежетала защита. Я услышала, как Хен читает заклинание, а тело уже само действовало по заученным схемам: сгруппировалось, перекаатилось по острым камням, уходя из-под удара...

Я встала за спиной у твари и, не давая ей опомниться, полоснула мечом. Ожидала, что тело сороконожки вскрыется и оттуда польется жижка, как из настоящего бурдюка, но меч словно встретился с железом — от силы удара даже рука загудела. Зато сзади тварь оплели золотисто-зеленые плети — это атаковал Хен. Сороконожка снова стремительно бросилась на меня. Контуры ее тела засияли сильнее, и я получила мощный удар в грудь — сквозь все щиты и барьеры. Хотя нет, не сквозь — просто этот удар снес защиту. Меня тут же охватило серебряное сияние, формируя новый щит: отреагировал Хен.

Некоторое время мы с тварью повторяли движения одного и того же танца: она бросалась на меня, я уходила из-под удара и наносила ответный, правда, без толку: то ли кожа у гадины была задубевшей, то ли магическая защита крепкой, но мои удары были ей как щекотка. А магия Хена действовала: постепенно сила атаки уменьшилась, движения твари стали медленней, она все чаще вертела головой, отыскивая второй источник неприятных ощущений. Испугавшись за напарника, я удвоила усилия, но с ужасом начала замечать, что не справляюсь.

Магия Хена действовала куда сильнее моей. От большинства моих заклинаний и ударов тварь только недовольно шевелила жвалами, а от плетей Хена ощутимо вздрагивала. А ведь он ухитрился еще и на мне защиту держать. И правда справился бы без меня.

Как только эта мысль промелькнула в сознании, сороконожка встала на дыбы. Я напряглась и приготовилась. Вот кинется она на меня, попробую вонзить меч ей в брюхо, может, там не такая толстая кожа, как на боках или спине. Но эта гадина, вместо того чтобы обрушиться всей своей тяжестью на меня, извернулась, молотя в воздухе мерзкими лапами, и бросилась на Хена.

— Стоять!

Удочка прошла вхолостую. Затрещала защита, полыхнуло голубым.

Я послала магический заряд в тело твари, но она лишь вздрогнула, не пожелав обернуться, и, вцепившись жвалами в щит Хена, мотала головой и кромсала его когтями. Хен выкрикнул заклинание, и сороконожку спеленало зелеными плетями. Он отбежал назад, а я немного выдохнула.

Нужно перевести гнев твари на себя. Усилив меч огненными всполохами, ударила ее в спину. Бесполезно, будто по железной бочке бьешь. Не обращая на меня внимания, «бурдюк» снова рванул к Хену. Щит пробито — только серебристые лохмотья разлетелись по пещере. Я услышала противный чмокающий звук, Хен застонал. Сороконожка снова встала на дыбы, и у меня чуть сердце не остановилось, когда увидела, что Хен болтается в ее жвалах, а острые шипы торчат из его плеча. В следующий миг тварь яростно мотнула башкой, сбрасывая его. Хен ударился о стену, глухо вскрикнул и скатился вниз, беловолосая голова бессильно упала на грудь. Сороконожка метнулась к нему, собираясь добить.

Ох, нет!

Вложила всю себя в заряд «ярости». Не знаю, откуда только силы взяла, во мне словно открылся дополнительный источник. Сорванец осветился алым пламенем, я одним прыжком вскочила на спину твари и вогнала меч в щель между мерцающими голубыми пластинами. Сороконожка взвизгнула, тело подо мной пришло в движение. Не удержавшись, кубарем скатилась с нее — и еле ушла от обрушившейся совсем близко туши. Увернулась, перехватила меч и помчалась дальше: надо увести тварь от Хена.

Переливающаяся голубыми всполохами мощная туша ударила меня в спину. Я вскрикнула, теряя равновесие, Сорванец отлетел в сторону и жалобно звякнул о камень. Сгруппировавшись, перекаатилась, встала, сразу же прыгнула — и бронированная тварь всем весом ударила в то место, где я только что была.

Метнувшись в сторону, поискала взглядом меч. Хагос, я не выстою с голыми руками. Я и с мечом-то с ней не справлялась!

Сороконожка поднялась на хвосте во весь рост, возвышаясь надо мной, — башка ее достигала потолка пещеры, жвала хватали воздух, полная острых зубов пасть раскрывалась и закрывалась, словно твари не терпелось впиться в меня... И тут сверху, из хода наружу, на пол пещеры кто-то спрыгнул. Блеснули мечи, раздалось знакомое улюлюканье — так нас учили злить тварей на тренировках.

Карин!

Что он здесь делает?

Я не успела ни понять, ни предупредить его. Сороконожка повела жвалами, словно прислушиваясь. И так же, как недавно с Хеном, за миг до того, как обрушиться на меня, стремительно поменяла направление и кинулась на нового человека.

Поздно, там уже никого не было. Карин материализовался за спиной гадины, ударил, вложив все свои силы. Как и у меня, у него ничего не вышло, мечи со звоном проехали по толстой шкуре. Сороконожка развернулась, кинула то место, где он стоял, — за секунду до этого Карин метнулся вбок. И снова ударил — и опять напрасно.

Я наконец нашла свой меч, подхватив его, тоже издала яростный вопль, привлекая внимание. «Бочка» недовольно загудела, повернулась в мою сторону, но нападать не стала, словно пыталась оценить степень угрозы. В это время на другом конце пещеры возник Карин. То ли он все же причинил твари боль, то ли та среагировала на движение — но она мощным стремительным рывком бросилась в его сторону.

Чуть не вскрикнув, я послала заряд ей в спину, но он только белыми всполохами прошелся по броне. Карин ушел от удара в последний миг. Мне было безумно страшно — у него ведь никакой защиты, один удар — и внутренности наружу. Карин выживает только за счет скорости и своей магии. Хотя прямой атаки не выдержу и я. Какой из меня лидер боевой группы! Смех один.

Но я все равно вытянула перед собой меч. Сосредоточилась, читая заклинание, и тут меня овеяло свежестью. Обернулась — Хен пришел в себя и, неуклюже цепляясь рукой за стену, уже стоял на ногах. Сороконожка разодрала его одежду, плечо было залито кровью, но рана на глазах затягивалась. У меня немного отлегло от сердца: живой, благодарение Нигосу.

— Сатьяна, атакуй! — резко скомандовал Хен. — Парень, придержи коней, дай ей немного времени.

Кивнула и ринулась в бой. Теперь мне было не страшно, мерцала серебристая защита, я знала, что Хен не подведет.

Карин послушался. Мелькнул смазанной тенью, уходя из поля зрения. Сороконожка нацелилась на меня, я увидела вблизи раскрытую пасть, множество зубов в три ряда, жадно сокращающийся зев. Это длилось всего мгновение, я тут же ушла в сторону, но в голове зародилась идея. И в следующий раз, когда гадина вновь кинулась на меня, я всадила оснащенный боевым заклинанием меч прямо ей в пасть.

Тварь завизжала на неожиданно высокой ноте. Заклинание взорвалось у нее внутри и, похоже, нанесло немалый ущерб, потому что тело ее на глазах усохло, став почти вполовину меньше.

— Давай, — стегнул голос Хена.

Карин сорвался с места, прыгнул на бронированную спину, пробежал по ней и вонзил окутанные зеленым пламенем клинки в расщелину между головой и телом. Сороконожка, будто этого и не заметив, яростно вгрызлась в мой щит. Плети Хена плясали по ее туше, высасывая магическую энергию, а я держалась, принимая удары и отвечая своими, редкими, но сильными.

И постепенно тварь начала слабеть. Она уже не сияла так ярко, как раньше, насадала не так сильно, я даже смогла отбросить ее пару раз воздушным щитом. Сама я чувствовала себя превосходно, тело было как из железа, не ощущалось ни усталости, ни напряжения в мышцах.

Обитательница пещеры была уже не больше собаки и, когда в очередной раз плети Хена хлестнули по ней, вдруг рассыпалась на полыхающую голубыми искрами массу из тысяч мелких коричневых сороконожек. Искры прынули вверх, а насекомые брызнули врассыпную, и я взвизгнула, потому что терпеть не могла всякую ползающую мелочь.

Карин, стоявший согнувшись в три погибели, упираясь ладонями в колени, устало рассмеялся. Выговорил с паузами, еле переводя дыхание:

— Когда она была большой... ты не боялась... а мелких...

— Ненавижу насекомых, — буркнула, передернувшись, провожая взглядом утекающих со всех ног букашек. Обернулась к Хену. — Ты в порядке?

Он кивнул. Вот уж кто выглядел устало... и неожиданно эротично в этих лохмотьях, оставшихся после схватки с сороконожкой. Я засмотрелась на его тело — сильное, подтянутое, с гладкими мышцами, блестящими от пота. От пота и крови — рана на плече уже превратилась в багровый шрам, но сукровица еще пятнала кожу коричневым. Захотелось провести рукой, счистить

присохшее, стереть ржавые потеки. Дотронуться до горячей влажной кожи, а потом заглянуть парню в глаза, проверяя реакцию.

Хагос... О чем я думаю, идиотка.

— Извини... — Хен подошел ближе. Хотел сказать что-то еще, но не успел.

Раздался громкий враждебный голос Карина:

— Какого хрена ты, сукин сын, соврал ей?

Соврал? Я вскинула непонимающий взгляд на Хена, а тот, глядя на Карина, недобро прищурился и поинтересовался:

— Это в чем же?

— Что этой твари всего десять. Ей лет тридцать, не меньше. И не заговаривай мне зубы, что не знал. Ты намеренно рисковал жизнью Сатьяны!

— Это не так, — внешне спокойно ответил Хен. — Я действительно думал, ей не больше десяти, максимум пятнадцати. Потом, уже в процессе, понял, что ошибся. А в том, что рисковал... — он посмотрел на меня, — тут ты прав. За это прошу прощения. У тебя, Сатьяна.

Я пожала плечами, чувствуя себя неловко. С чего эти двое окрысились друг на друга? Все ведь закончилось хорошо.

— Неважно, мы ведь справились. Спасибо, Карин. Вот только как ты здесь оказался столь своевременно?

Карин отвел глаза, а Хен громко фыркнул:

— Как-как! Проследил за нами, как же еще. Шел от самой академии, что ли? Хвалю, хорошее владение «тенью»!

Карин зыркнул на него исподлобья, но промолчал. А я вдруг прозрела:

— Так это твое присутствие я ощущала?! Ты следил за нами ночью?

Парень пожал плечами. На меня он не смотрел.

В воздухе вдруг заплясали голубые искры. Свет усиливался, словно стекаясь от стен пещеры, от места, где рассыпалась тварь, сливаясь в ручейки, и наконец из этих ручейков сформировались два ярко-голубых дракончика, которые метнулись в разные стороны, к Карину и ко мне. Я вскрикнула, Карин отшатнулся, закрываясь рукой; но мы оба ничего не успели сделать. Дракончики, будто так и надо, обвили наши кисти, сворачиваясь наподобие сияющих браслетов, и растворились под кожей.

— Это что еще за дрянь? — Карин тряхнул рукой, словно пытался избавиться от невидимого внедренца.

Я повторять его жест не стала, но тоже в полном оцепенении уставилась на руку. В тот миг, когда дракончик ее обвил, я почувствовала нечто вроде легкой щекотки, будто все волоски на коже встали дыбом, но сейчас не ощущала ничего. Ни щекотки, ни тепла, ни холода, ни веса чего-то инородного на запястье.

— А вам везет, — хмыкнул Хен. — Чтобы в одном месторождении привалило обоим сразу... Только это означает, что остался тут один мусор.

Он присел на корточки, наколдовал огненного светляка и принялся рассматривать грязный пол, периодически отбрасывая в сторону какие-то камешки, лоскуты и всякую подобную дрянь, при этом бормоча себе под нос:

— Мусор, мусор, мелочь, дребедень... ну это, пожалуй, можно продать. И снова мусор.

Он выглядел непонятно разочарованным. Как будто не нашел того, что хотел.

Карин подошел ко мне, встал рядом, молча наблюдая. Я тоже молчала, чувствуя себя не в своей тарелке. Как-то неудобно, неловко, может быть, даже одиноко. И не сразу поняла почему. А дело было в Хене. В том, что таким я его не знала — он выглядел незнакомцем. Жестким, недобрым, пугающим. Но тут он вскинул глаза, нашел меня, и лицо его смягчилось.

— Иди сюда, Сатьяна.

Бросив нерешительный взгляд на Карина, подошла. Хен выбрал из горки отложенных в сторону камней один — ярко-бирюзовый, крупный, с голубиное яйцо, и такой же округлый.

— Возьми, — положил его мне в руку. — За него можно выручить не меньше пятидесяти карр. Остальное я продам.

— А поделиться не хочешь? — хриловатым насмешливым тоном спросил Карин за моей спиной. — Тварь ты вроде не один уделал.

Не отвечая, Хен ссыпал добычу в привязанный к поясу мешочек, выпрямился и с высоты своего роста снисходительно заявил:

— Пронырам, которые только и могут, что подслушивать и подглядывать, хватит и того, что они уже получили. — Потом бросил взгляд на меня и пояснил уже мягче: — Эти ваши дракончики — истинная магия. Если повезет, ты сможешь добыть себе магическое оружие.

Я тихо ахнула. В голове все пошло кругом: истинная магия? Оружие? У меня будет настоящий магический меч?! Звучит слишком сказочно, чтобы поверить... наверняка есть какой-то подвох.

— Что для этого нужно сделать?

— Пойдем, — Хен направился к лазу, — объясню по дороге домой.

Мы шли почти весь день, сделав лишь небольшой привал, чтобы пообедать. Слава Нигосу, не встретили ни единой твари, иначе нам пришлось бы плохо. Я не чувствовала в себе сил еще раз сражаться на пределе возможностей.

Хен вернул свою невозмутимость. Насмешками отвечал на нападки Карина, отчего тот пуще злился, а Хен, в свою очередь, насмешничал с еще большим удовольствием.

Тем не менее рассказ Хена о том, как приручают оружие, мой однокурсник слушал в оба уха. Даже не стеснялся задавать встречные вопросы, хоть и получал вместе с ответами ушат очередных подколов.

Выяснилось, что нужно каждую свободную минуту тратить на то, чтобы постараться почувствовать оружие. Потом, когда образ станет четким, можно попытаться оружие призвать. Поначалу очертания будут зыбкими и недолговечными, но, если не бросать попытки, фантом постепенно приобретет настоящую форму. Вот только чем дольше оружие пребывает в физической форме, тем больше расход магии, так что на первых порах Хен велел нам быть осторожными и ни в коем случае не перестараться.

— Иначе выгорание, лазарет, никаких тренировок ближайшие полгода... ну и оружие, естественно, за это время исчезнет.

— Я буду очень осторожна, — пообещала клятвенно.

Карин хмуро кивнул.

Попыталась представить, какой он, мой меч. Одноручник или все же двуручник? С прямым лезвием или изогнутым? Длинный или короткий? Балансировка, рукоять, лезвие расширяется к острию или, напротив, сужается?

Мечтать на ходу я могла еще долго, но Хен остановился, посмотрел на уходящее к западу солнце и сбросил с плеча мешок.

— Привал, — сказал устало. — Правда, не знаю, как будем ночевать, на третьего лишнего я не рассчитывал, в палатке еле-еле уместятся двое, и то в обнимку.

— За меня можете не беспокоиться, — буркнул Карин и сделал движение в сторону.

Я ухватила его за рукав.

— Опять будешь ходить ночью вокруг палатки и смотреть сычом? Нет уж. Мы все равно будем спать сменами, так ведь, Хен?

Тот пожал плечами.

— Я с парнем вдвоем в палатке спать не собираюсь. Так что дело за тобой, Сатьяна.

Не сразу поняла, что он имеет в виду, а когда дошло, густо покраснела и отвернулась — мой

румянец мог, наверное, осветить весь лес не хуже закатного солнца.

Расчет был очень простой: если каждый караулит треть ночи, то палатку непременно придется делить на двоих. Хен отказывается спать с Кариним, значит, остаюсь я. Конечно же, ясно, что речь не идет о чем-то этаком. Просто Хен невзлюбил моего однокурсника. И это взаимно. И, если выбирать из двух зол, он выбирает меня, я и поменьше, и со мной будет удобнее. Вот и все.

Хен ушел спать первым. Мы с Кариним, не сговариваясь, сели по разные стороны костра и устались каждый на свое запястье. Повисло молчание. Я пыталась заговорить с дракончиком, почувствовать выбравшую меня магию, но, сколько бы ни закрывала глаза и ни представляла себе образ меча или обвившую запястье сущность, так ничего не ощутила.

С разочарованным вздохом подняла веки и услышала такой же огорченный вздох с другой стороны. Невольная улыбка выползла на губы.

— Как у тебя? — спросил Карин.

— Так же.

Опустила руку на колени и посмотрела на небо.

Луна плыла над лесом, крутым боком почти задевая макушки деревьев. Огромная, желтая, с темными пятнами, в которых каждый мог увидеть что-то особенное. Правда, я ничего не видела: с детства не отличалась богатым воображением.

— Сатьяна, — негромко позвал Карин.

Перевела на него расслабленный взгляд. Парень сидел вполборота ко мне, чуть сгорбившись, положив локоть на колено. Костер освещал левую сторону его лица, другая тонула во тьме, только загадочно поблескивали зеленые глаза.

— Хотел спросить... — расплывчато начал он. — Ты его давно знаешь? — И он мотнул головой в сторону палатки.

Замялась. Рассказывать правду я не желала. Карин и так недружелюбно настроен, почему-то казалось, услышав, что мы знакомы всего ничего, он станет относиться к Хену еще хуже. Ответила неопределенно:

— Ну так... А что?

— На твоём месте я бы не доверял ему. — Карин говорил таким тоном, будто заранее решил, что я его не послушаю. И заранее злился. — Ты из-за него чуть не погибла. Если бы я не выскочил, вы оба умерли бы. Точнее, первой ты, а он целитель, мог бы и выжить. Может, он вообще тебя специально туда привел, ты не думала?

— Глупости, — помотала головой, — зачем ему это? Не верю.

— Ну и не верь. — Парень нахмурился и с вызовом отвернулся. Правда, долго так не просидел. Не прошло и пяти минут, как он снова посмотрел в мою сторону. — И все себе забрал. Это ты тоже считаешь нормальным?

— Да. Потому что это его идея, и он справился бы один. Это я его подвела. Ну и, в конце концов, нам ведь досталось магическое оружие. А его ни за какие деньги не купишь. Точнее, только за очень большие...

Карин помолчал, но я чувствовала, что не убедила его. Вздохнула, снова уставилась на луну. Завтра будем дома, и я еще успею на праздник Любования. Правда, вряд ли Карин теперь захочет пойти с нами вместе, он на меня обиделся. А Хен? Может, тогда позвать его?

Внутри сладко сжалось, когда я представила, как под громадной круглой луной мы танцуем на площади под звуки флейт, скрипок и барабанов. Хен кружит меня, и взгляд, которым он смотрит в мое лицо, совсем не такой насмешливый, как всегда. Нет, это какой-то особенный взгляд, восхищенный, жадный, обжигающий...

— Ты его любишь?

Внезапный вопрос меня оглушил и вырвал из мечтаний. На миг показалось, что парень каким-то образом прочел мои мысли, и я в панике замотала головой:

— Нет, ты о чем вообще?!

Потом сообразила: он же просто продолжает разговор. Хочет понять, почему я защищаю Хена. Торопливо добавила:

— Дело не в этом. Просто... просто не считаю, что он сделал что-то не так.

Не хочу признаваться, что Хен и правда мне нравится. Я и себе-то признаваться не хочу.

На лице Карина мелькнуло странное выражение. Нечто похожее на облегчение, но причину этого облегчения я не поняла.

— Ты не хочешь развестись с ним? И пусть бы шел своей дорогой...

— А я — обратно к мамочке под крылышко? Вот спасибо.

Карин уткнулся взглядом в землю. Огонь высветил, как играют желваки на его челюсти. Показалось, парень хочет что-то сказать, но он промолчал.

Когда настала моя очередь идти в палатку, я вдруг разволновалась. Охватило невнятное смущение, которое я сама себе попыталась объяснить жаром от костра, отлично при этом понимая, что дело совсем не в нем.

Внутри было темно и пахло Хеном, слышалось ровное дыхание. Я осторожно пробралась вглубь и устроилась на боку. Хен был прав: места в палатке хватало едва-едва. Я чувствовала тепло его тела, и это ужасно смущало.

Потянула на себя одеяло: Хен, собака такая, замотался в оба. Он негодующе пробормотал что-то, но не проснулся.

Накатила усталость, я сладко зевнула и прикрыла глаза. Мир начал уплывать, в голове заметались какие-то образы: сороконожка, дракончики, обнаженный торс Хена. И тут вдруг меня сгребли в охапку и прижали к горячему мужскому телу.

Я пискнула, попыталась высвободиться, но почти сразу поняла, что Хен спит. Спит и едва заметно улыбается. Сердце екнуло: неужели ему опять снится его Наянэ?

Перестала отбиваться и замерла в его руках. Всмотривалась, как зачарованная, в расслабленное лицо напротив. Хагос, а ведь он чуть не погиб сегодня. Если бы жвала сороконожки пронзили бы чуть ниже и левее, никакая целительская магия не помогла бы ему выжить.

Мысль, что я могла бы потерять Хена, оказалась такой острой и болезненной, что на глазах выступили слезы. И ведь все по моей вине. Я была слишком слаба, чтобы удерживать тварь. Больше он никогда не позовет меня ни на какие вылазки, убедился, что я бесполезна.

Но нет, я не сдамся. Наоборот, мне только сильнее захотелось учиться и тренироваться. Тем более когда появился шанс заполнить свой собственный магический меч. Если смогу его приручить, я стану вдвое... нет, втрое сильнее!

Представив, как одной левой уделываю огромную тварь не хуже сороконожки, я невольно заулыбалась.

Хен безмятежно спал, не подозревая о моих кровожадных мечтаниях. Губы его тоже чуть изгибались в улыбке. Я засмотрелась и вдруг поймала себя на желании прикоснуться. И не рукой — губами.

Это желание оказалось столь сильным, что буквально в один миг завладело мной полностью. Мучительное, острое, бесконечно настойчивое, оно вытеснило из головы все другие мысли, оставив только одну: хочу почувствовать мягкость его губ своими, узнать, шелковистые они или шероховатые, податливые или жесткие. И я, забыв обо всем, затаив дыхание, потянулась вверх.

Украденный поцелуй... нечестный, ни к чему не ведущий... и все равно внутри словно задрожала какая-то жилка, бросило в холод, потом опалило жаром. Было так странно ощущать — и несмелое соприкосновение, и чужое дыхание, опаляющее кожу, и тепло чужих губ. Захотелось прильнуть сильнее, лизнуть кончиком языка, раздвинуть губы Хена, с замиранием ожидая ответного действия.

Может, я и осмелилась бы, но тут что-то изменилось. Так и не поняла, что именно: то ли сломался ритм дыхания Хена, то ли слегка дрогнули его губы, то ли он выдохнул немного сильнее, чем раньше, или пошевелился, но четко знала: он проснулся.

Отшатываться или отворачиваться было поздно, и я притворилась, что сплю — вот так, как есть, в опасной близости от его лица, почти уткнувшись нос к носу. Сердце стучало, как барабан.

Оставалось надеяться, что этот бешеный ритм Хен не услышит.

Зашевелился он не сразу, но наконец медленно отстранился, не меняя позы и не выпуская меня из рук.

Я чувствовала его взгляд — а может, только думала, что чувствую, потому что он остановился на моих губах, и при мысли об этом меня мгновенно залило румянцем. Как хорошо, что сейчас ночь, и во тьме Хен ничего не разглядит.

Он выдохнул, словно уверяясь, что ему все привиделось, и расслабился. Снова притянул меня к себе, уткнулся носом в макушку и спокойно задышал. А я еще долго лежала без сна, успокаивая мятущееся сердце.

В академию мы прибыли часам к десяти утра. Стоило пройти через ворота, как Хен сказал, что у него дела в административном корпусе, попрощался и исчез. Только на пути в общежития, когда мы с Каринином, как сонные мухи, карабкались по склону, мечтая скорее упасть в постель и отоспаться, я вспомнила, что хотела пригласить Хена на Любование. Вздохнула. Уже ничего не поделаешь. Может, удастся найти его на самом празднике.

А вот Карина я позвала. Правда, сделала это в полной уверенности, что откажется, — он с раннего утра был хмурым и неразговорчивым. Но парень вдруг согласился. Договорились встретиться вечером на том же месте, где и распрощались — между общежитиями.

Комната промерзла, потому что я оставляла окно приоткрытым: мало ли, вдруг придет ласка. Но следов ее присутствия не обнаружилось. Впрочем, горевать не стала: сбегала в душ, перекусила и заснула с недоеденным пирожком во рту. Проснулась ближе к четырем, и то только потому, что в дверь стучали так громко, что разбудили бы и мертвого.

Это оказалась Лидайдя. При чем такой я ее никогда не видела: в роскошном длинном темно-красном платье с откровенным разрезом сбоку, с повязанной набок красной же лентой, красиво оттенявшей короткие белые волосы.

Пока я, раскрыв рот, пялилась на разрез юбки и кусочек загорелого бедра, Лидайдя ворвалась в комнату и раскрыла дверцы шкафа.

— Ты что, спала? — ужасалась она, перебирая мою одежду. — Уже скоро начнут зажигать костры! Быстрее одевайся! Нигос, у тебя что, нет ни одного платья?

Ох. Я застыла на середине мучительного зевка. Платья? Еще бы, откуда в моем гардеробе платье, я всю сознательную жизнь бегала от них, как от огня. В конце концов даже мама плюнула на попытки одевать меня как подобает девочке и позволила таскаться в тех же штанах и рубашках, которые до меня таскали Вейс и Лас, а может, даже Мане или Аттер.

Но сейчас при виде Лидаиди, преобразившейся в красавицу, слушая, как бегают и собираются девчонки на этаже, при мысли о том, что я обязательно увижу на празднике Хена, мне очень захотелось тоже одеться в изящный наряд, повязать на волосы ленту и в таком виде предстать перед мужем, потупив глаза и посматривая сквозь приопущенные ресницы.

Но платья не было.

— В моих ты утонешь... — озабоченно пробормотала подруга. Потом схватила меня за руку. — Бежим скорее в торговые лавки! Все хорошее, конечно, уже разбирали, но ты такая маленькая, может, твой размер и найдется.

Лидайдю сейчас мог бы остановить, наверное, только каменный великан наподобие охранителя ворот. Мне это было не под силу, да я и не хотела. Правда, вспыхнула мысль, что у меня нет денег, но потом вспомнила о подаренном бирюзовом камне. Хен сказал, что можно выручить не меньше пятидесяти карр. Если так, то это огромные деньги!

То ли Хен преувеличил ценность камня, то ли моя неопытность была написана на лице, но больше тридцати пяти ни один торговец не предложил, хотя мы с Лидаидей обегали все лавки. В конце концов я решила согласиться, потому что времени было в обрез, а тридцать пять карр — тоже неплохо. Пять я тут же отдала за платье, хотя ему-то красная цена была не больше карра. В вечер Любования цены на все взлетели до небес. Сама виновата, что не позаботилась раньше.

Впрочем, я ничуть не жалела — влюбилась в это платье, как только его увидела, даже не успев примерить. Светло-голубое, с открытыми плечами и пышными короткими рукавами-фонариками, с

высокой талией и широкой юбкой, заканчивающейся чуть ниже колена — оно превратило меня в сказочную героиню. Вместе с нарядом мы купили подвязанные лентами чулки и изящные туфельки на небольшом каблучке, и собственное отражение в зеркале вызвало у меня бурю восторга. Раньше от таких нарядов бегала как от огня, а сейчас все внутри сжималось от радости и сладкого предвкушения — интересно, какое лицо будет у Хена, когда он меня увидит!

Мы еще раз сбежали в общежитие, и Лидайка причесала меня и нарисовала — совсем чуть-чуть, но и этой малости оказалось достаточно, чтобы я с трудом себя узнавала. Глаза стали глубже и загадочнее, губы выразительнее, щеки загорелись легким невинным румянцем, а короткие волосы, закрученные на горячий чугунный прут, завились в локоны у висков. Глядя на себя в маленькое зеркальце в комнате подружки, я почти уверилась в том, что Хен сегодня обязательно увидит, что я не просто маленькая девочка, а вполне себе заслуживающая внимания молодая девушка.

Радость слегка омрачила клановая целительница — я уже знала, что ее зовут Висперина. Завидев меня, она фыркнула и прошептала что-то одной студентке из своей свиты, на что та ответила взрывом визгливого лошадиного смеха.

Лидайка шепнула: «Не обращай внимания», но я и не собиралась. Сегодня наконец пригодились все мамыны уроки. Я только вскинула голову повыше и с независимым видом знающей себе цену артеранны проплыла мимо Висперины с ее подпевалами. Даже брошенное в спину: «Слышали? Сама замужем, а корчит из себя девицу» — не заставило меня остановиться.

Озадаченное лицо Лидайки напомнило, что я так и не рассказала ей о своих отношениях с Хеном. А ведь об этом знает уже все общежитие, раз сведения дошли до Висперины. А может, ей сказал об этом он сам? Например, в ответ на ее признание... Ох, это было бы так смешно!

— Она говорила обо мне, — не стала я дожидаться вопросов, которых, кстати, могло и не последовать, потому что Лидайка была на удивление деликатна.

Мне самой хотелось рассказать ей все начистоту, и я быстренько пояснила, где и как познакомилась с Хеном, почему приняла его предложение и какие теперь отношения нас связывают.

— Вот оно что, — хмыкнула Лидайка, выслушав мой сумбурный рассказ. — Формальный брак? Ты очень смелая... Я бы ни за что не смогла так поступить. — Она помедлила и после паузы добавила: — Так вы не встречаетесь? То-то мне казалось, что вы не очень похожи на влюбленных.

Улыбнулась, стараясь не подать виду, что невинная фраза меня ранила. Ну да, не похожи. Я и сама понимала, что это правда. Но неважно. Сегодня вечером все переменится.

Карин ждал на аллее, привалившись к забору, окружавшему стадион. Он тоже приоделся: пояс с серебряной вязью перехватывал черные кожаные штаны, на запястьях красовались браслеты из такой же кожи, на груди — наш факультетский медальон с головой рычащего льва, сверкающий серебром на черном. В таком виде я его еще не встречала и теперь всматривалась с удивлением, будто впервые. И как будто впервые заметила, что он высокий, подтянутый и широкий в плечах.

— Тебе идет! — искренне вынесла вердикт.

Карин почему-то не обрадовался, буркнул что-то невнятное, дернул головой. Метнул вопросительный взгляд на Лидайку. Та уже знала, что я позвала Карина, так что просто поприветствовала кивком головы. Парень кивнул в ответ, пристроился рядом со мной, и мы втроем направились на стадион.

Оттуда доносились громкие звуки барабанов, слышался высокий напев скрипки и гулкие басовитые тона виолончелей и контрабасов. В густое фиолетовое небо поднимались дымные столбы костров, и золотистые искры танцевали в плавящемся воздухе.

— Когда вы успели подружиться? — спросила Лидайка тихим шепотом, пока мы пробирались сквозь собравшуюся толпу.

— Долгая история, — махнула рукой, — потом расскажу.

Лидайка, как и все в нашей группе, знала о дуэли и о том, что мы с Кариним не ладим. А теперь я и сама не могла бы сказать, как и почему мы подружились — а мы совершенно определенно подружились.

Веселье только началось, еще мало кто танцевал, только какой-то старшекурсник-стихийник в характерном для них долгополом наряде отплясывал в центре площадки, залихватски поглядывая на зрителей. Двигался он хорошо, я даже засмотрелась, но Карин потянул нас к лавкам, где

продавали еду. Глаза разбегались: жареная кукуруза, мясо на деревянных шпажках — горячее, истекающее соком вперемешку с соусом, политые шоколадом бананы, карамельные фигурки и обжигающие пальцы пирожки с самыми разными начинками — от мясной до вяжущей сладости малинового варенья.

Благодаря Хену и проданному камню я чувствовала себя богачкой и ходила по рядам, скупая все, на что ложился глаз. Хорошо потратившись, мы отнесли добычу к дубовым столам и, наблюдая за народом, с огромным удовольствием ее уничтожили, запивая яблочным сидром.

Сидр подавали в громадных деревянных жбанах, так что неудивительно, что голова пошла кругом, едва я ополовинила свой кувшинчик. Стало еще веселее, в лицо хлынул жар, и я стянула с плеч кофту, которую Лидайдя сунула мне в последний момент перед выходом.

Карин поперхнулся сидром и уставился на мои голые плечи так, будто никогда в жизни не видел. Он покраснелся, тоже, видимо, от сидра или жара костров, глаза блестели, взгляд сделался каким-то загадочным.

Меня это рассмешило — он словно вмиг очутился где-то в своем мире. Я быстро протянула руку и дала ему щелбан. Карин не увернулся, лишь потер лоб и отвел глаза. И вдруг напрягся. С лица разом сошло задумчивое расслабленное выражение, он прищурился и выругался сквозь зубы.

— Что такое? — Обернулась, пытаюсь понять, что привлекло его внимание.

— Я сейчас. — Парень вскочил и целеустремленно двинулся сквозь толпу.

— Куда это он?

— Увидел какого-то знакомого? — предположила Лидайдя.

Я склонила голову набок. Может быть, и так, но, похоже, этой встречи Карин не ожидал, и не факт, что она его обрадовала. Впрочем, не мое дело.

А в следующий миг я увидела Хена, и поведение сокурсника мгновенно вылетело из головы. Хен сидел поодаль, на возвышении, среди старшекурсников, приоткрытый ворот рубахи обнажал сильную шею, расслабленно опущенная рука с вязками амулетов придерживала большую кружку с пивом. А рядом с Хеном сидел мой брат. И не просто сидел — они разговаривали о чем-то, смеялись, Лас жестикулировал, Хен скалил зубы, отпуская комментарии, брат возражал, один раз даже по-дружески стукнул соседа по плечу.

Я смотрела на эту идиллическую картину во все глаза.

Почему-то нахлынула обида — после того как раскрылось мое замужество, Лас не подходил ко мне ни разу, и это при том, что мы с детства вместе, и он всегда был на моей стороне. Однако сейчас делал вид, что меня знать не знает, а с Хеном, оказывается, общается как ни в чем не бывало.

И тут Хен поймал мой взгляд, заулыбался и помахал рукой. Я как окаменела, поэтому на приветствие не ответила, зато Лас, увидев меня, тоже кивнул. Как будто ничего и не было.

Я шумно выдохнула и приникла к жбану с яблочным сидром. Осушила его до дна, а когда отставила в сторонку, Хен и Лас уже смешались с толпой других третькурсников. Еще немного посверлив взглядом белоснежную макушку, мысленно махнула рукой. Чего я страдаю? Радоваться надо. Они же учатся вместе, на третьем курсе проводят совместные тренировки всех трех факультетов. Неудивительно, что Хен нашел к Ласу подход, — брат не из тех, кто долго таит злобу.

На душе все равно слегка свербело, но я решила больше об этом не думать. И поинтересовалась у Лидаиди:

— Ты когда-нибудь слышала имя Наянэ?

Это была целиком и полностью вина хорошо перебродившего яблочного сидра. В обычное время я бы и произнести вопрос не смогла, а тут он сам прыгнул на язык, стоило увидеть Хена. Снова вспомнились расслабленная полуулыбка на его губах и это нежное «Наянэ» в темноте палатки.

— Наянэ? — Лидайдя нахмурилась, пытаюсь вспомнить. Потом ее лицо просветлело: — Кажется, знаю! — У меня упало сердце, и тут она продолжила: — Только это не имя, а старое слово, сейчас его почти никто не использует, разве что от какой-нибудь бабуся услышишь.

— И что оно означает?

Почему-то я разволновалась, снова стало жарко. Бросила взгляд в ту сторону, где сидел Хен, но толпа третькурсников уже куда-то исчезла.

— М-м... пожалуй, ближе всего будет что-то вроде «мой хороший» или «мой милый». Так говорят, когда обращаются к кому-то маленькому, например, бабушка может назвать так своего внука. Или еще парень в обращении к девушке.

— И что, если парень так сделает? Значит, он считает ее маленьким ребенком?

Лидадя энергично замотала головой.

— Нет, скорее всего, это значит, что она ему нравится. А где ты слышала? А! От Хенная?

Она хихикнула. Зарумянилась, прикрывая рукой рот. Было непривычно видеть Лидадю такой, но, видимо, яблочный сидр сказался и на ней.

— Возможно, ваш брак для него не такой уж формальный?

Я не ответила, вместо этого встала и подхватила наши кружки.

— Пойду-ка возьму еще немного. — И, не дожидаясь возражений или предложения пойти вместе, торопливо сбежала.

Мне просто физически было необходимо остаться одной.

Наянэ — не имя! Одно осознание этого наполняло сердце восторгом. Хен вовсе не видел во сне какую-то красавицу-вендайку. А кого? Неужели Лидадя права, и он действительно думал в тот момент... обо мне?

Эта мысль оказалась настолько приятной, что, испугавшись, я решила затолкать ее в уголок сознания. Было страшно поверить, чтобы потом разочароваться, узнав, что Хен имел в виду кого-нибудь другого. Но все равно внутри бурлило от радости, и на языке вертелось «наянэ... моя хорошая...».

На обратном пути, держа в руках два жбана — полных доверху, с белыми шапками пены, — я вдруг увидела в закутке между торговыми фургончиками Карина. Он стоял ко мне вполборота и с улыбкой на губах что-то оживленно говорил собеседнице, нежно сжимая ее ладошку.

Не обратила бы на это внимания — подумаешь, Карин с девушкой, может, они встречаются, я же не интересовалась, есть у него кто-нибудь или нет, — если бы только этой девушкой не была Висперина.

Висперина, которая сегодня в общепитии сказала, что я замужем. Я думала, она узнала это от Хена, но, может быть, ей сказал Карин? А ведь кто-то еще подбросил Вейсу записку, что я учусь на факультете боевой магии. Карин клялся, что это не он, и я поверила.

Может быть, и зря.

Из-за случайно увиденного я вернулась растерянной и встревоженной. Вручила Лидаде сидр, села рядом и, чтобы не отвечать на поддразнивания насчет Хена, уткнулась носом в пышную яблочную пену.

Музыка стала громче, на деревянный помост в центре забрался какой-то парень — то ли старшекурсник, то ли молодой учитель — и объявил, что сейчас будут танцы. Едва он договорил, как костры, окружавшие площадку, вспыхнули столбами пламени, девчонки завизжали, парни оглушительно засвистели, и, перекрывая этот шум, вступила пронзительная и надрывная трель скрипки.

Карин все не возвращался, а к нашему столу вдруг подошел какой-то незнакомый боевик, судя по внешности, курса с третьего или четвертого. Слегка смущаясь, пригласил Лидадю танцевать. Та бросила на меня короткий взгляд, я помахала пальцами, как бы выгоняя ее, и подруга упорхнула, послав мне воздушный поцелуй.

В одиночестве я заскучала. Медленно пила сидр, смотрела, как проносятся в танце раскрасневшиеся девушки и довольные парни, как вьются юбки и ленты, а ветер уносит искры и дым от костров. Кто-то пускал огненных светляков самых разных форм и размеров, и они плыли над толпой, как важные надутые рыбы, покачивая круглыми боками.

Пару раз ловила на себе заинтересованные взгляды, но притворялась, что не замечаю. И тут мне на плечи легли тяжелые руки, обдало запахом костра и горьковатых трав, и Хен спросил:

— Ты чего скучаешь одна? Твоя подружка всю пляшет, видел ее в толпе. Не хочешь размяться?

Подняла голову, встречаясь с ним взглядом. Сердце привычно екнуло. Хен показался еще симпатичнее, чем пару десятков минут назад: синие глаза сверкали весельем, в зрачках отражались огни, губы изгибались в довольной улыбке. Ему, похоже, было жарко, потому что завязки рубахи распушены, в воротах виднелась гладкая грудь, и мне вдруг безумно захотелось провести по ней ладонью.

Я поспешно отвела взгляд и только тут сообразила: Хен же зовет меня танцевать! Кивнула, отставила жбан, в который вцепилась, как собака в мозговую кость, и уже начала подниматься, как рядом со столом, как дух из-под земли, вырос Карин.

— Пойдем потанцуем, Сатьяна, — резко потребовал он, не обращая внимания на Хена. Даже больше — словно притворяясь, что никакого Хена тут нет.

Я растерялась. Если бы Хен не успел пригласить меня раньше, пошла бы с удовольствием. И если бы не видела, как Карин нежничает с Виспериной. Так что обстоятельства сложились не в пользу сокурсника. И, чувствуя на себе внимательный взгляд Хена, я виновато произнесла:

— Извини, меня уже пригласили.

Карин ничего не ответил, только прищурился и стиснул зубы — было заметно, как шевельнулись его желваки. Он провожал нас немигающим темным взглядом, а когда мы с Хеном влились в толпу танцующих, я успела увидеть, как парень сел на мое место и одним махом опрокинул едва ополовиненный жбан.

— Ого, а твой дружок, кажется, расстроился, — прокомментировал Хен.

Прозвучало это неделикатно и с неожиданными нотками веселья. Я вскинула укоризненный взгляд, но Хен только рассмеялся и подхватил меня за талию, а потом и вовсе закружил в ритме танца.

Некоторое время мы увлеченно отплясывали. Это был танец простонародья, где каждый двигался как мог, лишь бы попадать в такт. Кто скакал по-козиному, кто выделял сложные фигуры, кто чинно кружился на месте. Я бы тоже с удовольствием чинно покружилась, в кои-то веки чувствуя себя такой «девушкой-девушкой», но Хен не давал: то хватал и подбрасывал, заставляя взвизгивать, то исчезал в толпе, появляясь с неожиданной стороны, то плясал так, что вокруг нас образовывалось пустое место, а другие танцующие уважительно хлопали.

Наконец музыка переменилась, стала вальжной, медленной, скрипки запели нежно и тонко, а народ вокруг словно сам по себе стал рассыпаться на парочки. Я думала, теперь мы вернемся за стол, но Хен удержал меня за руку.

— Ты куда? — спросил он, задыхаясь, лицо у него было мокрое от пота, но глаза сияли. — Успеешь еще насидеться. Давай потанцуем как муж с женой.

Ясное дело, Хен смеялся, но на меня как ушат воды вылился. «Как муж с женой»! Это ж надо такое брякнуть. От смущения не знала, куда девать взгляд, и на негнущихся ногах послушно побрела следом. А Хен вывел меня чуть ли не в центр площадки и так тесно привлек к себе, что я почувствовала, как быстро колотится его сердце.

Голова моя и так кружилась от сидра и танцев, теперь и ноги ослабли, а мир завертелся перед глазами. От неожиданности я тихо всхлипнула и вцепилась в рубаху Хена — больше для того, чтобы устоять, а не потому, что так предполагалось в этом танце. Рубаха была насквозь мокрая и пахла чистым сильным телом. Горячие руки обвили мою талию, невольно заставляя прогнуться вперед.

Услышала, как Хен рвано вздохнул, тело его напряглось, но не знала, в чем дело, а смотреть на него боялась: вдруг поймет, как я себя ощущаю.

— Ты сегодня очень красивая.

Он сказал быстро, прерывистым шепотом, и от того, как это прозвучало и как горячее дыхание обожгло шею, мне показалось, что я сейчас умру.

Лидайя на моем месте, наверное, не растерялась бы и насмешливо спросила: а что, всегда не очень? Но меня сейчас хватало только на то, чтобы еле-еле переставлять ноги в такт плывущей над головами музыки. Ничего не ответив, кивнула, надеясь, что Хен не посчитает это слишком самоуверенным.

Некоторое время мы молча кружились в танце, и я постепенно успокоилась. Сердце по-прежнему лихорадочно билось в груди, нагнетая внутренний жар, но уже не так сильно кружилась голова, и не так горели щеки от дикого смущения.

Зато на первый план выплыли другие ощущения. Дыхание Хена, колышущее мои волосы, его лицо

совсем близко, щека к щеке, его руки на моей талии, стук его сердца, не сбавлявший ритма, хотя мы давно уже просто топтались на месте.

Близость Хена сводила с ума. Скосив глаза, я видела его четко очерченные губы, решительную линию подбородка с едва заметной ямочкой, крепкую шею и в распахнутом вороте мягкие тени на ключицах — и все сильнее становилось желание прикоснуться, губами ощутить жар и гладкость его кожи, лизнуть шею и ямочку между ключицами.

— Сатъяна... — прохрипел Хен.

Как зачарованная, подняла лицо, встретила его взгляд — какой-то не такой, как всегда, темный, затягивающий, — и даже не вздрогнула, не застеснялась, только внутри прокатилась томительная дрожь.

— Я тебя люблю, — вырвалось у меня само, на грани спирающего дыхания, эмоций, достигших высшей точки.

Я не собиралась признаваться, но все вокруг сыграло против меня: и эта наполненная запахами костра ночь, и веселье вокруг, и музыка, от которой остро и пронзительно сжималось где-то в глубине души, и присутствие Хена так близко, и его невозможный взгляд. Но стоило словам сорваться с губ, как я поняла, что совершила ошибку: взгляд его стал почти испуганным, Хен словно закаменел, отстранился, нервно облизал губы, будто у него вдруг пересохло горло. И ничего не сказал.

Я остановилась. Хен выпустил меня из объятий и выпрямился. Мы застыли друг против друга, как противники перед началом дуэли. И чем дольше Хен молчал, тем яснее я понимала, что значит его молчание.

Это отказ.

Это ясное «нет», такое ясное, как если бы было произнесено словами.

Обжигающий стыд взметнулся вверх по шее. Напряженный взгляд Хена, его опущенные руки, сжатые кулаки — видела все по отдельности, не замечая общей картины. В следующую минуту я уже бежала прочь, лавируя среди танцующих, врезаясь в чужие локти и плечи, на ходу извиняясь и не видя дороги из-за застилавших глаза слез.

Мне показалось, кто-то звал меня, но мне было не до того, чтобы останавливаться и выяснять кто. Тем более если это Хен — я бы сейчас не выдержала, вздумай он извиняться и объяснять, почему мы не можем быть вместе.

В одно мгновение преодолев половину стадиона, взлетела вверх по склону и, только очутившись рядом с общежитиями, в безопасной темноте, смогла перевести дыхание. Рыдания подпирали горло, и я непременно расплакалась бы, безобразно подвывая в голос, но сзади слышались чьи-то шаги и учащенное дыхание.

Затаилась в надежде, что неизвестный промчится мимо. Но это оказался вовсе не неизвестный. Лунный свет выхватил из темноты знакомые вихры и зеленые глаза на взволнованном лице.

— Что случилось? — не успев отдышаться, спросил Карин. — Этот козел тебе что-то сделал?

Он остановился напротив, сжимая кулаки. Я замотала головой. Трусливо обрадовалась, что не успела заплакать, слезы только выступили, а в темноте не сразу поймешь, слезы это или просто блестят глаза.

Карин некоторое время мерил меня взглядом, потом решительно схватил за руку.

— Тогда пойдем назад.

— Зачем? Я не хочу!

— Потому что ты обещала мне танец. Или ты только с ним танцуешь?

Прозвучало это столь враждебно, что я оторопела. Даже не возразила, что ничего не обещала. Карин потянул меня к стадиону, и лишь тогда я вырвалась.

— Не хочу, говорю же!

Он шагнул ко мне и выглядел при этом таким опасным, что я невольно отступила. Что с ним? Перепил? Сам флиртовал с Виспериной, так чего прицепился к этому танцу?

— Ты сказала, у вас ничего нет. — Карин неотрывно следовал за мной, глаза блестели едва

сдерживаемым гневом. — Тогда почему?

Я отступила еще на шаг и еще, пока не оказалась прижатой к забору. Карин качнулся ближе, поймал мои руки, придавил телом — я не смогла даже пинаться.

— Отпусти!

Почти вывернулась из захвата и ударила бы, но не успела. Лицо Карина приблизилось, и я почувствовала его губы на своих. Жаркое дыхание со слабым привкусом яблочного сидра опалило кожу.

— Перестань, что ты де...

Попытка избавиться от него словами потерпела неудачу. Даже хуже сделала, потому что Карин воспользовался этим, чтобы поцеловать меня по-настоящему — и так требовательно, так жадно, что внутри будто что-то екнуло, откликаясь. Всего на миг — в следующий я уже всадила кулак Карину под дых.

— И не приближайся ко мне! — крикнула уже в отдалении, пока парень пытался отдышаться: на одних инстинктах я усилила удар магией.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, помчалась к общежитию, яростно стирая с губ чужой поцелуй.

Какого Хагоса ему вообще вздумалось лезть ко мне целоваться?! Висперина себя целовать не дает, что ли? Еще раз попробует — убью на месте!

Ночью, словно почувствовав мое настроение, снова приходила белая ласка, а утром я проснулась неожиданно равнодушной и какой-то холодной. Мне по-прежнему было стыдно вспоминать о вчерашнем, о закаменевшем лице Хена и том тягостном молчании, но за ночь словно удалось закинуть эти воспоминания в глухой ящик и накрепко закрыть крышку. Я спокойно умылась, оделась, отзанималась в пустом зале, чувствуя себя почти как всегда. Опасалась немного, что на тренировку принесет Карина, но он не явился. Может, отсыпался после праздника, может, не хотел показываться на глаза после вчерашнего.

Вот и хорошо: я и сама-то не знала, как вести себя с ним. Если б было возможно, я бы вообще предпочла с ним не встречаться — по крайней мере хотя бы до того, как все забудется.

Но не встречаться с кем-то, если учишься с ним на одном факультете, очень сложно. На лекцию по животноводческой магии я прибежала за мгновение до сигнала, но сразу же увидела в аудитории знакомую черноволосую макушку. Помедлила, невольно ища взглядом свободное место, но Лидайдя, сидевшая через стул от Карина, уже увидела меня и махала вовсю, предлагая сесть рядом.

Хагос.

Чтобы не огорчать подругу и не вызывать ненужных вопросов, пробралась к ней. Вздернула нос: не к лицу Сатьяне Сантерн прятать глаза. Это Карин должен смущаться.

Впрочем, лекция началась, и мне стало не до Карина.

Я старательно корпела над записями, когда на стол упала скомканная бумажка. Шлепнулась она слева, прицельно направленная щелчком смуглых пальцев Карина.

Какое-то мгновение я сомневалась, читать или скинуть бумажку со стола. Потом вздохнула и развернула. Послание оказалось коротким: «Извини. Я идиот».

Пером нацарапала короткий ответ: «Да» и отложила записку на край стола. Ее тут же сграбастала костистая рука. Потом слева чуть слышно фыркнули.

Следующая писулька гласила: «Сильно злишься?»

Прочитав, пожала плечами. Отложила бумажку на край стола, не ответив. Сама не знала. С одной стороны — да, злилась, но больше на то, что Карин общался с Виспериной. Хотя я сама виновата, не сказала, что не переносу ее. Но меня раздражал сам факт, что человек, которого я практически считала другом, мог иметь какие-то отношения с этой заносчивой и глупой гусыней.

Но ведь не могу же поставить ему ультиматум: или Висперина, или я. Да и с целительницей у него, похоже, романтические отношения. А со мной... а со мной он просто перепил. Наверное.

Эта мысль тоже разозлила, так что я нахмурилась и заскрипела пером с двойным усилием.

Карин больше не писал — с видом заскучавшего ветерана разлегся на парте, а потом вообще,

кажется, заснул, спрятав лицо в сгибе локтя.

После лекции мы с Лидаей вышли в холл. У доски объявлений наблюдалось столпотворение, слышались возбужденные выкрики. Там были не только боевики, но и ребята с других курсов. Все толклись, пытаясь заглянуть в лист, закрепленный в самом центре. Из-за чужих голов я видела только слово «Внимание!», написанное большими красными буквами.

— Пойдем глянем. — Высокая стройная Лидая взяла меня на буксир и, словно ножом, рассекая толпу собственным телом, в один миг оказалась рядом с доской. По-свойски толкнула меня вперед, сама встала за спиной, читая поперек моей головы.

Я впиалась взглядом в строки.

«Объявляется начало отбора на первый тур межкакадемических соревнований. К участию допускаются студенты первого и второго курсов любой специальности.

В финал выйдут первые пятеро по каждой из выбранных категорий: ближний бой, дальний бой, целительство, магия стихий, животноводство. Вышедшие в финал получают право участвовать во втором, групповом туре отбора. Победившие во втором туре будут представлять Академию Трех Сил в межкакадемических соревнованиях следующего года.

Первый тур начнется после осенней сессии, запись для участия проводится на кафедре стихийной магии».

Рядом висело похожее объявление, но для третьего курса, там было уже о групповом отборе.

Я невольно облизала губы. Лас наверняка участвует. На первом курсе он дошел до середины, на втором вошел в пятерку лидеров. В этом году поклялся, что завоюет с группой призовое место. А я? Я...

Вокруг орали на разные голоса. Кто-то радовался, кто-то твердил, что все равно нет смысла, какой-то парень с курса артефакторики возмущался, что артефакторов среди категорий отбора нет, на что ему отвечали, что артефакторика — мирная профессия. Правда, кто-то другой тут же возразил:

— Можно и артефакторам, только пойдешь как стихийник или целитель. Или боевик. Если твои артефакты достаточно хороши, конечно.

Тут же чей-то высокий обиженный вопль:

— Вам, артефакторам, хорошо, а нам, зельеварам, что делать?

— Как что? Увидишь противника — ставь котел на огонь!

Грохнул взрыв смеха.

— Первокурсникам можно не беспокоиться, — проронила Лидая. — Разве что ты — клановый. Да и то — бороться-то придется со второкурсниками, а там тоже клановых хватает.

— А я попытаю удачу, — раздался рядом голос Карина.

Метнула взгляд в его сторону. Парень, подняв лицо к доске, сосредоточенно изучал текст объявления. Словно почувствовав, что я на него смотрю, повернулся.

— А ты?

Пожала плечами.

Говоря начистоту, Лидая была права — неклановым первокурсникам ловить нечего. Но я-то клановая. Да дело даже не в этом — пусть я никуда не пройду в этом году, зато в следующем, когда буду уже на втором, стану сильнее. Такой опыт нельзя упускать.

— Ты решился? — с сомнением протянула Лидая. — А по какой категории пойдешь? Лук или меч?

Карин открыл было рот и осекся, на лице появилось озабоченное выражение.

— Еще не знаю, — буркнул он. — Сегодня решу.

— Иди лучником, конкуренция меньше.

Тот только небрежно шевельнул плечами. Нахохлился и ушел.

Еле высидев следующую лекцию, я полетела на кафедру стихийников — записываться.

В отличие от Карина передо мной проблема выбора не стояла. Меч и только меч. Переждав небольшую очередь, быстро накорябала свое имя, а потом устроилась в коридоре на подоконнике, сосредоточенно пытаюсь почувствовать добытый в сражении с сороконожкой магический меч. И вчера вечером, и сегодня утром пыталась его призывать, но пока особых успехов не было.

Представив, что заглядываю вглубь обвившего запястье дракончика, мысленно зашептала: «Мечик, миленький, выходи скорее. Нас ждут такие свершения, не время медлить». Поначалу не чувствовала вообще никакого отклика, но минут через десять руке стало тепло, будто сущность соизволила прислушаться. Я воспрянула духом и уже хотела было обрушить на дракончика новую горячую тираду, но тут по коридору пронесся усиленный магическим заклинанием рупора голос:

— Сатьяна Тайсен. Сатьяна Тайсен. В кабинет декана боевой магии, немедленно.

Я окаменела. Выпучила глаза, глядя вверх, откуда лился звук, словно ожидала увидеть там самого мастера Верта. И только через полминуты, когда голос замолк, опомнилась и вскочила.

Хагос, что я натворила? Что декан узнал? Неужели что-то насчет Хена? Или Карина? Или хочет запретить мне участвовать в турнире? Ни за что не подчинюсь!

Прибежала растерянная, но готовая сражаться. Секретарь декана молча кивнул мне на дверь, я раскрыла ее, влетела в кабинет — и оторопела, увидев у окна странно знакомую женщину с роскошным меховым палантином на худощавых плечах.

И тут она обернулась.

— Мама!

На миг я растерялась от чувств, захлестнувших меня с головой. Там были изумление и страх, и тревога, и радость — видеть родного человека. Впрочем, последняя исчезла без остатка, когда мать подошла ко мне и с ходу отвесила пощечину.

Кожу обожгло, я заморгала, на глаза навернулись слезы — больше от неожиданности и обиды, чем от боли.

Родительница не дала мне опомниться, зачастила высоким пронзительным голосом:

— Да как ты посмела выскочить замуж без разрешения?! И за кого? С кем ты связалась?

Я стояла молча, прижимая руку к горевшей щеке. Только стискивала зубы, хотя не собиралась отвечать. Просто от бессилия и злости.

— Ар-теранна Сантерн, позвольте вам напомнить: теранна Тайсен теперь принадлежит другому роду, — вполголоса заметил декан. — Вы можете выдвинуть его главе официальную претензию, но применять физическое и психологическое давление я вам не позволю. Сатьяна, ты вправе уйти.

Мать задохнулась от гнева. На щеках полыхнул румянец, глаза негодуя заблестели. Она открыла рот, но, поймав предостерегающий взгляд декана, замолчала, хотя было видно, что не утихомирилась.

Я с трудом ответила:

— Спасибо, декан Верт. Все хорошо.

— Пойдем-ка. — Мама решительно подхватила меня под руку. — Подумать только, мне запрещают говорить с собственной дочерью! Я еще посмотрю, я еще разберусь, кто позволил тебе учиться на этом ужасном и опасном мужском факультете. Скорее развод и домой... Нет, сначала домой, там со всем разберемся.

— Мама!

Дверь распахнулась навстречу, мы испуганно отшатнулись. На пороге вырос Хен.

При виде его внимательных синих глаз у меня болезненно дернулось сердце. Сразу вспомнилась прошлая ночь, как я замирала в его объятиях, как щекотало шею жаркое дыхание, а от сидра кружилась голова. А потом — то загнанное выражение на лице Хена, когда он выслушал мое неловкое признание.

Кровь прилила к щекам, стало жарко. Я бы отвернулась, но с каким-то острым удовольствием наблюдала, как Хен быстрым взглядом окинул кабинет и, миг сообразив, в чем дело, сосредоточил внимание на матери.

Интересно, он сам прибежал спасать меня? Или вызвали? Второе вернее.

— Добрый день, очень рад встрече. — Он взял руку оторопевшей родительницы и церемонно ее поцеловал. — Я еще тогда удивился, какая у Сатьяны молодая и прекрасная мама. С тех пор вы только еще больше похорошели. Истинное счастье, что ваша дочь так похожа на вас.

Мать изумленно раскрывала и закрывала рот, глаза ее стали огромными и совершенно обескураженными. Еще бы: лишь сейчас я вспомнила, что они с Хеном уже виделись, просто она не сопоставила имя моего мужа с беловолосым вендайцем, так щедро оплатившим наши покупки.

Хотя я и сама слегка обалдела от легкости, с которой Хен буквально разливался соловьем. И звучали его тирады, словно он и в самом деле так думает, будто и впрямь ряд встрече, и смущен, и весь пропитан уважением и благоговением.

— Ты... вы... ты... что? Это что, был фарс? — Мать вырвала руку и обернулась ко мне.

Я не сразу поняла: она решила, будто мы с Хеном уже были знакомы и разыграли сценку, чтобы мама прониклась к Хену симпатией? Замотала головой, внутренне напрягаясь. С матери станется подумать, что и кошелек вытащила я. Сейчас получу вторую пощечину.

— Что вы! — патетично воскликнул Хен. — Но с той встречи я не смог ее забыть. — И он ободряюще улыбнулся мне.

Я вспыхнула и отвернулась, сжав кулаки. Даже не знала, чего во мне больше: злости, что он издевается, или желания хотя бы на миг поверить, что это могло быть правдой. А Хен все продолжал вешать матери лапшу на уши:

— ...а потом мы оказались в одном караване и...

Она прервала его на полуслове:

— Сумасшествие! Да кто вы такой? По какому праву вы посмели ребенка обмануть, увести из семьи, втянуть в свои грязные...

— Мама! — прошипела я.

Было безумно стыдно, что она так называет меня при Хене. Тем сильнее, что проскальзывала мыслишка, что он тоже считает меня ребенком.

Хен выпрямился, будто опомнившись.

— Да, конечно. Позвольте представиться официально: Хеннай Тайсен, глава рода Тайсен из Вендая. Наш род малочисленный, но у него долгая и славная история. И мы стоим горой друг за друга. Впрочем, что это я все о себе. Безумно рад, что вы отважились проделать такой путь. Дорога, должно быть, вас утомила? Я знаю заведение в городе, там очень вкусно готовят, буду рад пригласить вас. Разумеется, я все оплачу. Это только доля благодарности вам за ваш приезд.

Мать от такого напора обомлела и даже не сопротивлялась, когда он повел ее из кабинета. На выходе Хен кинул на меня непонятный взгляд. То ли проверял, что я в порядке, то ли боялся, что устрою скандал.

— Сатьяна! — спохватилась родительница, и я, отвесив короткий поклон декану, выскочила за ними следом.

Чувствуя себя третьей лишней и страстно желая оказаться где-нибудь в другом месте, пристроилась рядом с мамой. Хен шел с другой стороны от нее и не переставал заливаться. Рассказывал про семью, которая ничем особенно не известна, разве что умеет зарабатывать, про свои перспективы, про то, что его уже зовут после окончания академии в одну слаженную группу. Я все это слышала в первый раз, и было обидно: мы уже больше месяца знакомы, но ни про его семью, ни про его планы я почти ничего не знала.

У ворот академии мы встретили Ласа. Мать тут же накинулась на него с упреками, но от беспрестанной атаки Хена пыл у нее явно поубавился. Тут же выяснилось, что Вейс с группой на практике, передает привет. Я ему молча позавидовала: заложил меня матери, а сам смотался, даже встречаться с ней не пришлось.

Выйдя за пределы академии, мы как-то сами собой разбились на пары: впереди мама с Хеном, следом мы с Ласом. Хен не умолкал, мама постепенно освоилась настолько, что начала закидывать его вопросами. Мы с Ласом молчали.

Я еще обижалась, что с того времени, как вскрылось мое замужество, он вообще со мной не общался, хотя с Хеном, похоже, помириться успел. И когда Лас заговорил, только зыркнула на него

исподлобья.

— Не волнуйся, он ее заболтает.

— Она все равно ничего не может мне сделать, — возразила. — Я теперь в другом роду.

— Не скажи. У клана длинные руки и много знакомых, которые нам так или иначе обязаны. И при желании мать может сделать так, что вам после окончания учебы придется тяжело.

— Тогда уедем из Морвенны, — сказала из чистого противоречия.

— Да? Куда? — ухмыльнулся брат. — В Имерию? Думаешь, они дадут вам пересечь границу?

Отвечать на подначку не стала. Ясное дело, в Имерию хода нет, обитателей Морвенны туда не пускают. Да и у нас имерцев ловят и уничтожают. Впрочем, зачем нам в Имерию, когда можно затеряться на диких землях — в жизни никто не отыщет. В смысле — кроме тварей.

Но, кажется, судя по тому, как Хен обрабатывает мать, бежать никому никуда не придется. Выбранное заведение находилось недалеко от академии, но мы все равно сели на извозчика, чтобы с помпой проехать пять минут, а не идти пешком пятнадцать. Мне показалось, он сделал это специально, чтобы пустить матери пыль в глаза, и я с мысленным вздохом отметила, что мой долг снова вырос.

Мама настолько смягчилась, что, когда мы вошли в ресторан, настояла, чтобы мы с Хеном сели рядом напротив них с Ласом. Все бы ничего, если бы сидеть не пришлось на диванчиках, таких узких, что я чувствовала, как бедро Хена прижимается к моему.

И тут началась настоящая пытка. Как будто мало было, что нас усадили рядышком, как цыплят в корзинке, так мама еще и принялась выпрашивать щекотливые подробности.

— И кто же кому признался первый?

Я сглотнула. Показалось, что кожей ощущаю горячий взгляд Хена. Наверное, надо что-то сказать... Но не успела придумать, что именно, как спокойный чуть хриловатый голос уже отвечал:

— Я. Буквально в тот же день, когда увидел ее в караване. Решил, что это судьба. Но Сатьяна всадила мне кулак в живот, так что пришлось начать осаду.

— Осаду? Но вы же поженились почти сразу! По-моему, тебе не пришлось долго ее обхаживать. — Мама усмехнулась и метнула на меня короткий острый взгляд. Мне почудилось в нем странное понимание, как будто она прониклась рассказом и мысленно согласилась, что я и правда вряд ли могла бы устоять.

— Я понял, что хочу, чтобы она стала моей женой, как только увидел.

Хен пожал плечами. Я почти видела смущенную усмешку на его лице, хотя на него не смотрела. И очередной удивленно-понимающий взгляд матери выдержать была не в состоянии. Уставилась в тарелку густого супа-пюре с зеленой веточкой петрушки.

— И что же, любовь не позволила подождать? Нет, я понимаю, почему Сатьяна выскочила за тебя — назло мне, да и голову ты ей вскружил, наверное, она у меня девочка легкомысленная, одни романтические бредни в мыслях. Но ты же старше ее, почему не попросил сначала представить родителям?

В голосе мужа появились виноватые нотки.

— Вы совершенно правы, поступил непростительно. Вообще отказало умение мыслить... Думал только о том, что она согласилась, и боялся, что передумает. Вот и...

Я снова почувствовала, как он повернулся и смотрит в мою сторону. Спрятала руки под стол, потому что смертельно захотелось Хену врезать. Просто за то, что знает, что это неправда, знает, что это я в него влюбилась, а не он в меня, и так спокойно, как ни в чем не бывало, рассказывает — а мама верит!

А он все продолжал:

— ...поступок глупый и необдуманный. Так что теперь я очень рад, что смог встретиться с вами и принести свои извинения. Если уважаемые родители Сатьяны и ее родственники не возражают, мы могли бы приехать к вам на праздники Начала зимы и получить ваше официальное благословение. Чтобы сделать все как следует. Я хотел бы выплатить вено.

Подняв глаза, увидела, как мамино лицо вспыхнуло жадностью. Она сразу постаралась вернуть себе

невозмутимость, но я слишком хорошо ее знала, чтобы обмануться. Родительница обожала тратить деньги. Постоянно выходила из семейного бюджета и ссорилась с папой, когда он ловил ее на этом. А вено — выкуп за невесту — она с абсолютно чистой совестью может объявить полностью своим. Вот когда мы платили за жену Аттера, пришлось раскошелиться папе — это же семейное дело.

Так что Хен угадал со стратегией.

— Конечно, приезжайте! Будем рады, — мама расплылась в улыбке.

Я чуть не застонала вслух. Такими темпами я никогда с Хеном не расплачусь, даже окончив академию.

Ну нет, никакого визита на праздники! Просто не поеду домой, и все. А то с Хена и впрямь станется выложить деньги, причем с таким видом, словно ему это ничего не стоит.

В дальнейшей беседе я не участвовала. Молча выхлебала суп, молча одолела запеченного с сыром карпа, гарнир и салат. Мама с Ласом и Хеном болтали об обучении в академии. Речи о переводе к «рыбакам» не заходило, и на том спасибо.

Наконец мама заметила, что я не в духе. Спросила с легким недоумением:

— Сатьяна, ты чего такая унылая? Недовольна, что я приехала? Ну, знаешь, если бы ты сразу написала, мне бы не пришлось тащиться сюда через все земли!

Ага, конечно. Если бы я написала, она вылетела бы сюда в тот же день, когда получила письмо. Я же не Хен, у которого все звучит так гладко, что только диву даешься.

И в ответ только криво пожала плечами.

Мама не успокоилась:

— И вообще что-то ты не выглядишь счастливой влюбленной. Сидишь с мужем рядом, как с чужим человеком, — засмеялась, будто удачно пошутила, а я испугалась, что сейчас она все поймет.

Заставила себя вскинуть глаза на Хена. Он посмотрел на меня — внимательно и испытующе. Почувствовала, как на плечи легла тяжелая рука. Сердце сразу рванулось, застучало, как сумасшедшее. Я уставилась куда-то вниз, а Хен привлек меня к себе и легонько поцеловал в висок. От прикосновения теплых мягких губ по телу хлынули мурашки, в животе словно тугая пружина закрутилась, а он все не спешил меня отпускать, будто наслаждался близостью, глубоко вдыхал мой запах и продолжал легонько касаться губами виска.

Я заставила себя остаться на месте только потому, что мама с Ласом наблюдали за нами. Брат, правда, отвел глаза, но мама смотрела вовсю с улыбкой на губах.

— Вот теперь вижу, что передо мной влюбленные голубки, — удовлетворенно проговорила она.

Хен отпустил меня, до слуха донеслась слабая усмешка. Я продолжала сидеть, уткнувшись взглядом в пол, сжав кулаки, чувствуя, как щеки пылают от смущения.

Ох, как бы мне хотелось поверить, что Хен не притворяется. Если сейчас предложили бы сделку: я узнаю его настоящие мысли и чувства, а взамен буду обречена на вечную кабалу — подписала бы этот договор на месте. Но увы, такого доброжелателя не существовало.

Когда после обеда мы вернулись в академию, мама вдруг взяла Хена под руку.

— Хеннай, проводи меня к ректору. Нужно кое-что обсудить.

Меня это насторожило, но Хен подмигнул, мол, не волнуйся.

Мама обняла нас с Ласом, сообщила, что зайдет позже, и упорхнула вместе с Хеном.

— Зачем ей к ректору? — спросила подозрительно, провожая ее взглядом.

Лас фыркнул:

— Да просто предлог. Ты что, маму не знаешь? Жаждет остаться с твоим мужем наедине, обсудить сумму выкупа. Хотя, может, и из ректора чего вытянет...

Хагос! Лас прав — в этом вся мать. Она даже не задумалась о том, чтобы вернуть Хену деньги, которые он на нас потратил. Нет, вместо этого она собирается взять с него еще.

Ну уж нет, не позволю. Костями лягу, но не пушу Хена к нам, что-нибудь придумаю. Поеду одна или не поеду вообще.

Когда мы поднимались по склону, Лас вдруг сказал:

— Ты знаешь, я поначалу был настроен резко против. У вас все очень внезапно случилось, мы были уверены, что он чего-то от тебя добивается. Настроил тебя против нас. А сейчас... Вижу, что он и впрямь хороший парень и любит тебя. И это нормально — заплатить выкуп за жену. Не волнуйся, совсем без штанов она его не оставит. Он...

Слова «любит тебя» ударили меня, как топором. Я перебила Ласа на полуслове:

— Он это сам сказал?

— Ну не прямо так, но это видно. Глаз с тебя не сводит, чуть глянет — сразу улыбается.

«Потому что считает меня маленькой дурочкой», — угрюмо dokonчила я про себя.

— Он интересуется тобой, заботится, побежал в деканат, как только услышал от меня, что мать туда пошла. А что? Поссорились? — Лас насторожился, будто готов был бежать отбивать меня у Хена.

— Нет, все хорошо, — выдавила улыбку.

Впрочем, сильно напрягаться не пришлось: новость, что Хен помчался выручать меня по собственной воле, и вправду обрадовала. Пусть он и не воспринимает меня как девушку, по крайней мере нашу дружбу мое признание не испортило.

Вечером мама, как и обещала, заглянула ко мне. Чуть поморщила нос, рассматривая скромную обстановку, но придирается не стала. Уселась на кровать, похлопала по покрывалу, чтобы я села рядом, и начала:

— Что ж, кажется, все не так плохо, как думалось. Я, конечно, все равно не одобряю твоих поспешных самовольных решений, но теперь хотя бы понимаю, почему ты так поступила. Такой роскошный мальчик зовет замуж, как тут устоять, да? — Легко толкнула меня плечом и улыбнулась. Добавила со вздохом: — Какая же ты у меня еще маленькая. Но я рада, что он, по крайней мере, не какая-то шваль, а достойный человек. Я расспросила декана целителей, говорит, он на хорошем счету. Правда, часто пропускает лекции. Я так понимаю, ради тебя? Устраиваете свидания? — Она усмехнулась, а я кивнула, хотя слышала об этом впервые. — Ты смотри, учись как следует. А то, может, все же перейдешь к стихийникам?

Я упрямо покачала головой. Повезло, настаивать мать не стала. Произнесла задумчиво:

— Жаль, конечно, что он не ар-теран. Я мечтала, что ты станешь частью сильного клана. Но зато он глава, что тоже неплохо. И деньги у них водятся, бедствовать не будешь. Но если что — возвращайся.

Я даже растрогалась, хотя отлично понимала, что это мама говорит сейчас, а если и впрямь вернусь, то снова начнет придумывать, как повыгоднее меня пристроить да распланировать мою жизнь.

И тут со стороны окна послышался шорох.

Я по привычке оставляла небольшую щель, чтобы ласка могла пролезть. Вот и сейчас знакомая остроносая мордочка просунулась внутрь. Я хотела вскочить с постели, но мама выставила руку.

Ласка увидела ее, мигом отпрянула и попыталась сбежать. Не тут-то было — сияющий голубой шар преодолел оконное стекло и распустился плотной сеткой, спеленав ласку от мордочки до кончика хвоста. Мощный порыв ветра распахнул окно и внес зверька внутрь, прямо в руки матери.

Вернее, не совсем в руки — ласка зависла в воздухе перед лицом мамы, судорожно перебирая лапками, словно пытаясь найти опору. Шерстка распушилась, маленький рот отчаянно скалился.

— Эт-то еще что такое?! Сатьяна!

Мама вскочила и метнула на меня гневный взгляд. Я пожала плечами, не понимая, из-за чего она злится.

— Отпусти, это просто ласка. Она безвредная.

— Просто ласка? Просто ласка! — презрительно фыркнула. — Это же та самая, что преследовала

нас дома, в Лорейле! Хочешь сказать, нет?

Я примирительно пожала плечами.

— Не знаю, мам, на ней не написано. А даже если та самая? Она не делает ничего плохого. Это же не тварь, на академии стоит защита.

— Какая ты наивная, Сатьяна, — сказала вдруг мать с пронзительной жалостью. — Ну какой из тебя лидер группы? Может, все-таки переведешься на магию стихий, пока не поздно? Там тебя хотя бы научат отличать обычное животного от привязанного.

Ласка замерла. Мне показалось, в глубине черных глаз метнулась паника. Стало ее жаль, но одновременно с жалостью я почувствовала тревогу. Неужели мама права? Говоря начистоту, зверушка и впрямь вела себя странно. Но я давно выбросила из головы мысль, что она может быть чьим-то шпионом, ведь фамильяры не могут далеко отходить от своих хозяев. Так и сказала маме, но она покачала головой.

— Значит, хозяин где-то рядом.

— Где? Стоит внизу? — Открыла окно и демонстративно высунулась наружу. — Пятый этаж! Или ты думаешь, за нами в Лорейле следил кто-нибудь из моих соседок? На этом этаже одни первокурсницы.

Мало того, маг-животновод должен был ехать с нами в одном караване, ведь ласка привязалась ко мне еще в дороге. Первокурсников там, кажется, не было. Впрочем, не факт: я-то постоянно держалась вместе с братьями и Хеном. Однако сомнительно, чтобы среди них вдруг оказался животновод, которому зачем-то вздумалось за мной шпионить. Прежде всего — зачем?

— Значит... — мама, прищурившись, уставилась на ласку, — значит, хозяин внутри нее. Животноводы могут сливаться со своими фамильярами. А тогда...

Глаза ее торжествующе сверкнули. Взмах пальцев, искусное движение кистью — и из ниоткуда возникла мерцающая петля. Ласка обвисла в воздухе, обреченно глядя на ее приближение. Я не выдержала и схватила мать за руку.

— Что ты делаешь? Не убивай ее!

— Не собираюсь я убивать, глупая, просто запрю сущность мага внутри нее. Ты ведь там, да, шпионишка? Или покажешься по доброй воле?

Я уставилась на ласку со смешанным чувством страха и волнения. Неужели сейчас она действительно обратится человеком? Я только один раз видела, как животновод сливается вместе со своим животным, но это был огромный медведь, а не маленькая ласка.

Пара жестов — и ошейник юркой змейкой сам скользнул на шею зверька, обвился вокруг и успокоился, став обычной на вид перламутрово-белой лентой. Махнув рукой, мама вытянула из ленты мерцающую нить и хотела было привязать себе на запястье, но поймала мой взгляд, поморщилась и кинула нить мне.

— Это цепь, привяжи к своей ауре, чтобы шпионишка не сбежал. Он трусоват, раз уж появиться смелости не хватило. Завтра пойдешь на кафедру животноводства и потребуешь, чтобы они вытащили мага из этой белой шкурки. Я бы сама сходила, но обещала твоему отцу, что вернусь через три дня. Ты поняла? Завтра же!

— Поняла, — пробурчала, вплетая нить в ауру.

Только теперь начала понимать масштаб катастрофы. Может, мама и ошибается, но если права, то это кошмар. Я что, все это время спала с неизвестным магом? Хагос, и переодевалась без малейшего смущения! И брала ласку к себе под одеяло, и щеголяла при ней в ничего не скрывающих маечке и шортиках. И вообще не следила ни за поведением, ни за собственным языком, молчала все, что только приходило на ум.

И... тысяча тварей на мою голову, я же рассказывала ей про Хена!

Нет, конечно, в этих сведениях нет ничего важного, это же не семейные секреты. Но при мысли, что все это время мои сокровенные излияния слушал какой-то незнакомец, стало и стыдно, и страшно.

— А они точно смогут разобраться, кто это? — Я отвернулась от умоляющих черных глазок. — Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь пострадал.

— Не волнуйся, — мать хищно усмехнулась, — пострадает только клан, осмелившийся заслать к нам

лазутчика. Проследи, чтобы все было тщательно зафиксировано. Мы еще возьмем с них такое возмещение, что пожалеют, что вообще посмели сунуть к нам нос.

Мановением руки она отправила ласку за окно, подвесив снаружи в магической сетке, и закрыла стекло непроницаемой для прослушивания пеленой. После этого мы снова уселись на кровать, и мама еще несколько раз повторила, что мне делать завтра, как выдвинуть формальное обвинение, и велела отписаться сразу, как только выяснится имя посмевшегося шпионить клана.

Вместе мы немного поломали голову над тем, почему ласка прибилась именно ко мне. Мать предположила, что я показалась ей, вернее, ее хозяину, самой доверчивой, и я скрепя сердце была вынуждена согласиться. Ни Лас, ни Вейс ни за что не стали бы доверять свои переживания подозрительному животному.

Впрочем, утешала мысль, что никаких по-настоящему важных клановых секретов я ласке не рассказывала, только свои переживания и мысли по поводу Хена.

Уезжала мама с первым же караваном, так что подняться пришлось ни свет ни заря. Ласку я взяла с собой, чтобы сразу после проводов пойти на кафедру животноводства. Мама сказала, что лучше управиться с этим делом до начала лекций?

Лас уже отирался рядом с воротами, а Хен запаздывал.

— Где же Хеннай? — спросила мама почему-то у брата.

Тот пожал плечами.

— Я его со вчерашнего обеда не видел.

Мама обернулась ко мне.

— Я тоже не знаю. Может, забыл, что ты уезжаешь?

— Да как же забыл, когда я ему вчера три раза напомнила. Странно, мне показалось, он довольно вежливый молодой человек, неужели не появится?

Я оглянулась на широкую осиновую аллею. По случаю раннего часа на ней не было ни души. Действительно странно. Не похоже на Хена: он вчера так старательно обхаживал маму, нелогично, чтобы пропустил ее отъезд. Это же испортит все его вчерашние завоевания.

И тут на аллее показалась несущаяся во всю прыть длинная худоцавая фигура. Белоснежные волосы трепал ветер, но я и без этого узнала Хена: сердце екнуло и застучало быстрее.

— Прошу прощения! — закричал он издалека. — Проспал!

Подбежал к нам, остановился и скосил глаза на ласку у меня на руках. Ничего не сказал, но взгляд выражал недоумение.

— Ничего страшного, — мама была неожиданно любезна, — молодые должны хорошо выспаться. О, а вот и мой фургон.

К воротам как раз подъезжала громоздкая махина, чуть покачиваясь на черных высоких колесах. Мама не стала терять времени, попрощалась как-то особенно ласково, поцеловала меня в лоб, сказала, хитро блестя глазами, что желает нам счастливой семейной жизни и ждет на праздники. Начала зимы.

Хен заверял, что мы обязательно приедем, я молча кивала. Про себя думала, что уж чего-чего, а Хена домой не потащу. Не хочу, чтобы ему пришлось платить за наш ненастоящий брак.

Мама забралась в фургон, чемоданы забросили на крышу и крепко привязали. Внизу в окне показалось мамино лицо. Она замахала нам затянутой в перчатку рукой.

У меня почему-то защемило в груди. Странно, вроде бы радоваться надо, я снова остаюсь одна. Продолжу учиться на любимом факультете, меня не развели с Хеном, все уладилось просто замечательно, но все равно нахлынула грусть.

Как будто это последний раз, когда я почувствовала себя маминой девочкой, маленьким детенышем. Будто теперь меня точно отпустили во взрослую жизнь, с благословением, с любовью, но дороги назад уже нет. И я почти влезла на столб ворот, чуть ли не на колени каменному стражу, и махала, пока фургон не скрылся из виду, не обращая внимания на косые неодобрительные взгляды истуканов.

Лас быстро попрощался с нами и, позевывая, заявил, что идет досыпать. Мы с Хеном остались одни, и меня снова одолело смущение.

Чтобы избавиться от него, я перехватила ласку по-другому, якобы чтобы размять руки, а на самом деле — с целью обратить на нее внимание Хена. Хотелось найти какой-нибудь безобидный предмет для беседы. Уловка сработала.

— Что это у тебя? Обзавелась питомцем?

Я покачала головой. Рассказывать все начистоту не хотелось, почему-то сегодня мамина шпионская теория казалась сомнительной. Ответила расплывчато:

— Несу на кафедру животноводства. Надо кое-что проверить.

— И в чем ты подозреваешь бедное животное? — усмехнулся Хен. — Дай поддержать.

Я передала ласку в протянутые руки. Что она убежит, не беспокоилась: цепь, крепко ввязанная в ауру, была на месте. Белый зверек в руках Хена притих и казался совсем маленьким.

Хен осторожно погладил ушастую головку. Ласка прижмурилась, уткнулась носиком в его ладонь, высунула тонкий розовый язычок и лизнула.

— Ведет себя как обычное животное... — прокомментировала я вслух.

— А на самом деле необычное? Расскажи.

Я промолчала, и Хен догадался сам.

— Думаешь, чей-то фамилляр? Тогда хозяин должен быть где-то рядом, — он протянул мне ласку обратно. — Может, вы с мамой ошиблись? Она же велела тебе проверить?

Пожав плечами, осторожно взяла легкое тельце. Ласка, словно смирившись со своей участью, прильнула ко мне, устроила голову в сгибе локтя и почти по-человечески вздохнула.

Мы с Хеном шли по направлению к учебным зданиям. Я, как и хотела, на кафедру животноводства, а Хен, видимо, просто составлял компанию.

Как всегда с ним рядом я чувствовала себя не в своей тарелке, внутри все бурлило от волнения и смущения. Особенно когда разговор иссяк. К слову, это тоже было немного странно, обычно Хен не молчал: болтал, шутил, подкалывал. А тут Шел бок о бок, бросал изредка взгляды и не на Шутку этим смущал. Хагосов муженек.

Когда мы дошли до учебного корпуса, он приглашающе открыл мне дверь. Едва я поставила ногу на крыльцо, Хен взял меня за локоть, теплыми шершавыми пальцами мазнув по коже, и по спине и позвоночнику мощной лавиной прошла волна мурашек. В тот же момент ласка вдруг напружинилась и резко оттолкнулась от меня всеми лапами.

Прыжок был отчаянный, дикий. Ласка взвилась в воздух, вытянулась стрелой, хвостик затрепетал на ветру. Приземлилась она в десяти шагах и тут же юркой белой молнией метнулась по двору и мгновенно исчезла где-то в кустах.

— Стой!

Бросилась за ней, потом вспомнила про цепь, натянула... Чтобы обнаружить, что к ауре привязан лишь жалкий огрызок, на глазах истончающийся и рассыпающийся прахом.

— Хагос!

Я остановилась, сжимая кулаки. Ужасно хотелось запустить в кусты какое-нибудь боевое заклинание. Перехитрила! Да как только смогла?! Точно внутри какой-то маг! И ведь мама не подозревала о такой возможности, иначе обязательно предупредила бы!

— Мы ее найдем, она не успела далеко убежать.

Я покачала головой. Хен не знает, сколько раз я пыталась ее поймать, и то когда ласка не подозревала подвоха. Теперь она вообще ко мне не подойдет.

Мы все же пошарили по кустам, но, как я и думала, безрезультатно. Ласка пропала, не оставив ни следа, ни даже клочка белой шерсти на ветках. Сбежала. Вернется теперь в свой клан, там хозяина высвободят из тела фамилляра.

— Не огорчайся, — утешил Хен, когда стало ясно, что зверька мы не найдем. — Она же не сделала

тебе ничего плохого, насколько я понимаю? Ну вот, значит, тот человек не хочет тебе плохого. А ты теперь знаешь, предупреждена и вооружена. Я тоже буду посматривать.

Кивнула. Хен был прав. Теперь глаз не спущу с каждого мага, даже стихийника, которому только вздумается ко мне приблизиться. Обязательно выясню, кто это.

— О, супруги Тайсен! — раздался сзади смутно знакомый голос.

Мы с Хеном одновременно обернулись. Перед нами стоял одетый с иголки ректор — в вышитом серебром жилете, с перекинутым через руку плащом, даже с тросточкой в руке.

— Здравствуйте, ректор Магрус, — поздоровались мы в унисон.

— Очень кстати я вас встретил, — заулыбался он. — У меня для вас прекрасная новость. Хотя, быть может, вы уже в курсе?

Мы переглянулись. Хен пожал плечами, я повторила его жест.

— Удалось найти для вас комнату. Точнее, даже отдельные покои в общежитии для приезжающих команд. Там все удобства: спальня, кухня, гостиная, ванная и так далее. Хотя... ну как удалось, — ректор засмеялся. — Скажу честно, если бы не Настоятельная просьба вашей, студентка Тайсен, уважаемой матушки, это было бы нелегко... Но, как бы то ни было, сегодня вечером вы переезжаете. Что такое? Не вижу радости на лицах?

Хен глянул на меня, расплылся в улыбке. Даже его живая мимика подвела, улыбка вышла натянутой. Я тоже попыталась улыбнуться, чувствуя, как густая краска заливает лицо, а волосы от ужаса встали дыбом. Общая ванная? Общая спальня?

Вот ведь мама! Оказала, называется, услугу!

Я не хочу жить с ним в одной комнате! Он мне не настоящий муж! Он парень, который мне нравится и который не в состоянии ответить на мои чувства! Как я буду спать с ним в одной постели?!

— Ничего себе...

Ректор не преувеличил, покои впрямь оказались роскошными — особенно по сравнению с узкой комнаткой, в которой я жила раньше. Небольшая прихожая — с комодом для обуви и пуфиком, чтобы удобнее было ее надевать — вела в гостиную, тоже сравнительно небольшую, но очень уютную, с кухонным уголком, который от основной зоны отделяла высокая стойка с двумя табуретами перед ней. Еще в гостиной стояли два письменных стола и два высоких стеллажа для книг, посередине — небольшой обеденный стол с двумя стульями. Широкое окно выходило на увитый плющом балкончик, общий со спальней, так что, выйдя на него из гостиной, можно было зайти в спальню, если, конечно, дверь не была заперта.

А уж спальня с ложем практически во всю комнату вообще заставила меня покраснеть. Были, конечно, еще две тумбочки и огромный встроенный в стену шкаф, но кровать под темно-зеленым бархатным балдахинном с лихвой перетягивала на себя все внимание. Широченная, не дву-, а скорее трехспальная, накрытая шелковым тускло поблескивающим золотистым покрывалом, с высокими подушками — она напоминала скорее любовное гнездышко в каком-нибудь гареме, чем скромную спальню пусть и женатых, но все же студентов.

Я с ошеломляющей яркостью представила, как на этом покрывале сплетаются в жарких объятиях двое, и безудержно покраснела. Вообразила, как Хен обнимает меня, как я тянусь к его губам, как меняется его взгляд, темнея, так что дух захватывает. А потом вспомнила, как поцеловала его в палатке. И хорошо еще, что Хен спал и ничего не понял.

А что, если не спал?!

Эта простая мысль заставила меня ощутить себя как на костре. А ведь и правда: он вполне мог не спать, только притвориться, будто ничего не понял.

Хотя нет, ведь он тогда обнял меня. Зачем бы ему это делать, если я ему не нравлюсь? Тогда уж было бы логичнее отвернуться от странной девчонки, вздумавшей лезть к нему с поцелуями.

Ох, Нигос, чума на твою голову.

Нет, я, конечно, не собиралась снова его целовать. Но эта близость — вернее, одно только ожидание близости — кружило голову и лишало способности соображать. Я уже и сама запуталась в своих чувствах: нравлюсь я Хену или нет, догадывался ли он о моих чувствах до признания или нет... И самый главный вопрос: у меня совсем нет шансов или все же на что-то можно надеяться?

Объект моих рассуждений, и не подозревавший, что творится у меня внутри, остановился неподалеку.

— Я буду спать в гостиной. Спальник есть, нормально.

Меня захлестнули смешанные чувства. Там было и облегчение, что выход нашелся, и злость, что Хен вообще решил искать этот выход. Отчаяние: вот я размечталась-то, а ему вовсе и не хочется спать со мной вместе. Хотя это понятно, с чего бы ему хотеть, если он продолжает делать вид, что признания не было.

А с другой стороны, знать, что он спит на полу, когда я буду в позе морской звезды валяться на этой огромной кровати, тоже вызывает сильный моральный дискомфорт.

И я предложила, стараясь думать, что передо мной Лас или Вейс:

— Мы вполне можем спать вместе на кровати, она вон какая громадная.

Хагос, только бы он не подумал ничего лишнего! Только бы не отвесил какую-нибудь дурацкую шуточку...

— Не боишься за свою невинность? — спросил Хен с ехидной широченной улыбкой.

А потом поймал мой взгляд, и все вдруг неуловимо переменялось. Повисла странная напряженность, Хен отвел глаза, улыбка пропала с его лица.

Он отошел к балконной двери, оттуда оглядел спальню еще раз. Сказал с вопросительным оттенком:

— Как тебе будет удобнее?

— Кровать огромная, — пробурчала я снова. — Не думаю, что будем мешать друг другу.

— Ну хорошо, — с сомнением отозвался Хен, — сегодня можно и так. А вообще надо в здешних лавках или в городских присмотреть какой-нибудь топчан, поставим его в гостиной.

Вот и договорились. Но все равно было неловко и немного обидно.

Ужинать решили «дома». Хен сам предложил что-нибудь приготовить. У меня с готовкой было худо, я всю жизнь налегала больше на упражнения с мечом, чем на всякие женские занятия, и даже мама, сама не очень любившая готовить, смотрела на это сквозь пальцы. А теперь я об этом пожалела.

Умей я кулинарничать, сейчас бы так же ловко стучала ножом по доске, шинкуя капусту, или одной непрерывной стружкой снимала с картошки кожуру. А так оставалось лишь наблюдать, как это делает Хен.

Было здорово. Я загляделась на его ловкие быстрые движения и длинные сильные пальцы... Когда они брали овощи, почему-то так и представлялось, как эти же пальцы ласкают женское тело. Такими же нежными и уверенными движениями.

— О чем задумалась? — вопрос застал меня врасплох.

Поспешно отвернулась и только после этого сообразила, что попытка скрыть выдала меня с головой. Боязливо глянула на Хена — так и есть, он смеялся. Одними губами и глазами — но искорки смеха читались безошибочно.

— Учусь, — пробурчала в ответ, показав учебник по животноводству в качестве оправдания.

— Может, чем-нибудь помочь? — Хен накрыл крышкой закипавший суп.

Сполоснул доску, поставил на сушилку. Неторопливо подошел и остановился за моей спиной. Позвоночник тут же осыпало мурашками.

Я покачала головой. Потом вспомнила ласку.

— Как ты думаешь, кто следит за мной?

— Следит? Зачем?

— Вот это я и хочу выяснить.

Хен, кажется, развел руками: почувствовала движение воздуха и поймала краем глаза отражение в стоявшем наискосок большом зеркале. Уставилась туда уже с осознанным интересом.

Парень, как я и думала, стоял близко, но при этом сохраняя небольшое расстояние. Меня поразило выражение его лица: удивительно серьезное, будто бы даже с долей душевной борьбы, от которой делались четче скулы и глубже складочка между бровей. Он смотрел не на меня, скорее в пространство, но поза была такой, словно он вот-вот сделает шаг вперед и заключит меня в объятия.

Я поспешно отвернулась от зеркала.

Ну вот, начинается: безудержное воображение, дурацкие желания, всякая придуманная чушь. Если мне дать волю, снова себя накручу. Опять наброшусь на Хена с признаниями или, упаси Нигос, поцелуями.

Чтобы избавиться от наваждения, продолжила рассуждать вслух:

— Интересно, может ли быть такое, чтобы маг не был внутри?

— Почему ты думаешь, что не был?

— Не знаю... Может, мне просто так хочется. А то неудобно думать, что со мной спал... кто-то.

Хен издал короткий смешок.

— Зайди завтра к животноводам, — посоветовал, — не повредит узнать побольше об их магии. Может, и подозреваемого найдешь.

Меня эта мысль почему-то не вдохновила. Наоборот, стоило Хену ее озвучить, как появилась внутренняя уверенность, что полезной информации на кафедре я не получу. Это, конечно, не повод не идти туда, но все же...

На протяжении ужина, да и всего вечера вообще меня не покидало ощущение странности. Может, тому виной были натянутые нервы, может, то, что после признания прошла всего пара дней и ничего еще не успело забыться. А может, во всем было виновато присутствие Хена рядом — постоянное, как будто так и должно быть. То и дело накатывали мысли: а что, если бы мы на самом деле были женаты. Если бы на самом деле... вот едим-едим, а потом... Хен бы подошел, обнял меня, поднял бы со стула... и его губы накрыли бы мои, а я обвила руками его шею, он бы схватил меня на руки — а там уже шелковое покрывало и темно-зеленый балдахин над нашими головами, и жадные прикосновения, и шелест сбрасываемой одежды...

Ужасно.

Но когда настала пора ложиться (перед этим я вызвалась помыть посуду, раз уж в готовке не участвовала), Хен вдруг объявил:

— Я пойду проветрюсь, а ты ложись.

Хотела было возмутиться: какое проветрюсь на ночь глядя?! Потом сообразила: он же дает мне возможность спокойно помыться и лечь. Кивнула, без возражений проводила, закрыла за ним дверь и действительно спокойно, хоть и быстро, расправилась с вечерними процедурами.

Потушила свет везде, кроме гостиной, нырнула в прохладную постель, затаилась, собираясь ждать, когда он вернется, и притвориться спящей, чтобы потихоньку понаблюдать. И сама не заметила, как заснула.

А наутро поняла, что Хен вообще не приходил ночью.

Не вернулся он и на следующий день.

К вечеру второго дня я извела себя настолько, что решила с утра ждать у кабинета ректора и бить тревогу. От того, чтобы не сделать это прямо сегодня, меня удержало только то, что день был выходным, а их ректор, по слухам, проводил в своем городском доме.

На кафедре целителей никто ничего не знал, а симпатичная преподавательница средних лет лишь рукой махнула, когда я спросила, не появлялся ли Хен сегодня на лекциях.

— Он заглядывает-то пару раз в неделю. Может статься, ты его увидишь раньше меня. Скоро буду

жаловаться. Я понимаю, конечно, он все уже знает, но это не основание, чтобы так беззащитно прогуливать. Раз уж перевелся на третий курс, будь добр слушать лекции третьего курса.

— Все уже знает? — повторила я, нахмурившись. Странно, мне почему-то казалось, Хен отучился два года в городской школе Вендая. В школах обычно не преподают больше.

— Ну, насколько поняла, уже учился где-то. Он, правда, не признается, но я вижу, когда ученик обладает какой-то базой. Если бы он был клановым, решила бы, что это домашнее обучение, но раз он теран... — целительница пожала плечами, — думаю, он учился в какой-то другой академии.

Я покивала, но ушла в смятенных чувствах. Хен не упоминал какую-то другую академию. Зато вспомнилось, как он вешал лапшу на уши маме: не сказав ни слова неправды, увязывал правдивые сами по себе элементы в такую сложную вязь небылиц, что...

Конечно, нет ничего такого в том, что он учился в другой академии, все-таки Академия Трех Сил очень далеко от Вендая. А перевелся потому, что в Морвенне она считается лучшей. Но все равно мысль о том, что, может, Хен и меня кормит такими же небылицами, была непривычной и очень неудобной.

В тот день я умаялась на тренировках до последнего: не хотела возвращаться в пустое общежитие и прислушиваться к каждому шороху. Впрочем, с нашего курса я такая была не одна — все пятеро клановых парней тоже решили участвовать. Это одновременно и мотивировало, и сильно выматывало: среди них я была далеко не самой лучшей.

А Карин все же записался на участие в отборе лучником, и во вторую половину дня мы с ним почти не встречались, он все время проводил на стрельбище. Лидайка же участвовать ни в чем не собиралась и ходила на обычные тренировки с большинством курса. Из-за этого как-то в одночасье я осталась в полном одиночестве: ни подруги, ни друга, ни мужа, пусть даже не настоящего.

Но к ночи Хен вернулся.

Я уже лежала в постели, но беспокойство не давало уснуть. Услышав шум в прихожей, подскочила, словно мне пятки подпалили. Помчалась на звук, хотя по пути еще успела подумать, что буду делать, если это не Хен, — в огромном здании для приезжих помимо нас жили несколько преподавателей на контракте, но только трое с семьями, так что по ночам жизнь тут замирала. Можно было легко представить, что в дверь ломится грабитель: мало ли, решил, что есть чем поживиться.

Но это оказался Хен.

Он ввалился в дом — высокий, худой, странно неуклюжий; дышал тяжело, с присвистом. Я хотела было кинуться — то ли обнять, то ли побить, сама еще не решила, но он выставил руку:

— Не подходи. Я грязный, как хагосова задница.

Зажгла светляка — ох, и правда грязный. Одежда обвисла, на лице разводы, волосы будто слиплись белыми сосульками. От Хена пахло потом и еще чем-то ядовито-неприятным, чуть сладковатым вьедливым запахом.

Он начал раздеваться, скинул куртку, рубаху. Показалось голое тело, худые мускулистые руки, плотные мышцы пресса. Я хоть и смутилась, не отводила взгляда. Крепкое жилистое тело все в синяках и садинах — на вид подживших, но ведь Хен целитель, что же с ним было до того, как он собой занялся, и почему не вылез из полностью — не хватило сил? Он выглядел не то что избитым, а так, словно его пожевало и выплюнуло нечто огромное.

— Что с тобой? Где ты был? Почему не предупредил?

Хен устало пожал плечами.

— Пришлось выдвигаться сразу. Думал, быстрее обернусь.

— Куда ты ходил?

Не отвечая, Хен потянулся к пряжке ремня. Выразительно глянул на меня, будто намекая, что мне лучше удалиться, но я не купилась. Отвернулась и продолжала:

— Ты пропадал два дня! Я чуть всю академию на уши не поставила!

Говорить, уставившись в стену, и знать, что в двух шагах Хен раздевается догола, было до ужаса странно. Так и хотелось подглядеть.

— Ты кому-нибудь сказала? — спросил он напряженно.

— Нет, только спрашивала на вашей кафедре. Сказали, ты не появлялся.

— А-а.

В этом коротеньком ответе послышалось облегчение. Раздался шорох, за ним шмяканье, бряцанье, шелест упавшей на пол одежды. По полу прошлепали босые ноги — в направлении ванной.

Я дождалась, пока за Хеном закроется дверь и внутри зажжется свет. Собрала одежду в корзину и выставила в прихожую. Постирушки устроим потом, когда он помоеется.

Когда вернулась в гостиную, из-за двери ванной выглянул мокрый и встрепанный Хен. Попросил, блестя умоляющими синими глазами:

— Если не сложно, согрей чего-нибудь. Чаю или супа. И где-то у меня была бутылка виски... поищи в моих вещах.

И снова пошел фыркать и плескать водой, а я отправилась в спальню. Шкафы мы честно поделили: мой — у двери, Хенов — ближе к стене.

Через пятнадцать минут появился отмытый до скрипа Хен, порозовевший, закутанный в темно-серый халат. Глаза заблестели по-другому: не лихорадочно, а живо и почти довольны. Особенно после того, как я вручила ему чашку с чаем тарелку с сиротливо глядевшей яичницей.

На недоуменный взгляд ответила:

— Супа нет, что умею, то и сделала...

Хен усмехнулся.

— Спасибо.

Поставил глазунью на стойку, присел на табурет и сжевал, только за ушами трещало. Правда, после первого куса попросил соли (забыла, что яичницу надо посолить, хорошо, что в чай соль не добавила по запарке).

Я села напротив, дождалась, пока Хен доест, откроет виски и воьет немного в чай. Когда он отпил и зажмурился, как большой тощий кот, наконец спросила:

— Откуда у тебя столько денег и всяких магических штук? Я не хотела лазить, но ты их даже не прятал.

Залежи мерцающих камней, оружия и украшений обнаружили буквально сразу, как только открыла шкаф. Там были и знакомые сияющие бирюзовым камни, и какие-то амулеты, и окутанные дымкой кинжалы, кольца, браслеты, медальоны... Все это валялось в полном беспорядке, собранное в ящик так, словно хозяину нет никакого дела до содержимого.

— А-а, — протянул Хен, — собралось по мелочам.

— Ты охотишься на тварей? Откуда ты знаешь, где их можно встретить? Или просто наобум? Поэтому так часто пропадаешь?

— Ух, сколько вопросов! — Хен приподнял руки, словно хотел закрыться от словесной лавины. Не отвечая, снова потянулся к чаю.

— Ты что-то ищешь?

Спросила по наитию, но по едва заметно дернувшемуся рту поняла, что угадала. И Хен не стал отпираться:

— Ищу, но без особых надежд...

— Что?

Он помедлил, будто сомневался. Сделал пару глотков, побарабанил пальцами по стойке. Наконец поднял глаза.

— Ты когда-нибудь слышала о Пяти оружиях?

Пяти оружиях?.. Хорошенько порылась в закоулках памяти, но почти ничего не наскребла. В

принципе, упоминания о том или ином легендарном оружии встречались часто, но чтобы вкупе пять видов... И что это, интересно? Конечно, меч, магический шар, посох... а что еще?

Покачала головой и испугалась, что разговор на этом закончится, но Хен кивнул, будто ожидал такой реакции.

— А о посохе Денортов слыхала?

— Да, конечно!

По сути, клан Денортов встретил и свой рассвет, и закат задолго до того, как я вообще появилась на свет. Но Денорты не только ухитрились объединить несколько независимых земель и править ими как самопровозглашенные жрецы Нигоса по примеру соседней с нами Имерии — они покровительствовали наукам, развивали торговлю, основали множество городов, способствовали очищению диких земель.

Конечно же, я слышала и о магическом посохе, передававшемся из поколения в поколение. Оружие даже не легендарное — потому что такое хоть редко, но встречается, а посох Денортов вообще не имел подобий. Говорили, что его обладатель видел насквозь все помыслы собеседника, что оружие предсказывало опасности и катаклизмы, и одного взмаха хватало, чтобы повергнуть самую злобную и гигантскую тварь. Никто не осмеливался вставать на пути у Денортов, пока они обладали столь могущественным талисманом.

Вот только около пятидесяти лет назад посох Денортов был украден. До сих пор неизвестно, кто это сделал, зачем, каким именно образом. Он просто канул в небытие, будто его и не существовало. Денорты потеряли власть буквально за несколько лет. Глава погиб в тот же год, когда исчез посох, его наследники пытались восстановить авторитет, но бывшие соратники накинудились на Них как псы. На пару десятилетий с тех пор бывшие земли Денортов стали средоточием междоусобиц, где разные кланы рвали друг другу глотки, пытаясь вырваться вперед. Сейчас-то все успокоилось, но небылицы о посохе, который до сих пор лежит где-то и тихо-мирно дожидается нового владельца, ходить не переставали.

— Ты ищешь посох? — спросила недоверчиво. — Но почему здесь, а не там, где жили Денорты?

— Не обязательно его. Существует пять таких оружий. Три известны: этот посох, магический шар Имерии и золотой лук Морвенны.

— Лук Морвенны — магическое оружие? — Я чуть не выронила ложечку, которую бездумно облизывала. — Он существовал на самом деле? И существует? Я думала, это сказка.

Даже не так, не только лук — сама Морвенна была для меня скорее персонажем сказаний. Знаменитая воительница, нашедшая способ сражаться с тварями, положившая начало возрождению... Если Денорты были живее всех живых каких-то полвека назад, то история Морвенны насчитывала несколько столетий. И теперь Хен утверждает, что легендарный лук — не сказка и не легенда, а самая что ни на есть реальная вещь?

— Лук Морвенны, без сомнения, существовал, но сейчас никто не знает, где он. Скорее всего, последующий хозяин либо погиб в диких землях, и оружие попало к тварям, либо лежит себе где-то, спрятанный так хорошо, что никто не знает о его существовании. Вот уже несколько веков.

Покачала головой — как-то сомнительно все звучало.

— Я думала, оно просто ушло. Ведь оружие такого уровня само выбирает хозяина.

— В том-то и дело. Выбирает, а не уходит. Видимо, после смерти Морвенны ее наследник побоялся, что не сможет с ним совладать. Ни с оружием, ни с теми, кто будет за ним охотиться. Вот и спрятал. Трусливый дурак.

Я задумалась. Может быть, и так. Но если б было так легко найти это оружие, за минувшие столетия оно непременно где-нибудь мелькнуло бы. Не знаю, на что надеется Хен.

— Зачем тебе лук?

Хен отпил еще немного чая, осторожно поставил чашку на стол и только после этого продолжил:

— Во-первых, это не обязательно лук. Хотя, конечно, оружие обычно тяготеет к определенной форме. Но даже если лук — ты не представляешь, что это значит. Какие огромные силы. Если жрец Имерии с одним шаром встал во главе страны, Морвенна объединила разобщенные земли, выстояла против стольких желающих сместить ее... Да и Денорты были очень сильны, пока не пропал их посох.

— И ты хочешь встать во главе страны? — сказала с насмешкой, уверенная, что он рассмеется.

Сложно было представить Хена в кукле, как ходили жрецы Имерии. Хотя... развалившимся на каком-нибудь золотом троне (слышала, что так принято у королей далеко на востоке) представить могла. Он бы еще лениво покачивал носком и смотрел на просителя с насмешливой улыбкой.

Однако Хен ответил серьезно:

— Если ты не во главе, значит, подчиняешься. Я бы предпочел отдавать приказы, чем выполнять их. Но дело даже не в этом. Только представь, сколько может стоить такое оружие.

— Тебе нужны деньги?

Потянулась пауза, потом Хен рассмеялся. Встал, взял пустую тарелку, обошел стойку, опустил посуду в раковину. Пользуясь тем, что оказался рядом, потрепал меня по голове — вернуться не успела.

— Давай ложиться спать. Устал, как стадо тварей.

Я почти послушалась, по крайней мере собралась идти в ванную, чтобы почистить зубы, как вспомнила, с чего вообще начался разговор. Обернулась.

Хен старательно мыл забытую мной посуду и выглядел по-домашнему трогательно в этом халате с закатанными рукавами и с мыльной пеной на руках. Пришлось помотать головой, чтобы вспомнить, о чем собиралась спросить.

— А сегодня? Что ты узнал и за чем ходил? Это тоже связано с легендарным оружием?

Он же чуть живой вернулся! Явно какая-то тварь потрепала.

— Ложная наводка, — отмахнулся Хен. — Мелочь, а не добыча.

— А когда ты меня водил тварь валить?

— Тоже. Нет, я, конечно, надеялся. И да, знал, что она сильнее, чем описал тебе, так что твой прилипала был прав, я не сказал всей правды. Но такую информацию вообще не говорят направо-налево, тем более при чужих ушах. Тебе я доверяю. Но только тебе.

Я не нашлась с ответом. Было очень приятно это слышать. И теперь яснее становилось его поведение тогда.

Следующая фраза вырвалась у меня почти ненамеренно:

— Возьми меня с собой в следующий раз. Понимаю, что я больше нагрузка, а не помощь... Но обещаю, буду очень осторожной! И сильной! И обязательно научусь призывать магический меч! — Выпалив это, закусила губу, потому что прогресса с мечом не наблюдалось. И Хен знал об этом, пару раз я спрашивала у него совета.

Молчание тянулось так долго, что я уверилась: откажет. Хен домыл посуду, потушил знак воды, вытер руки. Наконец обернулся.

— Хорошо, — сказал, сверля меня суровым синим взглядом. — Нет, я не про вылазку, а про магический меч. С завтрашнего утра начнем тренировки. А там посмотрим. Это бывает опасно, не хочу рисковать.

— С собой-то рискуешь, — поддела его и нырнула в ванную.

Вслед донесся смешок.

Спать мы легли вместе. Чтобы не испытывать неудобство, я устроилась на боку спиной к Хену и мысленно прокручивала услышанное. Действительно, было о чем подумать, так что смущение меня не одолевало, да и кровать была огромной. Не то что в палатке, когда приходилось лежать в обнимку. И стоило подумать, как Хен придвинулся ближе и обнял меня.

Внутри все замерло, сердце застучало сильнее. В лицо бросилась кровь, я мысленно поблагодарила окружающую темноту. Но Хен ничего больше не сделал, и я поняла, что он спит. Вдруг захотелось снова услышать от него нежное «наянэ...». Хотя нет, оно ведь обращено не ко мне.

Уже в дымке полусна причудилось, что сзади ко мне прижимается что-то твердое. Но эту мысль откинула сразу: показалось. Откуда в постели взяться твердым вещам?..

Хен вернулся! Эта мысль подогрела и радовала меня весь день. Вернулся и даже пообещал

тренировать меня. Теперь я обязательно заставлю свой меч подчиниться. Да и может ли быть иначе, если за дело возьмется Хен?!

Впервые за все время учебы я подгоняла часы, чтобы скорее настал вечер. Но день, как назло, тянулся медленно, как коровья жвачка. После обеда немного воспрянула духом — осталось всего несколько часов, и можно будет вернуться в общежитие.

К тому же подготовка к турниру мне нравилась: это вам не скучные лекции о том, сколько ложноножек выбрасывает агнистурция и где у нее находится энергопоглощающее отверстие.

Вот только на разминке случилось непредвиденное.

Обычно в подготовке к турниру участвовали оба курса, но сегодня у второго была выездная практика, так что на тренировке мы были вшестером: пятеро клановых боевиков с первого курса и я. Учитель запаздывал, и разминку мы начали без него. Заключительной ее частью была пробежка — десять кругов по площадке. Каждый раз марафон превращался в негласное соревнование: кто придет первым. Магию использовать не запрещали, но нужно было помнить, что впереди еще тренировка, и, если израсходовать силы в начале, то, скорее всего, завянешь на половине.

Обычно я бежала, держа в голове эту нехитрую схему и не используя больше, чем можно, и даже при этом удавалось выдать неплохую скорость: редко когда приходила к финишу третьей или четвертой и почти никогда — последней.

Вот и сегодня шла то второй, то первой, как вдруг уже на последнем круге бежавший впереди Хаунд, словно получив какой-то неслышный сигнал, неожиданно ускорился, и одновременно нагонявший меня Буллар грубо толкнул в плечо при обгоне. Не ожидая такого, я потеряла скорость и чуть не споткнулась. Выпрямилась, чтобы тут же покачнуться от нового толчка — уже от Смартена.

Да что с ними сегодня, чего так рваться к финишу? Проглотив ругательство, прибавила скорости, но нагнать парней не успела. Хаунд финишировал первым с большим отрывом, следом пришел Буллар, и только Смартена я сумела обойти буквально в последний момент.

Чтобы отдышаться, уперлась ладонями в колени. Краем глаза отметила, что последние двое тоже добрались до финиша. Кто, как и я, остановился, пытаясь вернуть ритм дыхания, кто продолжал шагать кругами, чтобы дать организму перестроиться. Только Хаунд оглянулся и твердым шагом направился ко мне.

Выпрямилась, чтобы не смотреть на него снизу вверх, хотя все равно пришлось: я и самому мелкому из них едва доставала макушкой до носа, а уж Хаунд ростом был почти как Хен — высоченная жердь с плечами в полтора локтя.

И эта жердь нагнулась к моему лицу и угрожающе сказала:

— Снимись с турнира.

— Что? — выдохнула, еще не полностью восстановив дыхание.

— Сними свою кандидатуру с турнира, — повторил Хаунд. — Тебе все равно ничего не светит.

Я мельком посмотрела на остальных. Плохо дело: трое лыбятся, только один, финишировавший последним, еще занят самим собой, чтобы обращать внимание на происходящее.

Угрозы? Хотят избавиться от конкурентов? Плохо они меня знают. Состряпала высокомерную улыбочку.

— Это мы еще посмотрим.

Хаунд сузил глаза, понизил голос:

— Не суйся, девка. Еще и неклановая. Ты хоть сама понимаешь, что у тебя нет шансов? Снимись сейчас, иначе опозоришься при всех. Или думаешь, что разжиженная кровь Сантерн тебе поможет?

Твари Хагоса! Они все же считают, что я незаконнорожденная? Опять распространяются странные слухи? Или Хаунд просто хочет вывести меня из себя? Может быть. И я сказала еще более холодно и равнодушно:

— Конкурентов убираешь? — Окинула взглядом парней — кто притворился, что не заинтересован в беседе, хотя сам держит ушки на макушке, кто выставил напоказ недружелюбие. — А вы думаете, вам что-то светит? — спросила у ближайшего, им оказался Смартен. — Идиоты, Хаунд и вас будет по одному выдавливать.

— Заткнись, безотцовщина!

Хаунд замахнулся, я перехватила руку, прибавив силы, заломила, заставив парня нагнуться. Он практически моментально вырвался из захвата, попытался ударить меня, но я предвосхитила движение и отскочила в сторону.

— Может, дуэль? — спросила на выдохе, ощерившись в ухмылке.

Кровь шумела в ушах, толкала на безумства. Невидимый браслет на левой руке сжался, словно дракончик пытался вырваться.

— Много чести — дуэль со всякими убудками, — выплюнул Хаунд.

Огромный, разъяренный, широкоплечий, пышущий жаром от пробежки, он вызывал во мне какой-то инстинктивный страх, и я внимательно следила за каждым его движением. Но пока что он только накручивал себя словесно.

— Скажи-ка лучше, кто твоя мамочка, Тайсен. Такая же шлюха, как и ты? Что, правду говорят, что ты перед каждым ноги раздвигаешь? Серьгу напялила, чтобы никто не удивился, когда в подоле принесешь? Не освященная же, признайся! С кем ты там спишь? Может, и со мной станешь? Я заплачу, не сомневайся!

Краем уха, будто в отдалении, слышала хохот — он накатывал, как шум моря. Я плохо запомнила, как оказалась рядом с Хаундом, как всадила кулак ему под дых. Привычный усиленный удар словно с чугунной плитой встретился — Хаунд успел отреагировать.

В следующий миг увидела несущийся к моему лицу кулак. Увернулась буквально в последний момент, перехватила, дернула Хаунда на себя, но этот паршивец устоял, воспользовавшись магией.

Не знаю, что произошло бы дальше, если бы в зал не ворвался запоздавший преподаватель.

— Простите, задержали в деканате! — с ходу начал извиняться он. — А вы уже начали тренировку, я смотрю? Молодцы! Делимся на пары и отрабатываем нападение и защиту.

Как назло, моим противником оказался именно Хаунд, и этот мерзавец при каждой передышке шептал оскорбления, явно пытаюсь вывести из себя. Но до меня быстро дошло, что его злит мое равнодушие, и с огромным удовольствием его демонстрировала, хотя совсем не чувствовала.

Ничего, я все понимаю. Официально турнир еще не начался, но подготовка идет вовсю. Причем не только физическая — вот и интриги пошли, и попытки запугать. До сих пор Хаунд вообще не проявлял ко мне интереса, но теперь, когда мы все соперники, решил избавиться от возможного конкурента. Почему начал с меня? Да потому что счел самым слабым звеном, сказал же, что я и девчонка, и неклановая.

Возможно, мне это даже на руку. Конфронтация в открытую куда лучше подлости за спиной. А Хаунд сам напросился — теперь послужит примером остальным. Я буду не я, если не стану на курсе первой.

В общем, тренировка вышла на нервах и на пределе, и к Хену я приперлась злая и фырчащая. Он сразу заметил мое состояние, стал расспрашивать. Рассказывать не хотела — что, сама не справлюсь? — но как-то незаметно, слово за словом, из меня вытянули все. И только я испугалась услышать набившее оскомину «Может, переведешься?» — что услышала бы от матери или от любого из братьев — как Хен спокойно произнес:

— Если хочешь, можно сделать так, что на турнир он не попадет.

Молча уставилась на Хена. Его предложение явно отдавало нелегальщиной. Сразу представилось, как накануне соревнований Хаунд ломает ногу или заболевает неизвестной науке хворью — Хен целитель, мало ли как может повлиять.

Покачала головой.

— Нет, хочу сама его наказать. Заставить опозориться при всех.

Хен усмехнулся:

— Знал, что ты так скажешь. Так держать, Сатьянка.

Почему-то его одобрение заставило меня покраснеть. Стало приятно и тепло внутри, будто сдала какой-то важный экзамен. А может, виновато было мягко брошенное «Сатьянка», удивительно домашнее и близкое.

— Но тогда у нас мало времени. Я ведь правильно понимаю, он у вас на курсе лучший?

Нехотя кивнула. Хаунд из известного клана боевиков, и подготовка у него на уровне. Он вполне мог поступать сразу на второй курс. Если с остальной четверкой я еще могла побарахтаться, Хаунда вряд ли одолела бы, как ни горько признавать. Про дуэль я крикнула в запале, но, если бы он принял вызов, от проигрыша меня бы спасло только чудо.

— До открытия турнира почти месяц. Думаю, за это время с мечом ты справишься. Я постараюсь находить время несколько раз в неделю, в остальные дни придется тренироваться самой.

Это меня вполне устраивало.

Первым делом Хен заставил меня медитировать. «Целительские штучки какие-то», — фыркнула я про себя и поначалу все время отвлекалась, а он не больно, но очень обидно щелкал меня по лбу. Приходилось начинать сначала.

Потом я и впрямь впала в некое подобие медитации: перестало волновать все на свете — и турнир, и хагосов Хаунд, и то, смогу ли я приручить меч, и даже то, как ко мне на самом деле относится Хен. И когда я плыла в голубой дымке, ничего не думая и не ощущая, вдруг послышался приказ:

— Чувствуй!

Попыталась последовать ему, как-то сразу поняв, что нужно делать. Мысленно позвала голубого дракончика, подставила ему ладонь, почувствовала рукоять меча. Дракончик налился серебряным светом, расправил крылья, превращаясь в сталь, по заостренной кромке побежали огни.

Открыла глаза и с восторгом залюбовалась очертаниями появившегося в руках меча. Однако самое сложное только начиналось. Выпускать меч и раньше умела — проблема была с удержанием формы, и я чувствовала себя, словно эквилибрист на канате: нужно отдать ровно то количество энергии, которое необходимо, не больше и не меньше, иначе меч снова потеряет форму. Этот баланс мне не удавался, в какие-то моменты я неизбежно соскальзывала в ту или другую сторону. Вот и сейчас — разволновалась, испугалась, что не дожму, добавила чересчур много, и контуры меча угрожающе запылали.

Хен осторожно прикоснулся к моим ладоням с тыльной стороны, поддерживая. Поток энергии, словно отзываясь, стал плотнее.

— Запомни это ощущение. Ровный полет. Позволь энергии самой вести себя. Не ты управляешь ею, а она поднимает тебя, дает силы, ведет за собой.

И правда, так куда легче. Поток стал мощнее и спокойнее, точно скачущая по отрогам горная речка наконец влилась в глубокое русло.

Взяла меч наперевес, повинуясь жесту Хена. Он отпустил меня, отошел и взмахнул рукой. Из его ладони выпростался, раскрываясь на ходу словно огромный стебель, сияющий серебром посох.

Все же я была права, у Хена есть магическое оружие. Восхищенно выдохнула и залюбовалась: навершие в виде плоского обоюдоострого лезвия, наливающийся холодным сапфировым блеском драгоценный камень в его основании, сплошь покрытое защитными знаками древко... Было видно, что Хен управляется с посохом легко и привычно: если мой меч выглядел наполовину прозрачным, подернутым дымкой, то его посох был совершенно реальным. И свист, с которым он рассек воздух, тоже.

Я не готовилась, но выученным движением приняла удар на рукоять, спустила по скользящей. Хен очутился за спиной. Хотела перестроиться, но спохватилась, что перестала поддерживать ровный энергетический поток, испугалась, дала слишком много энергии. Хен уже сделал новый выпад, а я все никак не могла совладать с мечом. Ушла от удара, развернулась, но меч уже таял... Очертания его замерцали, растворяясь, и запястье обвили голубые огни, чтобы через мгновение пропасть.

Хен поймал меня, тяжело дышащую, расстроенную, на грани того, чтобы начать кричать и топтать ногами от собственной безрукости. Утешающе погладил по голове. Обычно я не любила, когда он так делал, но сейчас была слишком расстроена, чтобы возмущаться.

— Все хорошо, ты молодец. Главное, не отчаивайся. Давай еще раз.

Кивнула. Он прав, с обычным мечом было то же самое. Повторяешь прием, пока не начинаешь чувствовать его кожей. Отошла на полтора шага, зажмурилась и представила, как дракончик становится сталью в моих ладонях.

И снова получила звонкий щелчок по лбу.

— Ай! — Возмущенно открыла глаза.

— Медитация! — Хен хитро шевельнул бровями. — Вечно вы, боевики, норовите сразу кинуться в драку.

В тот вечер мы умотались до последнего. Поняли, что пора заканчивать, когда стали чаще зевать, чем разговаривать.

Мне благородно уступили очередь в ванную. Я быстро помылась и, не выдержав, вытираясь на ходу, открыла дверь и стала забрасывать Хена вопросами:

— А давно у тебя посох? Почему раньше не показывал? Из-за Карина? — И только тут спохватилась, что меня увидят.

Хотела закрыть дверь, но Хен сидел вполоборота, смотрел в другую сторону, и я успокоилась. Он почему-то ответил не сразу — подался вперед, будто узрел что-то неожиданное, потом откинулся назад, продолжая наблюдать с нескрываемым интересом. Положил ногу на ногу. Глаза заблестели, на губах появилась довольная улыбка. Улыбку, впрочем, он прикрыл ладонью, пытаюсь спрятать.

Хагос, на что там можно пялиться? Что-то на балконе? Какая-то иллюминация на стадионе?

Теряясь в догадках, повторила вопрос, и Хен наконец ответил:

— Ты про сороконожку? Да, тогда не было смысла доставать посох, он у меня боевой, целительскую мощь не увеличивает.

Глубокомысленно кивнув, повесила полотенце и потянулась за трусиками. Вот почему Хен был уверен, что справится с сороконожкой и сам. Он тогда не использовал и половины своего боевого потенциала: сначала давал мне возможность разозлить сороконожку, а потом появился Карин, и Хену пришлось сосредоточиться на целительстве.

— А почему ты взял меня с собой?

Он снова ответил не сразу. Наклонил голову, будто любовался тем, что видел в окне.

— Потому, что надеялся на хорошую добычу, — сказал довольно. — От таких тварей часто остается много бесхозной магии. Правда, тогда она сразу выбрала себе хозяев. Даже на лишних зрителей хватило.

— Карин не только зрителем был, — вступилась за парня. — Хотя если бы его не было, оружие могло выбрать тебя...

— Не могло. У меня уже есть оружие, и оно не из слабых. Уж прости, но ваше ему и в подметки не годится. Шанс, что магия выберет меня, был минимальным. Так что я просто рассчитывал добыть что-нибудь для тебя и, можно сказать, рассчитал верно.

Он неожиданно повернул голову и улыбнулся мне. Я уже оделась, так что взгляд встретила без смущения. Разве что чуть екнуло сердце, потому что оно, глупое, постоянно екало, особенно когда Хен смотрел на меня так же пристально, как сейчас. Еще и с загадочной улыбкой на губах.

— Ванная свободна, — напомнила ему. А может, себе, чтобы отвлечься.

Хен встал, но вместо того чтобы сразу пойти мыться, отступил на миг в сторонку, протянул руку, словно поправил что-то покосившееся. Потом направился в ванную.

Покосилась на подозрительно довольное лицо прошедшего мимо меня парня. Подождала, пока он скроется за дверью, и вороватой перебежкой добралась до его кресла. Устроилась на еще теплом сиденье, уставилась в ту сторону, куда смотрел Хен...

Сначала ничего не увидела. Балкон с этого места обозреть было неудобно, вряд ли он пялился именно туда. В зеркале виднелся выход на кухню, но стояло оно странно. Кажется, раньше было по-другому.

Вскочила, подошла ближе. Протянув руку, повторила увиденный недавно жест Хена. Пальцы коснулись прохладной поверхности, толкнули раму — и в темном стекле отразилась закрытая дверь ванной и свет в прямоугольном оконце.

На некоторое время я застыла, возмущенно хватая воздух ртом.

Ах он хагосов паршивец!

Это же значит... Когда я думала, что он благородно отвернулся, Хен пялился в зеркало! Вот уж,

должно быть, все разглядел в деталях! Я ведь ничуть не смущалась, вытиралась тщательно, еще грудь свою в зеркале в ванной рассматривала скептически. Хагос! И все у него на глазах. То-то он такой довольный!

Обхватила щеки ладонями. Внутри бурлили самые противоречивые чувства: и злость, и смущение — стоило вспомнить его улыбку и блеск в глазах, и некое смутное торжество. Но если Хен думает, что это сойдет ему с рук, то он сильно ошибается...

Осторожно приблизилась к ванной. Запора на ней не было, так что, когда я тихонько нажала на ручку, дверь легко отворилась.

Шум воды стал сильнее. Дверь умывальной кабинки была закрыта, за ней виднелись смутные очертания человеческого тела.

Одежда валялась прямо на полу, ее не потрудились повесить. Даже до корзины не докинули. Зато чистые вещи лежали на полке аккуратно сложенные: серые домашние штаны из мягкого хлопка, белая полотняная рубашка с короткими рукавами.

Стараясь действовать тихо, но быстро, схватила эту стопку и рысью уволокла в спальню. Положила в шкаф, будто так и надо. Потом вытащила из ванной корзину с грязным бельем, кинув туда и то, что собрала с пола. Корзину выставила на балкон, если что, скажу, там и стояла. Последними отнесла в спальню полотенца, припрятала под одеждой. Нельзя оставлять врагу ни малейшей лазейки.

Сама засела в спальне, ожидая, когда Хен выйдет. Двери везде специально оставила нараспашку, наблюдая за происходящим через щель.

Ждать пришлось долго. Я успела и заскучать, и укорить себя за глупость, и уже начала подумывать о том, чтобы вернуть все как было, — останавливала только мысль, что Хен выйдет из ванной в самый неподходящий момент.

Шум воды наконец утих.

Я замерла, теряясь в догадках, что будет делать Хен. На его месте... Наверное, я сначала поискала бы одежду, решив, что сама ее куда-то задевала, а потом... Даже не знаю, что делала бы. Разозлилась? Начала кричать и буйствовать?

Ох, а что если Хен позовет меня и потребует вернуть одежду?

Я его недооценила.

Он будто вообще не заметил, что сменная пропала. Показался на пороге в чем мать родила с совершенно невозмутимым лицом. Влажные волосы стояли дыбом, желто-оранжевый свет подсвечивал капельки воды на гладкой коже. Я невольно засмотрелась на его тело: худощавое, испещренное шрамами и узорами... татуировки? Разве у него раньше такие были?

Впрочем, мне стало не до них, когда Хен как ни в чем не бывало направился в спальню. Одна половина разума запаниковала — сейчас влетит, надо срочно в постель и делать вид, что давно сплю! — а другая любовалась, как зачарованная, потому что от этой картины захватывало дух.

Я видела раньше парней, что называется, без штанов — но это были или глупые случайности, или совершенно не вызывающие романтического интереса объекты.

А тут был Хен. Обнаженный, длинноногий, узкобедрый, мускулистый — свет играл, вычерчивая мышцы пресса, обтянутые гладкой кожей, и внутри у меня разгорался незнакомый огонь. И страх. И жадность. На лицо Хена было страшно смотреть, и ниже живота взгляд опускать боялась. И хотела. И боялась.

Пришла в себя, когда Хен был уже на пороге. Метнулась к постели, не думая, что выдаю себя, прыгнула под одеяло, накрылась: я в домике.

Шаги замерли, послышался смешок, но Хен ничего не сказал. Отошел к шкафу, раздался стук дверцы, шорох одежды. Я лежала молча, проклиная минуту, когда в голову стукнула дурная мысль устроить этот идиотский розыгрыш. Сердце билось где-то в ушах, рук и ног я вообще не чувствовала, они словно отнялись от сладкого ужаса.

Потом кровать заскрипела и чуть просела под чужим весом. Магический светлячок погас, комната погрузилась во тьму. Я притихла: чудилось, что теперь точно слышно, как лихорадочно бьется мое сердце. Но тишина все тянулась и тянулась, и, осмелев, я высунула нос из-под одеяла. Прислушалась. Хен дышал мерно и спокойно. Заснул?

Немного отлегло от сердца — хотя бы не будет смеяться надо мной, а к утру все уже более-менее забудется. И тут вспомнила, как он шел к спальне. То, что, казалось бы, не разглядела тогда, вдруг само встало перед глазами.

Я зарылась лицом в подушку.

— Хагос! — вырвалось полусшепотом отчаянное, и я снова вслушалась в дыхание Хена.

Спит.

Вздохнула, перевернулась. Втихаря глянула сквозь ресницы. Точно спит. Я придвинулась ближе, притворяясь, что во сне. Уткнулась лбом в мужское плечо. Вот сейчас Хен что-нибудь скажет...

Но он молчал, только повернулся ко мне лицом, и на меня легла тяжелая рука.

Под ложечкой сладко засосало. Я затаила дыхание и только через долгий миг спохватилась, что этим выдала себя. Теперь, если он не спит, точно знает, что я проснулась. А может, это к лучшему?

И я во все глаза уставилась на Хена.

Его ресницы чуть дрогнули. Тоже не спит. Сердце заколотилось уже как сумасшедшее. Рука Хена придавливала меня к постели, а иначе... иначе я могла бы чуть податься вперед и поцеловать его в губы. А у него на шее бьется жилка. Дыхание спокойное, но, если прислушаться, слишком легкое, будто Хен с трудом заставляет себя не реагировать.

В горле пересохло. Я облизала губы, почти решившись действовать — и будь что будет. И тут Хен отвернулся.

Не сдержалась, вздохнула порывисто и разочарованно. И сама перекатилась на другой бок. Подумаешь! Не хочет — ну и не надо! Бегать за ним не буду.

В ту ночь я еще не знала, что очень скоро все мои решения перестанут что-либо значить, а наши отношения бесповоротно изменятся.

Сессия началась не очень.

Старый, похожий на жабу профессор по животноводству зверствовал так, будто все мы стремились стать магами-животноводами, за зачет по своему предмету хотел, чтобы у всех от зубов отскакивало. Остальные преподаватели были не многим лучше. Каждый считал свой предмет самым важным и нужным, совершенно не думая о том, что, скажем, боевикам вряд ли часто придется варить нужные зелья (их всегда можно купить) или самостоятельно чинить артефакты (а артефакторы на что тогда?).

Вдруг оказалось, что те предметы, посещение на которых особо не учитывалось, сдать сложнее всего, и я завалила историю твареведения и готовилась к пересдаче. Лекции и тренировки на время сессии отменили, но позволить себе такую роскошь, как совсем не тренироваться, я не могла: Хаунд. Если я всерьез рассчитывала побить его на турнире, нельзя было терять ни дня. А он ходил голым, поглядывал свысока, отпускал язвительные комментарии, когда мы встречались в коридорах академии.

Успокаивала только мысль, что я поговорила начистоту с двумя другими парнями из клановых. Пояснила, что если Хаунд выдавит меня, то следующими будут они. Парни, Митен и Лавайс, собственно, и сами уже пришли к такому выводу и вели себя вполне миролюбиво. Договорились если не держаться друг друга, то хотя бы не поддерживать травлю — а это уже большой шаг.

Еще радовало то, что приручение магического меча продвигалось. Мы с Хеном нашли отличное место для тайных тренировок в том же здании, где нас поселили. На третьем этаже обнаружилось незапертое помещение — судя по столам и стульям, неработающая столовая. Мы расчистили середину зала и носились, лупя друг друга магическим оружием.

Проблемой оставался сам Хен, вернее, наши отношения.

Тяга к нему сводила меня с ума. Взгляды, прикосновения, внезапные паузы в разговоре, то, какое напряженное, отчаянное выражение лица у него делалось в такие минуты — все это сбивало с толку и добавляло дурости в мою и так не самую умную голову. Но я поклялась себе, что больше ни словом, ни жестом не буду проявлять ненужную инициативу, и слово это держала.

Про случай с подглядыванием и глупой мстью мы оба не упоминали. Но после того дня Хен, кажется, решил не ложиться, пока я не засну. Может, конечно, так выходило случайно, но теперь я всегда засыпала в одиночестве, и такое отношение слегка обижало. Как будто он опасался, что я на него наброшусь.

Каждый совместный день был как сладкая пытка. Мы словно застыли в шатком равновесии. Это было ненормально — и взгляды, которые длились дольше, чем нужно (а может, так только мне кажется?), и случайные прикосновения, которые ощущались как наждаком по коже, болезненно остро и пронзительно, и то, как быстро Хен убирал руку, показав мне очередной прием, как поспешно отстранялся, будто хотел сохранить дистанцию. И мое растущее желание быть с ним рядом постоянно, обнимать, утыкаться носом... Чувствовала себя мухой, застрявшей в сладкой паутине, когда паук вместо того чтобы поскорее сожрать, ходит по краешку и только смотрит, не проявляя ни малейшего желания наброситься. Но и освободиться невозможно.

Все это меня довело, и в один прекрасный день, когда мы сидели за учебниками в столовой (самое подходящее для учебы место) я выложила свои страдания Лидае. А она вылупила глаза.

— Да ты что?! Я думала, вы уже давно... консумировали все, что надо. А почему? Он же любит тебя, видно же!

Наверное, горячая поддержка должна была меня обрадовать, но я только сильнее расстроилась.

— Второй раз на эту удочку не попадусь, — ответила хмуро. — Ты и на Любование примерно то же сказала. Я призналась, и что вышло? Если бы не мама, мы бы, наверное, и словом больше не перемолвились.

— Но он же не сказал «нет»?

— И «да» тоже не сказал. И вообще, он же знает о моих чувствах. Если бы чувствовал что-нибудь ко мне, давно бы что-нибудь предпринял.

— Может, он ждет, пока повзрослеешь? Не обижайся, но иногда ты совсем как маленькая девочка, особенно в отношениях.

— Может, и так. — Я пожала плечами. Такое предположение одновременно и льстило, и огорчало. И сама знала, что в отношениях я — как свинья в апельсинах. Та же Лидае была куда подкованней меня и уже начала встречаться с одним боевиком с последнего курса. — В таком случае у меня вообще нет шансов, потому что не уверена, что в ближайшее время мне светит как-то измениться в этом смысле.

— Почему бы тебе не соблазнить его? Вы же живете вместе. Выйди после ванны в одном полотенце.

Я представила — и поперхнулась. Вряд ли. Он меня видел вообще без ничего и что-то пока не соблазнился. Правда, я к нему не приставала.

В воображении мелькнула картина, где я в одном полотенце вешаюсь мужу на шею, полотенце соскальзывает, на лице у Хена ужас и паника, он изо всех сил пытается отстранить меня... и тогда я заламываю ему руки выученным захватом, ставлю подножку, толкаю на кровать и прыгаю сверху.

Ох ты ж Хагос!

Когда я отвергла идею, Лидае надолго задумалась.

— Тогда надо его напоить. Чтобы выдержка дала слабину. Кстати, в конце недели у одного парня из животноводов день рождения. Пойдешь?

— Пойду, приглашали.

С недавних пор я сдружилась с парой человек с животноводческого. Вообще-то целью было отыскать на их факультете хозяйина ласки, которая, к слову, с тех пор не появлялась, но пока что никто из учившихся там студентов не вызвал подозрения. Зато обзавелась друзьями.

— Вот и чудесно! — Лидае захлопала в ладоши. — Хенная сама позовешь? Или пусть хозяйин?..

— Наверное, лучше, если именинник пригласит. Но ты это серьезно? Как ты его напоишь?

— Ой, да ему и без нас нальют, это же день рождения. Твоя задача — уединиться с ним и не дать сбежать, пока он не поплывет. Я вам помогу.

Едва приняв решение, Лидае подскочила и стала оглядываться. Найдя кого-то взглядом, засияла и изо всех сил замахала.

— Короче, не переживай, все будет отлично! — И убежала.

Я выглянула из закутка, где мы сидели, и обнаружила, что она уже беседует с девчонкой из стихийников. Та внимательно слушала и кивала.

Ох. Зная подругу, можно не сомневаться, что уже к вечеру план действий по соблазнению Хена будет составлен и моя роль в нем прописана до мелочей.

Внутренности словно холодная рука сжала, но я помотала головой и села, заставляя себя расслабиться.

Пусть будет что будет. Навязываться не собираюсь, но мало ли... все-таки праздник, веселье. Мне вспомнилось, как мы танцевали в ночь Любования и у меня кружилась голова от сидра, а может, и не только от сидра. И как Хен смотрел тогда, и как обнимал, как близко было его лицо, дыхание... та непередаваемая близость, ощущение, словно на свете нет никого, кроме нас, — пока я не брякнула свое «люблю». Если это повторится, вообще ни слова не скажу, только лицо подставлю: на, целуй.

К пересдаче по твареведению я готовилась, но все равно чуть не завалила снова. Выехала только на том, что в ответе на вопрос, какие материальные формы может принимать магия, упомянула дракончиков. Оказалось, это мало кто знает, и профессор Марб сразу повеселел, расписался в воздухе, и огненный знак «рагус» — «сдано» — вылетел через окно и поплыл в деканат. Я с облегчением проводила его взглядом.

Выйдя из аудитории, обнаружила, что на улице уже стемнело. В окнах на фоне темно-синего неба едва просматривался черный профиль горы. Учебный корпус фактически пустовал в такое время: обычно зачеты и экзамены проходили днем, только некоторые преподаватели назначали пересдачи по вечерам, вот как профессор Марб.

Я шла по пустому коридору, стараясь не шуметь — звук собственных шагов отдавался слишком гулко и нервировал, и думала о Хене. Мысли постоянно соскальзывали на него, просто наваждение какое-то. Он сказал, сегодня будет поздно, сдает какой-то сложный экзамен по целительской практике.

Я почти добралась до лестницы, как из пустующей аудитории неподалеку донесся хриловатый мужской голос и насмешливое:

— Да не трусь, никого тут нет в такое время.

Ему ответил капризный женский:

— Ну мало ли. Слухи пойдут, тебе же будет хуже.

Я остановилась как вкопанная. Невольно сделала шаг ближе к двери, прислушиваясь. Мне кажется, или я узнаю эти голоса?..

Тем временем из кабинета послышался тихий мужской шепот:

— Да ладно тебе... — И следом звуки поцелуев.

Заглянуть в полуоткрытую дверь, оставаясь незамеченной, было несложно, и я осторожно шагнула вперед.

В глубине пустующей аудитории, опираясь о парту, спиной ко мне стояла тоненькая хрупкая девушка. Рассыпанные по спине пшеничные волосы подтвердили, что я и так безошибочно поняла: Висперина. А через мгновение, когда приникший к ее губам черноволосый парень наконец выпрямился, я узнала и его.

Карин.

Застыла на месте. Почему-то, хотя и подозревала что-то подобное, услышав их голоса, открытие все равно оказалось неприятным.

Карина я не видела несколько дней и, если честно, немного по нему скучала. С тех пор как он записался на турнир лучником, мы пересекались разве что на экзаменах, и то если ухитрились попасть в одну группу. Если подумать, с ночи Любования, когда он ни с того ни с сего меня поцеловал, мы толком и не разговаривали.

Решил окончательно перейти на Висперину? Его дело, конечно... Но все равно было неприятно, как будто он предал нашу дружбу.

В этот миг парень поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Я вздрогнула, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Дернулась, но заставила себя остаться на месте. Мне нечего стыдиться. Сами виноваты, что не нашли для уединения места получше.

Подспудно ожидала, что Карин смутится или начнет оправдываться — хотя это было бы глупо. Но он лишь широко ухмыльнулся, нагло подмигнул мне и вернулся к прерванному занятию. Аудиторию вновь наполнили звуки вздохов и поцелуев.

Хагос и Нигос, оба взяты! Я резко развернулась и зашагала прочь. Услышала, как взвизгнула Висперина:

— Там кто-то есть!

И успокаивающий голос Карина:

— Никого нет, тише. Если будешь так орать, точно кто-нибудь прибежит.

Девушка резко ответила что-то, но я уже не расслышала — ускорила шаг, чтобы не дай Нигос попасться ей на глаза. Выскочила из здания и заторопилась вверх по склону.

Внутри ворочалось глухое недовольство. И даже не столько подсмотренной случайно сценой — я и в прошлый раз поняла, что они встречаются, сколько реакцией Карина, такой нахальной и вызывающей. Впервые видела, чтобы он так вел себя.

Хотя нет, не впервые. Когда мы еще не подружились, он разговаривал и смотрел именно так — например, когда вызвал меня на дуэль во второй раз, по стрельбе из лука, отлично зная, что у меня нет шансов.

Зато потом Карин рисковал жизнью, чтобы помочь нам. Мне. Но то, что он следил за нами с Хеном — тайно, скрытно — опять свидетельствует не в его пользу. Притворялся? А если притворялся, то когда именно? Он обманывает Висперину или одну наивную ар-теранну, урожденную Сантерн?

Некстати вспомнились слова Висперины: «Пойдут слухи, тебе же будет хуже». Интересно, что она имела в виду? Неужели то, что я все пойму, если пойдут слухи об их близости? А на самом деле она использует Карина, чтобы подобраться ко мне? И он передает ей все мои секреты?

Хена дома не было. Я приняла ванну и стала готовиться к следующему экзамену. За учебниками о Карине почти не вспоминала, но смутное недовольство, осевшее в глубине души, то и дело ворочалось, добавляя неприятных ощущений. А через час в комнате вдруг раздался тихий шепот духа-хранителя:

— К вам посетитель, пропускать?

С изумлением подняла голову. Какой еще посетитель в такое время? Стрелка часов близилась к девяти.

— Кто?

— Карин Насмин, первый курс боевой магии.

Спокойный шелестящий голос хранителя оглушил меня не хуже грома. Встрепенулась, как будто Карин стоял уже за порогом, вскочила, закрыла учебник, потом снова раскрыла, мысленно назвав себя идиоткой.

Зачем он явился? Хочет все объяснить? Или, наоборот, еще больше запутать и снова втереться в доверие? А то, может, и Висперину с собой привел?!

— Он один?

— Да.

Думала недолго. Накинула на плечи кофту потеплее, всунула ноги в уличные туфли.

— Ладно, я спущусь.

Ничего не ответив, дух растворился в пространстве. Они так часто поступали, человеческие правила вежливости им неведомы. Хотя они вообще не питали интереса к людям, к их стремлениям и тревогам. Впрочем, это же делало их превосходными хранителями.

Карин и впрямь стоял внизу, у входа. Он нахохлился и выглядел недовольным, совсем не таким, как пару часов назад. Увидев меня, дернулся, будто хотел кинуться навстречу и только силой воли заставил себя остаться на месте.

— Сатьяна...

— Чего ты хотел? — Остановилась поодаль, зябко натянула рукава кофты на кончики пальцев. Холод пробирал.

— Можно зайти к тебе? Есть разговор. — Карин шагнул ко мне и тоже засунул руки в карманы. Зеленые глаза пристально сверлили мое лицо. — Ты... то, что ты видела... это не совсем то, чем кажется.

Я вспыхнула — больше от стыда, чем от негодования. Какая мне вообще разница, с кем он там целуется? Зачем притащился с объяснениями?

— Мне вообще не интересно, с кем ты и чем занимаешься, — отрезала я и осеклась.

Хагос, звучит так, будто я ревную. Вон и в глазах Карина что-то мелькнуло. Он сделал еще шаг вперед.

— Хотя бы выслушай. Пожалуйста. Если к тебе нельзя, давай пойдем ко мне.

— Почему бы не поговорить здесь?

— Есть причины.

Я нахмурилась. Соврать, что Хен дома и ему не понравится, если я пойду куда-нибудь посреди ночи? Или просто без объяснений уйти?

Но что-то мешало поступить так. Какая-то отчаянная просьба в глазах парня, или интонации, словно намекающие, что дело и впрямь серьезное, или... или, быть может, просто глупое желание поверить.

— Отложить нельзя? — попробовала я все же воспротивиться.

Помотал головой.

— И так слишком долго откладывал.

Я вздохнула. И сдалась.

— Проходи.

Карин молчал, пока мы не оказались в комнатах. Огляделся, буркнул что-то вроде «Неплохо». Потом поинтересовался:

— А этот где?

Вопрос явно относился к Хену.

— Сегодня поздно будет. — Дернула плечом. — Ну так о чем ты хотел поговорить?

Гость кивнул, но вместо ответа поднял правую руку. Выдохнул активирующее слово, начертил знак. Полилась серебристая дымка, в одно мгновение затопившая весь пол, затянувшая стены и потолок.

— Что ты делаешь?!

Я взмахнула рукой, пытаюсь рассеять чужое заклинание. Тщетно: на базовый жест оно не отреагировало, а для направленного воздействия нужно было прежде всего понять, что это за заклинание.

— Это маскировка, — пояснил Карин. Повернул голову в сторону. — Вейн.

— Что еще за маскиров...

Я не договорила, потому что на фоне серебристых хлопьев тумана проявился черный силуэт человеческой фигуры.

Еле удержалась от вскрика. Что это?.. Нападение?! Отскочила в сторону, приняла боевую стойку. Отработанным усилием вызвала меч — в воздухе взвились голубые искры, пальцы сомкнулись на прохладной рукояти.

— Тихо-тихо, не убивай меня, — рассмеялся... еще один Карин.

Одет он был так же, как первый, в черные свитер и штаны, только серебристая бляха мерцала отраженным светом. А вот ухмылка на его лице была совсем не Карина — та же наглая, полная

превосходства ухмылка, с которой он смотрел на меня, когда целовался с Виспериной.

— Что вообще происходит? — Я метнула разъяренный и изумленный взгляд на сокурсника. — Вас двое?! И кто из вас... настоящий?

Нахальный Карин с усмешкой кивнул на обычного:

— Наверное, он. Хотя как посмотреть... Если считать настоящим того, кто родился первым...

— Вейн, заткнись, — дружески посоветовал ему обычный Карин. И спросил у меня как ни в чем не бывало: — Нальешь чаю?

Все еще не полностью понимая происходящее, стояла как вкопанная. Потом вернула меч в небытие и выпрямилась.

Приятель со вздохом пояснил:

— Рассказ долгий.

И улыбнулся так, словно с его плеч наконец свалился тяжелый груз.

Чай в итоге пришлось готовить Карину. Первому, более привычному. Я никак не могла прийти в себя и поверить собственным глазам. Переводила взгляд с одного на другого, искала отличия и не находила. Одинаковые лица и фигуры, одинаковые голоса и одежда... Если смотреть со стороны, они были похожи, как две виноградины в одной грозди. И в то же время какое-то смутное ощущение помогало мне ориентироваться, что-то неясное — во взглядах, в выражениях одинаковых лиц — словно подсказывало, кто из них кто.

Впрочем, я не была уверена, что смогу различить парней, если они вздумают поменяться местами. Однако пока Карин сидел на стуле за столом Хена, а Вейн развалился рядом со стойкой, я с грехом пополам тешила себя мыслью, что разбираюсь в них.

Как оказалось, с Виспериной был Вейн. И недавно, в коридоре академии, и тогда, в ночь Любования. Но если в праздничную ночь Вейн не заметил, что я их видела, то сейчас разглядел прекрасно и доложил Карину, который схватился за голову, потому что понял, что я приняла Вейна за него, — и притащил того объясняться.

А еще выяснилось, что в ночь Любования Карин исчез так внезапно именно потому, что сам увидел в толпе Вейна. У них был договор, по которому появляться на людях должен был только один, но Вейн нарушил его ради тайного свидания с Виспериной.

— Хагос, не могу поверить, что вас двое!

Это факт никак не укладывался в голове. Я так привыкла к Карину, считала его своим другом, а тут оказывается, что все это время их было двое! И я думала, что общаюсь с Карином, а на самом деле это мог быть Вейн?

— Вы близнецы?

— Нет, — усмехнулся тот, что за стойкой. Вейн, значит. — Мы мама с дочкой, неужели не видно.

Я только через миг сообразила, что это тупая шуточка. Изобразила улыбку.

— Естественно, близнецы, иначе какой смысл все это затевать?

— А какой у вас смысл?..

Тут оба посерьезнели. Вейн открыл было рот, закрыл, взглянул на брата. А тот выдал:

— Сатъян, на самом деле мы — клановые.

Я оторопела. Вот так новости сыплются одна за другой. Карин из клана боевиков? Это, конечно, объясняет, почему он так хорош и с луком, и с мечом... Хотя погодите, с луком наверняка хорош только один из них, и, судя по всему, это Вейн. Но известие и впрямь неожиданное.

— Клан Насмин? — спросила вслух. Нахмурилась: никогда не слышала. Конечно, если это маленький клан с другого конца земель Морвенны, то и не удивительно.

Но Карин покачал головой.

— Дебил! Хотя бы клятву возьми с нее! — вмешался Вейн.

На лице парня проступило замешательство. Ничего не ответив брату, он мерил меня взглядом и

хмурился. Я тоже молчала, ожидая решения. Если честно, вызываться самой, кричать, что дам клятву с удовольствием, не хотелось. Мало ли что сейчас услышу.

Карин молча смотрел на меня еще пару мгновений, потом наконец сказал Вейну:

— Я ей верю.

Тот аж взвился.

— Ты веришь?! А мне от этого что? Пожалуйста, если дело касается только тебя! Рискуй, чем хочешь. А я ради ничего для меня не значащей девчонки рисковать не собираюсь. Кто она мне, жена, невеста? Да она и тебе-то никто!

Я притихла, чувствуя себя третьей лишней.

— Не так уж мы и рискуем, — миролюбиво возразил Карин. — Все равно по замыслу это было что-то вроде проверки.

— По замыслу не предполагалось, что мы сами станем выкладывать всю подноготную постороннему.

— Ты же согласился.

Вейн дернул плечом, отвернулся. Отхлебнул горячего чая, обжегся и стал вполголоса ругаться. Я усмехнулась и получила яростный взгляд.

— В общем, я все равно расскажу, — снова заговорил первый. — Не буду брать с тебя клятву, но очень прошу молчать.

Такой вариант меня устраивал. Хотя подначивало сказать, что я никого ни о чем не просила, прийти сюда Карин решил сам. И сам настаивал, что есть разговор.

Он выдохнул и резко, будто наконец решившись, сообщил:

— Дело в том, что наш клан — из ночных.

Я вытаращила глаза. По спине пробежал холодок.

Ночными назывались те кланы, что находятся вне закона. Наемные убийцы, черные маги, воровские гильдии — те, кто всегда на грани. Карин, с которым я уже который месяц учусь на одном курсе, который сейчас как ни в чем не вызвало сидит тут, смотрит совершенно спокойно, правда, чуть настороженно, этот самый Карин — из ночных?

— Не придумывай лишнего, — он словно прочел мои мысли. — Да, мы вне закона, но это не значит, что мы прямо исчадия ночи.

— Как это не значит? — сбоку раздался нахальный голос Вейна. — Мы же едим младенцев в колыбели.

Не обращая внимания на глупые подначки, я молча смотрела на Карина. Тот, тоже не сводя с меня взгляда, жарко продолжал:

— Наш клан — воровской. Но мы не срезаем кошельки на рынке и не забираемся в чужие дома. Ну, — он чуть смутился, — пока на кону не стоит что-то по-настоящему грандиозное. Наша Добыча — фамильные секреты или гильдейские тайны. Шпионаж во вражеском государстве или клане. Разведка. Понимаешь?

Я отвела взгляд. Новость оказалась слишком шокирующей, необходимо было время, чтобы переварить ее. В принципе, то, что говорил Карин, сочеталось с моим знанием о мире. Ночные кланы боялись, но и уважали, о них говорили с оглядкой, но без презрения. Это были профессионалы высшего класса.

С другой стороны, они прятались настолько хорошо, что некоторые в их существование попросту не верили. А теперь мой однокурсник утверждает, что он родом из такого клана. Вернее, не он один. Их еще и двое — свалились оба на мою голову.

— Ты слышала про Белую Змею?

Вопрос показался неуместным, но я ответила, пожав плечами:

— Конечно, кто про нее не слышал. «Придет белая змея и украдет тебя», так ведь детей пугают, если они не слушаются? Или ты о другой какой-то?

Карин неожиданно усмехнулся.

— Наверное, о ней. Пугают детей, серьезно? На самом деле она тоже из наших, только действовала несколько поколений назад. И воровала не детей, а чужие секреты. Иногда почти ценой собственной жизни. У нас ее приводят в пример как легендарную мастерицу темного искусства.

Интересно. До сих пор и не думала, что Белая Змея существовала на самом деле. Хотя... Хен говорил, что и Морвенна существовала. Может, они даже были знакомы? Маги живут долго. Хотя нет, не настолько долго, разница ведь в несколько столетий.

Интересно, кто была эта Белая Змея по специальности.

Кажется, я брякнула это вслух, потому что Карин ответил:

— Она была мечница. Боевик.

— О-о-о...

Теперь понятно, почему заговорил о ней. Она же его кумир. Как я восхищаюсь, скажем, своим предком Инором, основателем рода, так он Белой Змеей: и ночная, и мечница.

Это было так мило, что я невольно заулыбалась. Карин, желающий защитить свой клан, гордиться им, мне близок и понятен.

— А зачем вам обучаться в академии?

Неужели они и здесь ищут какие-то секреты? Вообще говоря, тут полно знаний и редких книг, артефактов, которые вполне могли вызвать интерес какого-нибудь клана. И что, братья выполняют заказ?

Карин хмыкнул.

— Да хотя бы для прикрытия. У каждого уважающего себя ночного должна быть обычная жизнь. Наши все учатся где-нибудь, если не в академии, то при городской школе.

Хотела спросить еще кое-что, но Вейн вдруг вскочил с места, быстрым смазанным движением — я даже не успела отшатнуться — оказался у меня за спиной. Перед глазами блеснули длинные когти, а в следующий миг ощутила, как твердый металл врезается в горло.

— Проговоришься — умрешь, — произнес он свирепо.

Я замерла. Он ведь и правда может меня убить, стоит только сжать руку.

И тут парни в один голос расхохотались. Когти исчезли, Вейн схватился за живот.

— Ой не могу! Ты видел ее рожу? Явно решила, что пришел последний час!

Карин, поймав мой взгляд, осекся. Извинился, встал и дал Вейну щелбан. Точнее, попытался, потому что Вейн увернулся и отбежал. Карин за ним, Вейн прочь от него, потом один схватил другого за руку, прижал к стенке, и я окончательно перестала понимать, кто из них где.

— А ну сядьте! — прикрикнула на обоих. — На те же места, желательно, а то я временно в вас потерялась.

Парни переглянулись, усмехнулись, и один пошел обратно к столу Хена, а второй забрался на стул у стойки. Продолжил, как бы подытоживая, с того же места, на котором прервался разговор:

— В общем, все не так страшно, как ты могла себе представить. Но теперь ты понимаешь, почему об этом не следует никому говорить? Даже твоему этому. Или особенно ему.

Пропустив мимо ушей выпад в сторону Хена, спросила то, что меня интересовало:

— А почему Висперина сказала, что тебе не поздоровится, если пойдут слухи? Она в курсе, что ли?

Сидящий у стойки — я уже поняла, что они все-таки поменялись местами, и это был Карин — кивнул другому.

— Давай ты лучше скажи.

— Дело в другом. Ви встречается с одним боевиком, и, если всплывет, что она не только с ним встречается, мне намылят рожу.

Похоже, перспектива Вейна не удручала, потому что он широко ухмылялся.

— Ты знаешь, что она уже собирает свою команду? И я туда приглашен лучником.

— Вейн специально подобрался к ней, чтобы быть в курсе ее дел, — пояснил Карин.

— Ну и еще ради секса, — вставил тот, заставив меня молча закатить глаза к небу.

— Не слушай его. Он, кстати, выяснил, кто тогда нас подслушивал. Помнишь, на тренировке рано утром? Кстати говоря, тот же человек заложил тебя твоим братьям. По указке Висперины.

— И кто же это был?

Я ведь узнавала у Ласа, он сказал, Вейсу была подброшена записка. Записка, это ж надо! Насколько человек должен быть мелочным и трусливым, чтобы воспользоваться таким способом! И это боевик? Наверняка кто-нибудь из самых слабых. Ведь мы же будущие лидеры. Разве станет потенциальный лидер заниматься такими вещами?

Карин подержал паузу еще немного и наконец произнес:

— Хаунд.

Я настолько не ожидала услышать имя сильнейшего на курсе, что долгое мгновение лишь бессмысленно гипнотизировала Карина глазами.

А потом руки сами сжались в кулаки.

Вот как. Похоже, не все первокурсники боевого факультета разделяют мои взгляды на то, что подобает боевикам, а что нет. Взбесило меня другое. Хаунд мог подкидывать дурные записочки, сколько влезет, но дело-то в том, что он знает, что я Сантерн! Он подслушал наш с Кариним разговор, потрудился донести братьям, отлично понимая, что они за мной примчатся. И при этом все равно распространяет слухи, мол, я незаконнорожденная.

Явно рассчитывает, что, если даже заявлю, что я Сантерн по крови, все посчитают это всего лишь попыткой оправдаться.

Ну уж нет. Не буду ничего никому доказывать. Вернее, буду, но делом. Турнир начнется после зимних праздников — вот тогда и посмотрим, кто выйдет в финал.

— Ясно. Спасибо, что сказал.

— Надеюсь, ты не полезешь теперь на рожон? — озабоченно спросил Карин.

— Не волнуйся, — хищно усмехнулась, — Хаунд сам на рожон полезет. Собственно, он уже начал. А видя мои «успехи» на тренировке, еще больше уверится в победе. Вот тут мы и посмотрим...

Карин открыл рот, но тут же захлопнул. Я тоже замерла, услышав лязг ключа во входной двери.

Хен!

А мы тут втроем, причем один из нас в академии фактически нелегально.

Надо отдать им должное, в отличие от меня близнецы не паниковали. В одно мгновение исчезла обволакивающая нас глушилка, Карин вскочил, Вейн воспользовался магией и исчез. Я тоже встала, с ужасом уставившись на дверь. Она в тот же миг открылась, и на пороге появился уставший Хен.

Окинул взглядом гостиную, сразу заметив и Карина, и застывшую меня, и три кружки с чаем. Сказал лишь: «Добрый вечер», правда, от его тона у меня по коже пробежали мурашки — настолько явно он означал: «Выметывайся отсюда».

Карин, кажется, тоже это понял. Улыбнулся — мне показалось, улыбка потребовала от него усилий, — и как ни в чем не бывало пошел к выходу.

— В общем, спасибо за помощь и гостеприимство, но мне пора.

Хен молча проводил его взглядом. А я так и застыла, опасаясь, что сейчас он что-нибудь скажет или заметит. Или слишком быстро захлопнет дверь, и Вейн не успеет уйти.

Но бушевать и хлопать дверьми Хен не стал. Шаги Карина стихли — как ни прислушивалась, не могла различить, шум от ног одного человека или двоих — и я выдохнула с робким облегчением. И тут же снова вздрогнула от ледяного:

— Смотрю, ты развлекаешься вовсю.

— Я не... это... просто нам нужно было кое-что обсудить...

Хен смотрел отчужденно и непримиримо, и я совсем растерялась. В глубине сознания мелькнуло, что я вовсе не обязана оправдываться. Он сам гулял с Виспериной. Правда, сказал, что она только просила помощи с учебой, — но ведь и мы с Карином не занимались ничем предосудительным. Мы даже наедине-то не были на самом деле.

Эта мысль вернула мне спокойствие и уверенность в себе. Не дожидаясь, пока Хен начнет задавать неудобные вопросы, например, почему мы с Карином были вдвоем, а чашек три, я подхватила их и шмыгнула на кухню мыть посуду.

Слава Нигосу, Хен ничего не спросил. Молча сел за свой стол, зажег светлячок и начал заниматься. Я расправилась с делами, искупалась, немного посидела над учебником, но знания в голову не лезли. То вспоминалась ухмылка Вейна, то Кариново «Мы из ночного клана», то всплывали в памяти издевательские интонации Хаунда.

Наконец встала и бросила в пространство:

— Я спать.

Хен так и сидел за своим столом, на мою реплику никак не отреагировал, но когда я уже стояла на пороге спальни, позвал вполголоса:

— Сатьяна...

— Да?

Остановилась, чувствуя, как в глубине тела что-то отзывается на его голос. Как будто распускается цветок, одновременно становится тепло и растекается загадочное томление.

Послышался скрежет ножек стула о пол. Я скосила глаза — там, в глубине комнаты, стояло злополучное зеркало, и в нем отражалась моя фигура, короткие светлые волосы и непривычно незащитная спина. Это ощущение незащитности усилилось, когда сзади ко мне подошел Хен — высокий, худой — и остановился так близко, что я почувствовала тепло его тела.

Одного этого хватило, чтобы сердце забилось сильнее. А в следующий момент, когда Хен протянул руку, и я ощутила его пальцы на коже предплечья, меня вообще пробило долгой томительной дрожью.

— Ты с ним встречаешься? — неожиданно спросил он. — Не думай, я не возражаю... все понимаю. Только... хотелось бы, чтобы ты сначала сама сказала об этом — а не так, чтобы я пришел домой и застал в гостях...

— Ты с ума сошел? — вспыхнула я.

Выврала руку, резко развернулась, закинула голову, уставилась в темно-синие глаза.

В них мелькнуло недоумение.

— Вы не встречаетесь?

— Нет!

— Извини, — быстро пробормотал Хен, отошел, будто чего-то испугавшись, и молча сел на свое место.

Я побуравила взглядом его склоненную спину и белоснежный затылок. Бесполезно. Хен то ли делал вид, то ли и впрямь целиком ушел в учебу.

Легла в холодную кровать. В тишине неосвещенной спальни в голову то и дело лезли дурацкие предположения. Этот вопрос Хена... и вообще его поведение — словно тщательно скрываемый гнев — можно ли считать, что он ревнует? От этой мысли внутри становилось тепло и щекотно.

Дверь нам открыла белка.

Самая обычная белочка, разве что чуть крупнее привычных обитателей наших лесов. С пушистым длинным хвостом, черными бусинками глаз, маленькими лапками, которые сноровисто справились с замком.

В первый миг я обалдела, а потом вспомнила, чей день рождения отмечаем. Эйвера,

четверокурсника, в тесном кругу его однокурсников-животноводов и вообще кого попало. Так что и зверья хватало. Впрочем, фамильяров так называть нехорошо.

На первый взгляд казалось, что комната полна студентов, на второй было видно, что тут далеко не только студенты, а меховая шкура на полу — вовсе не шкура, а здоровенный волк, что черная подушка на кресле — свернувшийся клубком котиче, что светляк, полыхающий под потолком, — ослепительная птица, присевшая на сделанную специально для нее жердочку.

— Сразу видно — животноводы, — хихикнула Лидайка.

Я согласно кивнула.

Маги-животноводы не все время проводили в обнимку со своими фамильярами, но как-то всегда получалось, что если в одном месте собиралось несколько животноводов, то не проходило и часа, чтобы один из них не призвал своего фамильяра — то похвастаться, то просто обсудить характеристики — и пошло-поехало.

Но ласки я пока ни у кого не встречала. А ведь фамильяр может быть только один. Можно менять габариты своих зверей, усиливать их, превращая в настоящие машины смерти — та же открывшая нам дверь белка на поле боя может обернуться в роняющую ядовитую слюну мощнейшую тварь в половину человеческого роста, но нельзя одновременно призывать разных животных или превратить своего волка в единорога.

И я все больше склонялась к мысли, что лаской управлял не здешний животновод. Или, по крайней мере, не студент. Да и то, что ласка смогла избавиться от ошейника, вызывало вопросы...

Но сегодня я пришла сюда развлекаться и... Поежилась, поймав требовательный взгляд Лидайки.

Ну да.

Сегодня на повестке дня соблазнение Хена.

Он был здесь, сидел за столом, с улыбкой болтая с какой-то старшекурсницей. Я ревниво посмотрела на нее, но, переведя взгляд на Хена, тут же смягчилась. Сердце привычно екнуло — так сладко и так болезненно.

Сегодня он был еще красивее, чем обычно. Новая нарядная рубашка обтягивала широкие плечи, ворот открывал шею, на руках как всегда веревочки оберегов. Хен почувствовал мой взгляд и поднял голову. Сердце екнуло снова.

Чтобы скрыть смущение, помахала и отвернулась. И получила тычок в бок от Лидайки.

— Чего отворачиваешься? — зашипела она. — Иди сядь поближе! Зря мы тебя, что ли, так старательно одевали?

Кивнула, подавляя непрошенный трепет.

Одевали меня и впрямь старательно. Ради этого я вышла из дома на три часа раньше и с огромной сумкой, в которой лежали почти все мои наряды, и мы с Лидаикой долго перебирали ее и мой гардероб. Спорили до хрипоты: она настаивала, чтобы я оделась как можно соблазнительнее, а я, вспоминая ночь Любования, наоборот, соглашалась только на варианты, которые были лишь немногим наряднее моих повседневных вещей. Казалось, стоит чуть-чуть перестараться — и все пойдет прахом.

Учитывая, что обычно я носила штаны, найти что-то такое, что будет лишь чуть-чуть наряднее, само по себе непросто. Даже самая заваливающая юбка уже казалась чем-то особенным. Но в итоге мы все же нашли компромисс и одели меня достаточно скромно и в то же время мило: чуть ниже колена пышная юбка — нежная, с цветочной вышивкой по краю — и блузка с кружевным воротником.

Лидайка схватила меня за руку и, как полководец войска, повела прямо к Хену. Усадила с ним рядом, сама села с другой стороны от меня, через мою голову завела беседу — наверное, предполагала, что я вольюсь в разговор. Но меня вдруг одолело дикое смущение — от осознания, что сижу рядом с Хеном, что его бедро касается моего — и я уткнулась в пол, опасаясь поднимать взгляд, чувствуя, как яростно пылают щеки.

Слава Нигосу, быстро пришла в себя. Хен вел себя как всегда, рассказывал байки об учебе и сокурсниках, и постепенно я расслабилась.

Вот только великий план соблазнения парня в тот момент, когда он окажется навеселе, пошатнулся — Хен не притрагивался к алкоголю. Лидайка упорно пододвигала ему бокал с вином, он упорно пил только воду, я сидела рядом, притворяясь, что ничего не замечаю.

Пока вдруг посреди беспечной беседы нас не прервал вопрос:

— Так вы правда женаты? Или дальние родственники?

Вздрогнула, не сразу вспомнив, где нахожусь. По другую сторону стола сидел белобрысый парень и сверлил нас любопытными черными глазами. Белозубо улыбался, показывая, что спрашивает без подвоха. Смотрел он на меня, и я замялась, не зная, что ответить.

— С какой целью интересуешься? — пришел на помощь Хен и в следующий момент, словно заявляя на меня свои права, по-хозяйски обнял за плечи и притянул к себе.

Притиснутая к его груди, плаваясь от его запаха, чувствуя, как ускоряется ток крови, я замерла как мышка. Услышала, как протянули с того конца стола:

— О-о-о... все ясно.

— Что тебе ясно, может, она его младшая сестренка? — спросил незнакомый по-мальчишески звонкий голос. — И он отгоняет от нее ухажеров.

— И с этой целью нацепил на нее свадебную серьгу! — Вокруг загоготали.

Я невольно потянулась прикрыть ухо, но пальцы Хена поймали мою руку и мягко отвели. Вскинула на него недоумевающий взгляд. В синих глазах промелькнула непонятная тень — будто Хен собирался что-то сказать, но передумал. Улыбнулся невинной улыбкой. Играет на публику, все ясно.

— Все с ними ясно, — повторил чей-то голос в такт моим мыслям. — Скучно! Все самые красивые девушки уже кем-то заняты.

Хен отпустил меня, и я наконец смогла нормально дышать.

Тут же получила очередной тычок от Лидаи — явный призыв к действию, но я сделала вид, что ничего не заметила.

Праздник продолжался. Кто-то уходил, приходил кто-то новый, вино лилось рекой. Чтобы не привязался хранитель, комнату накрыли пологом и веселились так, как только могут веселиться студенты на исходе сессии.

Через полчаса я обнаружила себя в компании смутно знакомого стихийника с третьего курса. Он шутил, я смеялась, потом заметила, что Хена в комнате нет — и сразу желание веселиться пропало, стало скучно и грустно. Заметалась взглядом по лицам, отыскивая Лидаю. Поняла, что ее тоже нет, и сердце забилось сильнее, меня бросило в жар, навалилась духота, а люди и их голоса словно отдалились, словно меня запихнули в маленькую гулкую коробку.

Я не знала, что именно задумала подруга, она не посвящала меня в свои планы. Но то, что они с Хеном пропали одновременно, наводило на мысли, что наступление началось.

И стоило так подумать, как дверь открылась, и внутрь скользнула Лидаи. Нашла меня взглядом и призывно помахала рукой. Я протолкалась между людьми и вышла следом за ней наружу.

Благодаря пологу звуки праздника как отрезало. Тишина упала плотным занавесом, я даже pokrutila головой, пытаюсь уловить хоть какие-то отголоски веселья.

Подруга подвела меня к соседней двери.

— Все, иди!

Пока я хлопала глазами, она открыла дверь и втокнула меня внутрь.

Это была явно студенческая комната — с небранной кроватью, заваленным учебниками столом и схемами магических токов на стенах. Хозяин отсутствовал — видимо, праздновал вместе со всеми. Я снова поразились общительности и находчивости Лидаи: ну как она узнала, что комната пустует? Впрочем, неважно.

Хен стоял у окна. На стук двери обернулся, а увидев меня, удивился.

— Сатьяна? А где Лидаи? Притащила меня сюда, велела ждать, а сама исчезла.

Я неловко пожала плечами, внутренне проклиная подругу, — и это все, что она придумала? Увести Хена под предлогом важного разговора, а потом приволочь туда же меня?

В голове слегка шумело — даже не от вина, хотя выпила полкружки, а скорее от осознания, что мы

наедине, что наступил решительный момент и надо действовать. Сейчас или никогда.

Ладони вспотели, зачесались, невыносимо захотелось вытереть их о юбку, но под взглядом Хена я это сделать не могла.

Наверное, для начала надо хотя бы подойти поближе. И я решительно направилась к окну. Хен молча, с легким удивлением наблюдал за мной.

Советы Лидайи мельтешили в сознании, сливаясь в бессмысленную мешанину.

«Сядь рядышком. Взгляни на него. Посмотри на его губы, приоткрой рот — он сразу отреагирует, вот увидишь. Еще можно вертеть что-нибудь в пальцах, будто играешь, на уровне груди — он заметит движение, а потом опустит взгляд на грудь — все, полдела сделано».

Когда слушала, эти уловки и ухищрения казались мне откровением. Но сейчас, наедине с Хеном, в ночной тишине, все стало каким-то глупым и ненужным. А на первый план вышло желание выяснить наконец самый важный для меня вопрос. Получить четкий ответ раз и навсегда, чтобы не тешить себя надеждами и не загораться так жарко от ничего не значащих мелочей.

И я, едва добравшись до окна и остановившись напротив Хена, жамкая непослушными пальцами мягкую ткань юбки, бахнула:

— Я тебе не нравлюсь?

Кончики пальцев похолодели, оглушительно заколотилось сердце. Мы смотрели друг на друга, молчание все длилось, хотя на самом деле, наверное, прошло не дольше пары вдохов.

Потом Хен криво усмехнулся.

— С чего такие вопросы?

Усмешка была искусственная, ненатуральная. Я видела, что ему совсем не до смеха, просто пытался свести все к шутке. На лице проступило напряжение.

— Ответь... — потребовала.

Он перестал улыбаться, нахмурился. Глянул в окно — словно ему неудобно было выдерживать мой и срочно требовался предлог отвернуться. Что-то буркнул сквозь зубы. Метнул недобрый взгляд на меня. Отрывисто бросил:

— Не надо, Сатьяна. Ты же ничего обо мне не знаешь.

— Почему не знаю?

Что еще мне нужно о нем знать, кроме имени, возраста, происхождения, его семьи? Или хочет сказать, что его родственники меня не примут? Или что у него есть какая-то тайна? Но даже если так, какое отношение она имеет к моему признанию? Я ведь полюбила его не из-за имени или происхождения. На миг сердце болезненно трепыхнулось: а вдруг невеста? Потом напомнила себе, что невеста невестой, а я официально его жена. И если есть что-то, что я должна знать, сейчас самое время мне это сказать.

Хен поморщился, но пояснять не стал. Вместо этого спросил:

— Зачем тебе это?

— Что «это»?

Мне захотелось отступить. Хен реагировал вообще не так, как я ожидала или могла ожидать. Ладно попытка отшутиться — это можно было предположить. Но странные упреки и эти вопросы... Я не понимала, к чему они.

— Зачем тебе... — он запнулся, на миг отвел глаза. Потом снова полоснул беспощадным недобрый взглядом. — Чего ты хочешь добиться всем этим? — Он неопределенно дернул подбородком. — Зачем ты... — не договорив, отвернулся, уперся руками в подоконник, долго и судорожно выдохнул. Повесил голову, потом покачал ею. Резко повернулся. — Зачем тебе я? — повторил тоскливо и как будто с некоей беззащитностью, усталым безразличием, когда уже нет сил сражаться и хочется просто сдаться.

— Тебя это так сильно раздражает? — произнесла, почти не слыша, что именно говорю, — сердце пустилось вскачь, оглушительно, от напряжения темнело в глазах.

Хен досадливо мотнул головой. Сказал с силой, будто уговаривая:

— Не надо. Зачем? Почему бы тебе не влюбиться в кого-нибудь другого? Вон их сколько крутится вокруг тебя.

Это было как удар под дых. На глазах выступили слезы, дыхание перехватило. Внутри все судорожно сжалось, скрутило болезненной судорогой, резануло, заныло.

«Почему бы тебе не влюбиться в кого-нибудь другого...» Ледяные слова эхом повторялись в сознании. Вот, значит, что он обо мне думает. Назойливая мелкая липучка со своими чувствами. Хочет, чтобы я оставила его в покое и больше не донимала взглядами и признаниями.

От выступивших слез лицо Хена расплывалось перед глазами. Я стиснула зубы, чтобы не расплакаться прямо здесь. Изо всех сил стараюсь держать спину, повернулась.

Скорее, скорее бежать отсюда. До двери дойти медленно, чтобы снова не выглядеть глупой малолеткой, а там уже можно пуститься со всех ног. И не домой, только не домой. Дождусь окончания праздника где-нибудь на стадионе или на тренировочной площадке, заявлюсь к Лидае, выскажу все, что думаю о ее дурацких планах и...

Мысль додумать не успела. Хен нагнал меня на полпути, схватил за локоть, рывком развернул. Его грудь вздымалась, глаза метали молнии.

Я вжалась лопатками в жесткую холодную стену. Дверь была рядом, но Хен одной рукой уперся в стену над моей головой, другой преградил мне путь. Я вдруг испугалась, рванулась было, но рука Хена помешала, а в следующий миг он вообще прижал меня к стене, придавил сильным, крепким телом.

— Проклятье, Сатьяна, — проговорил глухим, полным муки голосом. — Не делай такое лицо. Это невозможно...

Застыла, притиснутая к стене его телом. На глазах еще были слезы, но сердце уже выскакивало из груди. Я ничего не понимала, но было страшно даже дышать, словно в любой момент могло случиться что-то непоправимое. От напряжения потрескивало в воздухе. Отвернувшись, смотрела в пространство, опасаясь говорить и шевелиться. Любые слова или действие могли оказаться ошибкой.

Я почувствовала, как к скуле прижались мягкие губы. Дыхание опалило кожу, на мгновение меня точно в горячую лаву окунули. Вздогнула, взметнула глаза на Хена. Он поцеловал меня? Мне показалось?..

В его глазах плавало столько разного, что я совсем растерялась. Смутная тяжелая вина, глухое отчаяние, тревога, сожаление — и еще что-то непонятное, тягучее, вызывающее внутреннюю дрожь, какой-то неявный сигнал, заставляющий мое тело реагировать. Синие глаза стали почти черными, и я тонула в них, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Хен снова глухо и тяжело вздохнул. Взгляд, странно расфокусированный, затуманенный, опустился чуть ниже, Хен резко сглотнул, облизал губы, будто в горле внезапно пересохло. Рывком, словно совсем отчаявшись, прыгая с головой в омут, подался вперед. Горячие губы накрыли мой рот, раздвинули, язык ворвался внутрь — это был рваный, почти насильный поцелуй, хотя я ничуть не сопротивлялась. Едва оторвавшись от моих губ, Хен поцеловал меня снова — еще необузданнее, со звериной дикостью, будто заявляя свои права.

Дрожала в его руках, не понимая, что происходит. Бросало то в холод, то в жар, я не верила собственным ощущениям, не верила, что Хен целует меня, что это на самом деле. Внутри все сжималось от его близости, запаха, от настойчивых движений языка и губ.

Совсем растерявшись, я робко обняла Хена за талию — нет, скорее вцепилась в полы рубашки, то ли пытаюсь притянуть ближе, то ли чтобы самой устоять на ногах. Смявшие ткань пальцы коснулись гладкой горячей кожи, Хен судорожно вздохнул и стал целовать меня так яростно и испуганно, что коленки у меня окончательно подкосились. Он будто вымещал на мне злость или, скорее, выплескивал что-то, давно его мучившее; точно сам не мог остановиться, пока не выпустит весь этот бесконечный пыл, не избавится от сжигающего его жара. Его пальцы пробрались в мои волосы, ласкали кожу головы, рождая сотни мелких иголочек. В промежутках между поцелуями я видела его глаза — шальные, пьяные, затопленные чем-то первобытно-темным.

Наконец этот безумный, невозможный водоворот стал стихать. Хен целовал меня спокойнее и вдумчивее, дольше заглядывал в глаза, словно проверяя, все ли в порядке. Зато руки его опустились ниже, оплели меня намертво, даже дышать было трудно. А может, дыхание спирало от нашей невероятной близости — ничего не понимая, я только боялась, что она сейчас прекратится. Что в следующий момент он отстранится от меня, скажет какую-то резкость, прогонит — или сбежит сам.

Но Хен после очередного поцелуя уперся лбом в мой лоб и смотрел в глаза, дышал тяжело, как

загнанный зверь, но во взгляд возвращалась разумность. Поднял руку к моему лицу, и пальцы плавно, нежно скользнули по коже, очерчивая линию скул, щеку, челюсть.

— Глупышка Сатьяна, — пробормотал глухо и неразборчиво, слабо улыбнулся.

В глазах тяжелым осадком колыхалась неясная вина. Это настораживало, но я предпочла не заостряться на ней, не хотелось обращать внимание ни на что, что могло бы нарушить момент беспредельного счастья.

Я потупилась, а потом уткнулась носом в рубашку Хена. Вцепилась в нее, будто боялась, что Хен сейчас уйдет. Может, и впрямь боялась.

— Глупышка, — повторил он чужим далеким голосом, но обнял меня, притягивая к себе.

Его сердце под моей ладонью колотилось так же бешено, как мое, и это кружило голову и путало мысли.

Домой мы пошли вместе, рука об руку. Не могла поверить, все поглядывала на Хена, словно он в любую минуту мог растаять, но тот только посматривал в ответ с легкой улыбкой. Мужские крепкие пальцы, переплетенные с моими, вызывали ощущение уверенности.

Поначалу мы оба молчали. Я боялась говорить, страшилась ляпнуть что-нибудь такое, что разрушит едва зародившиеся отношения. Хен заговорил сам: о сессии, о приближающихся праздниках, о смешных случаях с его сокурсниками. Вел себя как всегда, и, если бы не наши сплетенные руки, я бы засомневалась, что между нами что-то было.

Рассказы Хена были веселыми, я хохотала, но внутри продолжала мучиться, не в состоянии вычленив самый главный вопрос. Наши отношения и правда изменились? Можно ли считать, что мы встречаемся? Я ему все-таки нравлюсь? В принципе, недавний поцелуй обнадеживал, но вдруг... вдруг это был мимолетный порыв, нахлынувшее желание, случайное, ничего не значащее? Очень хотелось поговорить наконец начистоту, определить раз и навсегда, кто мы друг другу.

Чем ближе к дому мы подходили, тем неуверенней я делалась. А когда Хен отпустил мою руку, чтобы открыть дверь, вообще почувствовала себя одинокой и брошенной.

Хен зажег светляк, прихожая осветилась мягким оранжевым светом. Повинуясь вежливому жесту, я шмыгнула внутрь, чувствуя странное смущение. Стащила куртку, потянулась повесить, но она сама поползла из рук. Я вскинула глаза на Хена, а он отобрал одежду, быстро кинул ее на вешалку и вдруг резко шагнул ко мне, чуть не заставив попятиться.

Как всегда от его близости кровь сильнее погнала по жилам. Темный пристальный взгляд смущал и будоражил. Руки Хена коснулись моих, пальцы скользнули по коже, рождая волны крупной дрожи, в горле мгновенно пересохло. Я все же попятилась — отступила на шаг, другой, пока не уперлась спиной в стену, и убежать стало некуда.

Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда Хен поцеловал меня. Пошло отбивать сумасшедше-радостный ритм, заставляя внутренности плавиться, истекать горячим волнующим жаром. «Нравлюсь! Все-таки нравлюсь!» — кричал возбужденный мысленный голос. Осмелев, я тоже обняла Хена. Сначала просто держалась за рубашку, как в прошлый раз, потом — поцелуй все продолжался — отважилась настолько, что просунула руки под нее. Хен не возражал, только задышал шумнее, и поцелуи его стали еще более волнующими.

Мы долго целовались в темной прихожей. Потускневший светляк едва теплился, когда Хен отпустил меня и, как прежде, на некоторое время замер лоб в лоб, успокаивая дыхание. Как зачарованная смотрела в его глаза, по-моему, я могла бы делать это вечно. У Хена были потрясающе красивые глаза, особенно сейчас, с тонкой полоской синей радужки, затуманенные и манящие.

— Иди мыться, — прошептал он прерывисто. Отпустил меня, подтолкнул легонько.

Я послушно зашла в спальню за домашней одеждой и отправилась в ванную. От происходящего кружилась голова. Закрыв дверь, привалилась к ней и выдохнула. Потрогала горевшие губы. Быстрым движением шагнула к зеркалу. В нем отразилась до неприличия счастливая Сатьяна с сияющими глазами, пылающим румянцем и припухшими от поцелуев губами.

Ой, что завтра скажет Лидайя... Устану краснеть от ее расспросов и шуточек. А если сегодня мы еще и... От следующей мысли все внутри сжалось от ужаса и восторга.

А что если ночью мы с Хеном станем по-настоящему близки? Ведь все к тому и ведет. Эти безумные поцелуи, явная тяга, наше взаимное, сводящее с ума желание. И мы женаты, никто и слова не

скажет, если это и правда произойдет. Так почему бы и нет?..

Стараясь не слишком поддаваться пугающей и соблазнительной мысли, я старательно вымылась, высушила волосы, почистила зубы. Переоделась и судорожно пожалела, что не захватила ничего миленького и соблазнительного. Хотя у меня в гардеробе и не было ничего миленького и соблазнительного, я же не Лида с ее пеньюарами и вызывающим алым бельем. Обычные мягкие короткие шорты, достаточно свободные, чтобы не мешаться во время сна, и просторная хлопковая кофта, теплая и уютная. Кого соблазнишь в таком виде?

Вздохнув, осторожно приоткрыла дверь и выглянула. Хен сидел за столом, что-то читал. Хотя нет, скорее размышлял: на лбу появилась суровая складочка, рот крепко сжат, будто мысли не доставляли ему удовольствия.

Я выскользнула из ванной, и меня заметили. Взгляд метнулся на лицо, потом ниже, на мгновение замер где-то, потом опустился еще ниже. От такого беззастенчивого интереса я почувствовала себя почти обнаженной и, конечно же, залилась краской: щеки загорелись мгновенно. Ну вот, он наверняка подумал, что я похожа на чучело.

— Иди сюда, — сказал охрипшим голосом.

Я смутилась, но подошла, остановившись в двух шагах. Хен подъехал на стуле мне навстречу. Поймал за руку, потянул. Подвинулась ближе, вновь остановилась растерянно, но он заставил пройти дальше. Замерла между его расставленных ног. Близко. Преступно близко.

Хен сидя был почти с меня ростом. Я смотрела на него чуть сверху вниз. Может, поэтому так хорошо видела все изменения: как темнеет его взгляд, как глубже и тяжелее становится дыхание, как вздрагивает кадык на мощной шее. От этих перемен захватывало дух, а от того, что Хен не отпускал моей руки, по коже вверх шли горячие будоражащие волны.

Беззащитность в его глазах сводила меня с ума. Беззащитность и какая-то невыразимая то ли мольба, то ли призыв. Я провела указательным пальцем по скуле Хена, по щеке, дотронулась до подбородка. Он не уклонялся, продолжал смотреть на меня, и взгляд его с каждым мгновением темнел еще больше. Не сумев побороть соблазн, дотронулась до мужских губ. Они были мягко-шершавыми, тоже чуть припухшими, как мои, и, вспомнив свое недавнее отражение, я чуть улыбнулась. Под моими пальцами губы Хена двинулись: он тоже улыбнулся, повторяя за мной, как зачарованный. Я наклонилась и попробовала прикоснуться к ним губами. Провела мягко и осторожно, лоя каждый миг, каждое трепетное дыхание, каждое движение навстречу. Хен порывисто выдохнул, его руки сжались на моих бедрах, невольно заставляя потерять равновесие, упереться ладонями в его плечи, прильнуть всем телом, ощущая твердую грудь и пресс... и еще кое-что.

Губы Хена раскрылись навстречу, он углубил поцелуй, рука легла на мой затылок, не позволяя вырваться. Но поцелуй вышел коротким. Хен будто заставил себя прерваться. Встал, отстранил меня, мягко чмокнул в макушку. Я разочарованно надулась. Возбуждение не схлынуло, так и бурлило внутри, и я чувствовала себя котенком, за шкурку оттащенным от миски с едой, или пьянчужгой, у которого отобрали налитую кружку вина.

Не обращая внимания на мои гримасы, Хен исчез в ванной. Послышался шум воды. Я немного посидела за столом, потом сбежала в спальню. Нырнула в постель, спряталась под одеялами и принялась ждать.

Хен появился, когда меня уже потянуло ко сну. Впрочем, когда кровать качнулась от тяжести чужого тела, я разом проснулась и затаилась, чувствуя себя мышонком в норке. Хен лег, жестом погасил светляк, привычным движением повернулся на бок лицом ко мне и вздрогнул, буквально наткнувшись на мой взгляд.

— Не спишь? — спросил, будто пытался выиграть время.

Я ничего не ответила, продолжая сверлить его глазами. Одеяло закрывало нижнюю часть лица, так что я чувствовала себя как в домике, а Хену, кажется, было неудобно, потому что он не мог прочесть выражение моего лица. Наверное, поэтому он осторожно сдвинул одеяло вниз. Улыбнулся, поймав мою робкую улыбку.

— Спи уже. У тебя ведь завтра с утра экзамен, разве нет?

«Спи?»

Я кивнула, не сумев подавить разочарование. А как же?.. И плевать на все экзамены, если сегодня может произойти кое-что поважнее.

Хен будто понял. Мягко усмехнулся и объявил:

— После сессии поедem к твоим.

Улыбка сползла с моего лица. Это еще зачем?

— Хочу внести вено. Пока я этого не сделал, между нами ничего не будет.

Я задохнулась от возмущения. Что?! Несправедливо! Мама и так вытянула из него уйму денег! Открыла было рот, чтобы вылить на голову Хен поток возражений, но он предугадал и накрыл пальцем мои губы. Твердо сказал:

— Нет. Сначала вено, потом все остальное.

Может, я бы сопротивлялась и дальше, но Хен, словно решив разом покончить с моими протестами, вдруг перекатился, оказываясь надо мной, и принялся целовать.

Я была словно гусеница в плену одеяла и тяжелого мужского тела, спеленатая по рукам и ногам, а Хен явно наслаждался моей беспомощностью.

Когда поцелуй закончился, я тяжело дышала, мысли улетучились. Но когда Хен слез с меня и лег рядом, первым делом поинтересовалась:

— А когда ты решил, что я все же тебе нравлюсь?

Хен удивленно приподнял брови, снова заулыбался.

— Сложный вопрос. Я понятия не имею. Не думаю, чтобы решал что-то. Зато знаю, когда понял, что дело швах.

Подбор выражений меня позабавил. Но я затаилась, чтобы не пропустить ни слова.

— Ты ведь поцеловала меня тогда в палатке ночью?

Вопрос застиг врасплох, и в памяти поразительно ярко встали подробности той ночи. Разговор с Кариним у костра, обида, Хен, спящий в палатке. Его лицо с закрытыми глазами — и мой нечаянный порыв.

Наверное, я густо покраснела, потому что нынешний Хен, не скрываясь, смеялся. Правда, почти сразу посерьезнел.

— Тогда я решил, что мне приснилось, но... Не знаю, сложно объяснить. Я вдруг понял, что все не так, как мне казалось. Включая мои собственные чувства. А потом, на следующую ночь, когда ты призналась... Я испугался. — Хен на миг замолчал, его кадык дернулся. — Себя испугался. Того, что, оказывается, я тоже к тебе чувствую... что-то. А потом твоя матушка устроила переселение. Так и покатило все по наклонной... — Он усмехнулся, показывая, что шутит.

— Ты за мной подглядывал, — пробурчала, чувствуя, как горят щеки. Хотя они весь вечер полыхают не хуже светляка, мной можно комнату освещать.

Хен подпер рукой голову и уставился на меня с многозначительной усмешкой.

— А ты не специально это устроила?

— Нет, конечно!

— Ну мало ли... Ты ведь постоянно ходишь в таком виде... провоцирующем. Все недоумевал, ты специально или просто не понимаешь.

Я хлопала глазами. Провоцирующий вид? О чем он? О старых домашних шортах? Или бесформенной кофте? Или хлопковой маечке вместо красивого кружевного белья? Даже из-под одеяла вылезла, села, скрестив ноги, и потянула кофту, показывая:

— Ничего же не видно, она даже не облегает...

Хен окинул меня медленным вдумчивым взглядом. Уделил особое внимание скрещенным ногам, и я в который раз подумала, что похвастаться мне нечем. Вот были бы у меня ноги от ушей, как у Лидаи. А так — обычные, пожалуй, слишком толстые в ляжках, пятнистые от синяков — неизбежное зло от тренировок.

— Ничего ты не понимаешь, — пробурчал Хен, — совсем ничего. Давай спать.

И повернулся ко мне спиной, гад этакий.

Вне себя от возмущения я закуталась в одеяло, но буквально через пару минут нырнула под

соседнее и прижалась к горячей спине.

— Сатьяна... — простонал Хен. — Спи.

— Как раз и пытаюсь заснуть.

Он вздохнул, смирившись с неизбежным, и наступила тишина.

Домой ехали большим караваном. Я вспоминала, как в том же составе мы с братьями и Хеном проделывали путь до академии. Как Хен подшучивал надо мной, называл мечницей... и как вдруг предложил формальный брак, узнав, что я не хочу к «рыбакам». Удивительно было сознавать, как все изменилось. Тогда и подумать не могла, что когда-нибудь наш брак станет вполне реальным. Ведь буквально через пару дней, когда мы приедем, Хен внесет выкуп, и я стану его женой по-настоящему.

От этой мысли внутри все замирало.

Я уже смирилась с мыслью, что мать снова погреет руки. Хен несколько раз объяснял, что делает это не потому, что не сумел найти предлог для отказа, а сам этого хочет. Сказал, что поставит условие, чтобы мать не могла воспользоваться этими деньгами, чтобы они были записаны на мое имя в качестве приданого. Тогда я смогу ими воспользоваться, если вдруг с ним что-нибудь случится. Я и наши дети.

Аргумент о детях стал решающим. Сама я о них до сих пор не задумывалась.

Хотя нет, было однажды, когда сказала Лидаёе, что мы с Хеном теперь вместе, а она спросила, как обстоят дела с предохранением.

Вопрос ошеломил, как удар по уху. Почему-то мне и в голову не приходило побеспокоиться на сей счет. Просто решила, что раз мы женаты, то все в порядке. Но Лидаёя была права: я только на первом курсе, какие дети, когда едва поступила на факультет, о котором столько мечтала? Еще ведь и желание самого Хена имеет значение: он, небось, тоже о детях не задумывается.

Насладившись моим озадаченным лицом, Лидаёя дружески хлопнула меня по плечу.

— Благодарю небеса, что у тебя есть я, балда!

Она полезла в свою сумку и вытащила оттуда круглый медальон величиной с ладошку. Начертила знак «иргу-ос», и крышка с тихим звоном откинулась.

Я придвинулась к подруге, упираясь плечом в плечо, и с любопытством заглянула внутрь. В медальоне оказалась несложная схема: круг с девятью созвездиями, в центре изображение двух богинь, Девы и Матери, спинами друг к другу.

— Тут, — Лидаёя указала на созвездие Пчеловода, — начало твоего цикла. В этот день читаешь ритуал Венценосной Деве, просишь, чтобы защитила от нежеланных последствий. Если в тот же день, на худой конец, ночью, не успеешь — все, пиши пропало, придется ждать следующего месяца. Если успеешь, тогда следующий ритуал читаешь через три пятнадцатки, в ночь Богини-Матери. Ей приносишь извинения, что пока не можешь последовать ее путем. Если все сделано правильно, то каждые три дня будет загораться новое созвездие. Пока они светятся, можно ни о чем не беспокоиться.

Я вытянула шею, следя за созвездиями в медальоне, — две трети из них сияли. Невольно рассчитав начало следующего цикла Лидаёе, смутилась. До этого я ни с кем не разговаривала на такие темы, разве что мать лет в четырнадцать объяснила, что в жизни женщины бывают особые дни.

— Откуда ты все знаешь?

Лидаёя расхохоталась и с шелчком захлопнула медальон.

— В жизни каждой девушки однажды наступает время узнать об этом. — С намеком приподняла она брови.

Сообразив, я слегка покраснела. Какая я все же наивная. А Лидаёя... она показалась мне еще взрослее и умудреннее опытом, чем раньше. Она же рассказала, где можно приобрести такой медальон. Мы еще немного посекретничали, болтая о всяком девичьем, пока разговор не перешел на Хена.

Подруга неожиданно заявила:

— Знаешь, мне иногда кажется, он не из Вендая. — Она тут же улыбнулась, будто извиняясь за странную мысль. — Даже не знаю почему: он ведет себя как вендаец, говорит как вендаец,

выглядит как вендаец... Может, все дело в словах, которые иногда у него проскальзывают? Они какие-то... слишком старые. Так давно не говорят.

— Ну и что? — надулась я, слова сокурсницы почему-то показались обидными. Конечно, Хен — вендаец, по нему издали видно. — Не обязательно все должны говорить одинаково.

Лидайдя тут же пошла на попятную:

— Глупость сболтнула, не бери в голову. Причина, наверное, в том, что он несколько лет жил в другой земле.

Сейчас, по дороге домой, я вспомнила о том разговоре. Мы с Хеном обсуждали только то, что он поедет к моим: во-первых, мать звала, во-вторых, то самое хагосово вено...

Но что будет потом? После того, как с родителями дела уладятся? Повезет ли он меня в Вендай? Представит ли своим родственникам? Почему-то стало тревожно от мысли, что Хен никогда не упоминал о такой возможности. Ерунда, чушь... я просто слишком много хочу. Надо учиться довольствоваться тем, что уже есть.

Прильнула к плечу Хена, задремавшего от мерного движения, и почувствовала, как он пошевелился, протянул руку, обнимая и прижимая меня к себе, и на душе стало спокойнее.

Все будет хорошо. Мы вместе, значит, все будет хорошо.

Родным Хен понравился, больше того — обаял всех от старого до малого. Даже бабушка, сначала с подозрением отнесшаяся к взявшемуся из ниоткуда вендайцу, увидев, как он управляется с посохом, крикнула и сказала: «Из этого парня будет толк».

Хен подружился и с братьями, и с моим отцом, и уже на третий день они впятером отправились в дикие земли, оставив меня дома. Я бы устроила скандал, но за приготовлениями к церемонии выкупа времени на прогулки не оставалось. Приходилось помогать, украшать дом, готовить запоздалое приданое, закупать продукты и часами торчать на кухне.

Сама церемония состоялась на четвертый день, предпоследний — уже завтра нас ждал караван для возвращения в академию.

Торжество проводили в святилище — перед Хранителем, оберегающим спокойствие и благополучие клана Сантерн из поколения в поколение.

Хен, одетый в шелковую багряную рубашку, вытканную золотом, подпоясанный кожаным поясом, в черных штанах и босой, по традиции подошел к отцу и матери, сидящим на возвышении. Представился по обычаю полным именем, сказал положенные слова и опустился на колени, ожидая вердикта.

Лас, выполнявший роль дружки, держался сзади. Он тоже был в своем лучшем наряде, но, чтобы не затмевать жениха (точнее, уже супруга), старался казаться незаметным и смотреть в землю.

Другие братья — Вейс, Мане, Аттер с женой, а также бабушка с дедушкой, тетки-дядьки и прочая родня — сгрудились у стены слева.

Я стояла с другой стороны от родителей, за ширмой, за спинами Хена и Ласа. Считалось, что меня в комнате якобы нет.

Когда-то невесту и впрямь на церемонию выкупа не пускали, все происходило между родителями и женихом, а то и вовсе без жениха, просто договаривались главы двух родов, но потом традиции стали мягче. Так что я, в платье нежного закатного оттенка, с высокой прической, увенчанной диадемой, — невеста невестой — подглядывала за происходящим в щелку. Жаль, Хена с Ласом видела только со спины, зато лица родителей различала ясно.

Мама выглядела не очень довольной. Еще в первый день Хен договорился с отцом, что деньги достанутся мне и нашим будущим детям. Впрочем, мать старалась не подавать виду, и только я замечала пренебрежительную складку у рта, явно похолодевшие интонации и обиду во взгляде.

Ничего. Ей только на пользу пойдет.

За спинами родителей ровным золотистым пламенем горел Хранитель, бросал отблески на лица, на праздничную одежду. Для него сегодняшнее событие было не в новинку: еще со времен основания рода Хранитель встречал и провожал поколения Сантерн, видел, как растет и крепнет наш клан, как парни приводят невест, как на свет появляются новые представители семейства.

Родители поднялись. Негромко заговорил отец. Попросил Хена как следует заботиться обо мне, не обижать, любить, обеспечивать. Это тоже были ритуальные слова, но на глаза у меня навернулись

слезы. Церемония взноса вено словно стала для нас обрядом самого бракосочетания — взамен того, в маленьком храме Эдеса, — спешного, тайного, будто постыдного.

Обычно выкуп проводится раньше свадьбы, жених приходит в дом невесты, просит благословения ее родителей, обещает заботиться о будущей жене всю жизнь и в знак хороших намерений передает вено. В нашем случае все получилось наоборот, но мне это даже нравилось, ведь тогда, в Эдесе, я еще не любила Хена и представить себе не могла, что полюблю.

После церемонии взноса началась праздничная трапеза, и мы с Хеном сидели бок о бок во главе стола.

Чем ближе надвигалась ночь, тем сильнее я волновалась. Жала диадема, тонкий обруч казался веревкой, которую все туже затягивают. От убранных в непривычную прическу волос начала болеть голова. Хен тоже то ли устал, то ли что, и чем больше темнело, тем мрачнее становился. Он почти не пил — пригубил пару раз, когда старшие настаивали.

Я коснулась его руки, расслабленно лежавшей на столе. Поймала взгляд и чуть не отшатнулась: Хен смотрел с какой-то темной, бурлящей яростью, будто я нож вонзила ему в руку, а не легонько притронулась. Радовало, что этот взгляд предназначался не мне, Хен явно о чем-то задумался. Сообразив, что это я рядом, он смягчился.

— Пойдем? — шепнул на ухо. Потянулся обнять, мимолетно коснулся губами виска, рождая во мне тысячи мурашек.

Кивнула, почти не поднимая головы.

Нас сопровождали шуточки, свист, хлопки — похоже, все семейство тоже восприняло церемонию вено как бракосочетание и теперь провожало нас на первую брачную ночь. Я шла, чувствуя, как алеет на щеках румянец и как рука Хена бережно сжимает мою.

С самого приезда мы с Хеном спали по отдельности: я у себя, в старой спальне, а Хен в гостевой комнате. Но сегодня нам выделили целый домик на отшибе, хотя Хен и пытался уговорить моих родителей, что не нужно лишних хлопот, всего одна ночь осталась до возвращения в академию. Но его никто не послушал, положено — получайте.

Оказавшись наедине с Хеном в глухой тишине пустого дома я занервничала. Пытаясь отогнать ненужные мысли, села к зеркалу.

Спокойно, Сатъяна, никто не сказал, что все состоится сегодня. А если состоится... я еще не успела провести ритуал предохранения, до начала цикла целых две недели.

Но ведь один раз не обязательно означает, что сразу появятся дети?

За спиной, прервав мысли, появился Хен. Молча встал сзади, через зеркало наблюдая за моим лицом. Я замерла, не отводя взгляда.

Все-таки у него странное выражение лица. Хмурое, сосредоточенное, совсем не такое, как полагается фактически новобрачному.

Хотела было спросить, в чем дело, но Хен поднял руки и коснулся моей головы. Затаив дыхание, наблюдала за его движениями. Он медленно, осторожно, проверяя каждый волосок, отцепил диадему. Вынул по одной шпильки, тщательно перебрал пряди. Распустил волосы, прочесал пальцами, массируя уставшую кожу.

Я не сдержала полустона: так приятно было.

Пальцы Хена на мгновение остановились, затем продолжили движения.

— Ты такая красивая, — сказал с непонятной тоской, не спуская глаз с моего отражения.

Поплыв от массажа, я даже не отреагировала. Мне было хорошо, нега заполняла сознание, я почти засыпала. В полусне почувствовала, как расстегиваются пуговицы на спинке платья, как Хен выпутывает меня из одежды. Ощущение короткого полета, прикосновение прохладных простыней, легкий поцелуй — почти невесомый, трепетный — и все уплыло, погружая меня во тьму.

Проснулась я внезапно. Открыла глаза, уставилась в ночной мрак. Сердце странно трепыхалось, словно только что случилось что-то. Я позвала Хена, но никто не откликнулся, а неведомая тревога набирала силы.

Потребовалось немного времени, чтобы обежать весь дом и убедиться, что Хена нигде нет. Часы

показывали уже половину четвертого ночи. Когда мы с Хеном ушли с застолья, было чуть больше двенадцати, я проспала почти три часа. Снаружи — я выглянула — потушены все окна, все лишние огни: клан спал.

Нарастающая глухая тревога погнала меня в главный дом. Ощущение было странным, словно некий зов, непрерывный, отчаянный. К зданию я почти подбегала, влетела в него на всей скорости и остановилась, пытаюсь понять, куда теперь.

Внутри было темно и тихо, как везде. Неужели Хен здесь? Почему? Сбежал от меня в гостевую комнату? Настолько не хочет быть со мной?

Полоснула обида, но ее тут же перекрыл новый надрывный зов.

Не рассуждая, ринулась вниз, потому что зов шел именно оттуда. Из святилища.

Я ворвалась туда и остановилась, утихомиривая дыхание.

Наш всегда спокойный, испускающий ровный золотистый свет Хранитель сейчас не просто светился, он пылал — тревожным, угрожающим огненно-алым.

Но не только это потрясло меня.

Перед алтарем стоял Хен, из его рук исходило мерцающее сияние. Вернее, нет, оно исходило от Хранителя. Хен забирал его!

В первый момент просто не поверила собственным глазам. В сознании пронеслись разные объяснения: я все не так поняла, это не то, что я подумала, или мне все кажется, просто сплю и вижу безумный кошмар. Но стегаящий разум, как кнут, неумолчный зов Хранителя все перечеркивал. Вот что меня разбудило — его зов.

Хен отскочил в сторону и принял боевую стойку, исходящее из рук сияние рассеялось, зато в них появился посох. Хен пригнул голову и прищуренными глазами наблюдал за мной, ожидая нападения. В алых всполохах он выглядел совсем чужим. Беловолосый незнакомец, обманом пробравшийся в наш дом.

— Ты... ты специально меня усыпил?.. — спросила дрожащим голосом.

Сделала шаг навстречу — как была, безоружная, в одной лишь пижаме, которую накинула на скорую руку, вскочив посреди ночи с постели.

Хен сморгнул, на миг на лице появилось беззащитное выражение.

— Сатьяна... — Он чуть опустил посох.

И в это мгновение я атаковала. Привычно и легко сплелась из голубого света, легла в ладони рукоять меча, взвились искры, опоясывая металл. Шаг, другой, пируэт — и лезвие, которое должно было распороть защиту Хена, с силой ударилось о выставленный посох.

На секунду наши лица оказались рядом. Хен дышал зло, с присвистом, по-звериному скаля зубы. Изумление, мелькнувшее в его глазах, когда я ударила, сменилось сосредоточенным спокойствием.

А я... Я сражалась так бешено, с таким остервенением, что не узнавала саму себя. Все чувства — шок, неверие, боль от предательства — ушли внутрь, их место заняло желание защитить свой клан, свой дом. В меня будто вселились все поколения мечников нашего рода, давно ушедшие на ту сторону.

Я долго тренировалась с Хеном и отлично знала, что, сражаясь он в полную силу, мне не выстоять против него больше пяти минут. Но сейчас все было по-другому. Я прыгала, выделывала финты, кружилась вокруг — да только Хен каждый раз успевал среагировать.

Алое сияние разгоралось, на лезвии плясало огненное зарево. Не помня себя, я наносила удары, двигалась молниеносно, а силы, вместо того чтобы уменьшаться, только росли. Выпад следовал за выпадом, словно мою руку направлял кто-то куда более умелый.

Хен не нападал, только защищался, прищуренными глазами следя за каждым моим движением. Я начала его теснить, чувствуя себя всемогущей. В груди звенело ликование. Руки сами знали, как вести меч, да и меч уже был не тем, к которому я привыкла, — не моим коротким и быстрым Сорванцом и не магическим оружием голубых дракончиков, а каким-то другим, неизвестным — куда длиннее, тяжелее, мощнее. Но почему-то управлялась с ним без каких-либо усилий, легко, словно делала это всегда, точно я была не я, а кто-то другой, сильный, древний, закаленный воин, вся жизнь которого прошла в боях.

Замерла перед Хеном, готовясь нанести последний удар. Сейчас... еще немного — и мы уничтожим лазутчика, прикончим вора, осмелившегося осквернить святое.

Мое сознание словно разделилось: часть меня прекрасно понимала, что передо мной Хен, вопила от ужаса, пыталась крикнуть ему, чтобы бежал. А другая — торжествовала. И эта вторая была неизмеримо сильнее, именно она владела моим телом, с легкостью управлялась с огромным мечом — и сейчас именно она занесла огненный меч, готовясь нанести последний удар.

«Беги!»

Я бы зажмурилась, чтобы не видеть, как умирает Хен, но комната сама закружилась перед глазами. Нахлынула слабость, ноги подогнулись, меч выпал из разжавшейся руки. Ускользящим сознанием — тем самым, древним, чужим — подумала, что недооценила противника. Целитель...

В себя приходила медленно. Осознав, что лежу на кровати, облегченно вздохнула: всего лишь кошмар приснился. Но почти сразу стало ясно, что я не дома, не в своей комнате, и даже не в отдельном домике, подготовленном для новобрачных, а в каком-то тесном мрачном помещении, пахнущем пылью и затхлостью.

Сквозь одинокое окно в комнату лился тусклый свет уличного фонаря — ночь еще длилась. Я вскинулась, попыталась сесть — и одна из теней вдруг шевельнулась и превратилась в Хена. Он сидел на постели у меня в ногах, сгорбившись, уставившись в пространство, а теперь повернулся ко мне.

— Очнулась? — Голос его звучал устало и глухо.

Я застыла. Вмиг удушливой лавиной нахлынули воспоминания.

Вот мы с мамой встречаем Хена. Здесь же, в Отрейле, в лавке магических принадлежностей. У нас пропадает кошелек, и Хен получает такой удобный для него шанс заплатить за нас, вызвать благодарность. Может, он уже тогда рассчитывал, что мать пригласит его в дом? Вряд ли. Скорее всего, это был первый шаг на пути к тому, чтобы завоевать доверие клана. Мое доверие. Впрочем — меня наполнила едкая горечь — долго возиться не пришлось: я вообще его не подозревала, а предложение о браке приняла за подарок небес.

Идиотка. Он уже тогда понял, что это самый надежный способ добраться до Хранителя. Вот в чем его выгода. Вот причина участия в судьбе едва знакомой девчонки.

Втерся в доверие, обманул... вено туда же — чтобы получить предлог попасть в дом, я же не приглашала. А он... С какой хладнокровной хитростью, с каким терпением он осуществлял свой план. И ведь не надеялся на одну меня — пока я дулась на братьев, за моей спиной снова с ними сблизился. Вот почему Лас так быстро простил его: потому что Хен приложил для этого все усилия.

А мать? Как ловко он обвел ее вокруг пальца. А я, балбеска, только радовалась, что опасность в ее лице устранена.

Почему же не догадалась, что если он так ловко врет матери и другим, то может обманывать и меня? Ни разу не допустила такой мысли. Какая же я идиотка... Заслужила. Все заслужила. И ведь мать не раз твердила, что многие охотятся за клановыми секретами. Но нет, вместо того чтобы оберегать клан, я собственными руками впустила в него змею.

Разумеется, Хен никогда не любил меня. Просто играл роль, аккуратно держал меня на расстоянии, а потом, когда понял, что другого способа пробраться в дом нет, решил воспользоваться моими чувствами.

Нигос, как же больно... Внутри все саднило, выедало, выжигало — я не знала названия этому ощущению, но решила называть его ненавистью, так было легче. Болезненная, едкая, ядовитая ненависть, от которой душат рыдания, но нет слез.

Спокойно, Сатяна.

Нельзя поддаваться эмоциям. Я должна отобрать у него Хранителя и вернуть домой. Может быть, убить его самого, если получится. Вот только зачем он притащил меня сюда?..

— Как ты себя чувствуешь?

Вопрос дернул за душу своей неуместностью. Я уставилась на Хена ненавидящим взглядом, а он как ни в чем не бывало протянул ладонь, собираясь сделать целительскую проверку. Ударила по руке, крикнула:

— Не смей меня трогать!

Хен настороженно замер.

Качаясь от слабости, я начала выбираться из постели. Может, и не следовало, но бурлящая ненависть заставляла двигаться. Мне просто физически необходимо было оказаться от него подальше.

Хен не препятствовал, сидел, сгорбившись, на краю кровати, и наблюдал за мной прищуренными глазами. Когда я пошатнулась, хотел поддержать, но я отпрыгнула, точнее, шарахнулась в сторону. Ударилась спиной о стену, замерла, тяжело дыша.

— Сатьяна, вернись в постель, — жестко потребовал Хен и встал, готовый сгрести меня в охапку и уложить насильно.

Я замотала головой, прижимаясь к стенке, выставила перед собой руки, попыталась призвать меч. Глухо. Внутри будто что-то перегорело, и, сколько бы я ни взывала, не слышала ни единого отклика.

— Не надо, не обращай к магии. Тебе нельзя сейчас перенапрягаться.

Меня снова затрясло от злости. Как он может так спокойно говорить? Указывать мне, делать вид, что заботится? Притворяться, будто мы по-прежнему...

— Я тебя убью, — прошептала со слезами на глазах. — Ты забрал Хранителя... вор... предатель...

Тень легла на глаза Хена, и мрачная решимость на лице стала заметнее.

— Ты права.

Я задыхнулась. Почему-то стало только больнее. Словно кто-то воткнул в меня нож и безжалостно его проворачивал. Хен никогда не любил меня, никогда... Все было ради того, чтобы похитить Хранителя.

— Я не собираюсь оправдываться. — Хен буравил меня мрачным синим взглядом. — Это подлость и низость... Только все должно было пройти куда тоньше и легче. Бабка часто повторяет, что самый страшный противник — ты сам. Это и произошло со мной. Ты думаешь, я бы не добрался до Хранителя, если бы не встретил тебя? Держи карман шире. Вытащил бы его куда раньше и куда проще. Изначально я вообще собирался подружиться с твоим братом, и он сам пригласил бы меня на Зимние, а то и до них. Но из-за тебя... из-за тебя я решил вообще выбросить эту мысль из головы. Все усилия тратил на то, чтобы найти потерянное оружие. Но не повезло...

Я слушала его исповедь молча.

В душе проклюнулся был росток надежды, но я безжалостно его раздавила. Нельзя верить. Нельзя допускать и мысли, что он что-то чувствует ко мне. Он снова пытается меня обмануть, ему нужно что-то еще. Но что, если он украл Хранителя?

Или... Надежда снова вспыхнула как солнце. Может, не успел?..

— Где Хранитель? — Повела глазами по комнате. Ощущения его присутствия, теплого домашнего покоя, как обычно в святилище, здесь, в этой темной тесной камерке не было, как старательно я ни прислушивалась. Неужели и впрямь Хен не взял его?

— Ты не помнишь?

Я нахмурилась. Последнее, что помнила, — как занозу меч, и силы оставляют меня. Святилище полыхало багровым светом, так что — по крайней мере на тот момент — Хранитель еще был там.

— Почему ты вообще явилась? — спросил Хен будто невпопад, но требовательно и испытующе. — Что тебя разбудило?

— Не твое дело!

— Скажи!

Хен произнес это с такой внутренней силой, с такой непрекаемостью, что я не выдержала.

— Он звал меня... Он звал на помощь!

— Странно... Почему тебя? Решил, что только ты можешь мне помешать?

— Так ты его не взял? — спросила с отчаянной надеждой.

Если Хен оставил Хранителя, я его прощу. Прощу обман и предательство, прощу то, что пытался

использовать меня.

Но он покачал головой. Ответил после паузы, как будто для этого пришлось сделать над собой усилие:

— Взял.

Слово упало, как лезвие топора. Бухнуло тяжело, принося конец моим чаяниям. Взял... Забрал нашего Хранителя, нашу защиту, нашу силу.

— Ненавижу тебя, — прошептала с бессильной злостью.

Ноги подогнулась, я съехала по стене вниз. Села прямо там и заплакала. Как ни старалась держаться, как ни твердила себе, что нельзя показывать слабость, слезы сами выкатывались из глаз, горячие, крупные, неостановимые. Я оплакивала свои чувства, свою глупую любовь, свое наивное доверие. Какая же я все-таки никчемная... Сама привела предателя в клан, позволила ему подобраться к самой нашей сердцевине, к самому важному для нас...

Руки Хена обвили меня вокруг. Прижал к себе молча, с силой, и я услышала, как быстро бьется его сердце. Рванулась, но безуспешно, сил не хватило. Отвернулась, замерла, закрываясь, запрещая себе чувствовать. Хен шептал, обнимая меня, и его жаркое дыхание опаляло висок:

— Боги... не плачь, умоляю. Все что угодно, только не плачь.

Я не слушала. Что за бессмысленная просьба, зачем он пытается меня утешить, зачем вообще все? Неужели воображает, что сможет обмануть меня снова?

— Верни мне Хранителя, — потребовала срывающимся голосом. — Он наша защита.

— Вовсе нет. — Хен покачал головой. — Все, что он может, — это предупредить владельца об опасности. Вы у себя в клане и не знаете, да? Ваш Хранитель — одно из Пяти Оружий. — Я замерла. Разум еще не успел переварить новые сведения, а Хен продолжал: — Сатьяна... пойдём со мной. Я все расскажу. По-настоящему расскажу, если ты станешь частью нашего клана.

— Клана? — повторила механически.

О чем он? Он же неклановый, что он имеет в виду?

Но Хен кивнул.

— Я все расскажу, когда будем дома. Если ты станешь нашей.

Эти слова меня чем-то насторожили. Неклановый, который утверждает, что у него есть клан. Похожее я уже слышала недавно... ну да, от Карина с его братом.

Меня прошила внезапная догадка. Вот почему казалось, будто Хен и Карин знают друг о друге что-то такое, чего не знаю я. Вот почему Карин сумел проследить за нами, а Хен так странно похвалил его, скорее поддел, чем похвалил: «Хорошее владение тенью». Потому что эта способность — из умений ночных, мастеров слежки и шпионажа.

Хен тоже из них.

— Отпусти, — потребовала.

Его руки медленно, неохотно разжались. Хен отстранился, продолжая смотреть мне в глаза.

Я по стенке отодвинулась подальше. Наткнулась на табурет, не без труда уместилась на нем. Спросила, находя во тьме глаза Хена:

— Я вроде бы и так твоя жена, что ты подразумеваешь под «стать вашей»?

Хен опустил взгляд, вновь поднял. Отчаянный, но непреклонный.

— Все потом.

— Ты хочешь, чтобы я ушла с тобой? Зачем тебе это?

Молчал он очень долго. Наконец криво усмехнулся.

— Хороший вопрос. Знать бы самому ответ на него...

Он сидел на полу там, где я его оставила, бессильно опустив руки, и смотрел на меня снизу вверх. Я не могла прочесть его чувства, даже выражения лица не понимала. И тем более не понимала ни

смысла его слов, ни побуждений.

Хранителя он у нас забрал, так зачем ему я? Что он скрывает, чего добивается, чего хочет конкретно от меня?

Ясно было одно: сейчас он предлагает мне навсегда оставить свой клан. Поверить тому, кто однажды уже предал.

— И что, если я скажу нет, ты меня отпустишь? — спросила враждебно, почти насмехаясь.

Но Хен сглотнул, стиснул зубы, и трепетный свет в его глазах потух.

— Ты свободна.

— А ты уйдешь? С нашим Хранителем?

Хен опустил глаза.

Жемчужно-розовое утро зарождалось на востоке. Сыпал снег, первый в этом году. Я стояла на пороге заставы, кутаясь в плащ, — последнее напоминание о Хене. Он сам, едва открылись ворота, исчез в диких землях. Вместе с Хранителем.

Я пыталась остановить его, но едва Хен понял мой ответ, как тут же усыпил меня — в открытую, целительской магией. Проснулась уже одна, а о том, что Хен давно ушел, узнала, сойдя вниз, от сторожа заставы.

А через несколько дней, когда началось расследование, выяснилось, что Хенная Тайсена никогда не существовало. Вернее, существовал полный тезка, но этому Хену было три года, и он был из клана Тайсенов в Вендае. Никакой связи с беловолосым целителем. Род Тайсен был создан искусственно: Хен всего лишь позаимствовал известную в Вендае фамилию.

Мой муж взялся из ниоткуда и исчез в никуда. Скорее всего, по-настоящему его звали по-другому. Я и впрямь о нем ничего не знала — ни возраста, ни имени, ни происхождения... ни его целей.

Хотя чего там — выяснилось, что на самом деле мы даже не были женаты. Наш брак был куда большей фикцией, чем я могла предполагать: фальшивый брак с никогда не существовавшим человеком.

Все, что у меня осталось, — новая фамилия и статус главы новообразованного рода. Рода, состоящего из меня одной.